

Е. В. МАКСИМОВ

ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ УСССР

Е. В. МАКСИМОВ

**ЗАРУБИНЕЦКАЯ
КУЛЬТУРА
НА ТЕРРИТОРИИ
УССР**

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1982

В монографии освещается проблема происхождения и раннего периода истории славян, представленного памятниками заруби-нецкой археологической культуры. Рассматриваются различные элементы этой культуры в период от III в. до н. э. по II в. н. э. и их изменения, обусловленные как временем и местонахождением памятников, известных на Среднем и Верхнем Днепре, Южном Буге, Верхней Десне и Полесье, так и процессом социально-экономического развития и внешними обстоятельствами — экспансией гетов в Северное Причерноморье, набегами сарматов в Поднепровье, перемещениями северных племен, которые привели в III в. н. э. к возникновению новой, так называемой киевской культуры, ставшей основой древностей раннего славянского средневековья.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Ответственный редактор

В. И. Бидзиля

Рецензенты

Н. В. Бондарь, Р. В. Терпиловский

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археология
и документалистике

М 0507000000-511
М221(04)-82 66-82

© Издательство «Наукова думка», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открытие зарубинецкой культуры в конце прошлого века привело к появлению различных мнений об истоках ее происхождения и этнической принадлежности народа, оставившего эти древности. Еще в 1901 г. В. В. Хвойка высказал предположение, что зарубинецкие памятники являются славянскими, поскольку славянские племена на Среднем Поднепровье, по его мнению, обитали с глубокой древности, представляя собой исконное население [Хвойка, 1901]. Год спустя П. Рейнеке сделал попытку доказать, что создателями зарубинецкой культуры были не славяне, а восточногерманские племена, накануне новой эры переселившиеся в Среднее Поднепровье [Рейнеке, 1902].

С тех пор прошло 80 лет, но зарубинецкий вопрос остается нерешенным. Кем являлись зарубинцы — местными славянами или славянами-венетами, пришедшими в Поднепровье с берегов Вислы, германскими ли переселенцами — бастарнами, бургундами или вандалами, западными балтами, а возможно, и исчезнувшим затем народом неизвестного происхождения — дискуссии на эту тему продолжаются до сих пор.

О нерешенности зарубинецкой проблемы свидетельствуют недавно вышедшие работы Б. А. Рыбакова и К. В. Каспаровой. В книгах академика Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия» (1979 г.), «Язычество древних славян» (1981 г.) и «Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв.» (1982 г.) имеются главы, посвященные славянскому этногенезу. Б. А. Рыбаков выделяет несколько этапов и среди них — зарубинецко-шпеворский, продолжавшийся 400 лет (II в. до н. э. — II в. н. э.). Этот этап территориально и хронологически исследователь связывает с предыдущим дужицко-скифским временем. Зарубинецкая праславянская культура выступает, следовательно, как культура местная, имеющая глубокие

исторические корни, уходящие в III тысячелетие до н. э., ибо истоки славянства лежат в культурах раннего бронзового века — тшинецкой и комаровской.

К иному выводу приходит известная ленинградская исследовательница зарубинецких древностей Полесья К. В. Каспарова. По ее мнению, истоки зарубинецкой культуры следует искать на юго-западе, в Балкано-Дунайском районе, то есть за пределами зарубинецкой территории. Появление в бассейне Днепра чернолощеннной керамики и погребального обряда, характерных для зарубинецкой культуры, она связывает с племенами бастарнов, которые расселились в первой половине II в. до н. э. на территории Днепро-Днестровского междуречья.

Кроме таких полярных по своему историческому содержанию современных концепций, в научной литературе имеются десятки высказываний о различных существенных сторонах зарубинецкой проблемы (происхождения культуры, ее хронологии, этническом содержании, исторических судьбах), принадлежащих многим отечественным исследователям и зарубежным ученым различных поколений. Коротко пересказать их содержание вряд ли возможно, настолько они многочисленны и многолики, поэтому сошлемся на монографии, в которых приведена история изучения зарубинецкой культуры [см. Кухаренко, 1964; Максимов, 1972]. Но следует отметить, что все эти многочисленные концепции зарубинецкой проблемы принадлежат, как правило, специалистам достаточно широкого профиля, которые по роду своих занятий не имели возможности изучать конкретный зарубинецкий археологический материал. Поэтому фактологическая база их научной аргументации оказывалась достаточно узкой и выводы, основанные на такой базе, пусть даже дополненные интуитивными, ча-

сто вполне логическими соображениями, не всегда были вполне надежными.

И, наоборот, имеющиеся разработки, которые базировались на значительной сумме фактов, производят более объективное впечатление. К их числу, в первую очередь, относятся выводы П. Н. Третьякова об историческом наследии зарубинецкой культуры, ее месте в древней истории славян [Третьяков, 1966, с. 220—230 и др.]. Зарубинецкая культура не исчезла бесследно в I в. н. э., как утверждали некоторые исследователи, а трансформировалась в поздnezарубинецкую культуру I—II вв. н. э. [Третьяков, 1974, с. 7—10], которая в свою очередь стала основой культуры киевского типа III—V вв.

К числу перспективных разработок относится также вывод Ю. В. Кухаренко о значении элементов западного происхождения в понимании генезиса зарубинецкой культуры Полесья, в котором наличие лошенной посуды и фибул латенского типа объясняется фактом миграции повисленских племен поморской культуры [Кухаренко, 1960]. Что касается других районов распространения зарубинецкой культуры — Среднего и Верхнего Поднепровья, то картина была здесь иной, чем на Припяти, как доказали позднее другие исследователи.

Большое значение для зарубинецкой проблематики представляют работы К. В. Каспаровой и других исследователей, посвященные вопросам зарубинецкой хронологии [Каспарова, 1976; 1978; Максимов, 1969; 1971]. Изучение фибул полесских могильников позволило К. В. Каспаровой более объективно, чем прежде, определить время появления этих памятников (170—150 гг. до н. э.) и их исчезновения (40—70 гг. н. э.). Поздняя дата, установленная К. В. Каспаровой, подтверждается материалами других зарубинецких районов, а поэтому, видимо, является твердо обоснованной. Однако для опреде-

ления ранней даты — времени начала зарубинецкой культуры в 170—150 гг. до н. э. — необходимо учитывать многочисленные находки обломков амфор из среднеднепровских поселений. Этот материал по степени своей хронологической надежности, а часто и точности, превосходит фибулы. Именно амфоры дают твердое основание отнести возникновение зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье к концу III в. до н. э. [Максимов, 1972, с. 114].

Можно надеяться, что дальнейшие исследования в области зарубинецкой проблематики помогут выяснить эти разногласия и, в частности, увязать начальную дату ее становления, определяемую по фибулам, с датировкой, основанной на амфорах.

Памятники территории УССР в исследовании зарубинецкой культуры занимают важное место. Здесь произошло само открытие этой культуры в 1899 г., когда киевский археолог В. В. Хвойка обнаружил на Среднем Поднепровье, вблизи с. Зарубинцы, несколько погребений нового, неизвестного еще науке типа. Возле Киева был раскопан в 1940—1941 гг. первый крупный могильник зарубинецкой культуры [Самойловский, 1959].

После Великой Отечественной войны на Украине развернулись большие работы по зарубинецкой тематике. В 1945 г. на Среднем Поднепровье экспедиция Т. С. Пассек открыла 18 новых зарубинецких могильников и поселений [Пассек, 1949]. В последующие годы на пяти из них В. А. Богусевич, Н. В. Линка, В. О. Довженок и Е. В. Махно провели раскопки [Богусевич и Линка, 1959; Довженок и Линка, 1959; Махно, 1959].

Следующий этап в изучении зарубинецкой культуры представлял собой исследование памятников широкой площадью. К числу первых таких работ относятся наши раскопки поселения на горе Юрковице в Киеве в

1965 г. Затем были начаты работы на Пироговском могильнике — самом значительном на Среднем Днепре [Кубышев, Максимов, 1969]. В 1966—1970 гг. раскапывалась Пилипенкова Гора — большое зарубинецкое укрепленное поселение на южной окраине Канева, где удалось зафиксировать остатки нескольких десятков жилищ, в том числе самых ранних по времени [Максимов, 1971]. Масштабные работы были проведены в 1970—1975 гг. на позднезарубинецком городище Бабина Гора и на синхронном ему могильнике Дедов Шпиль [Максимов, Цыдровская, 1976]. Раскопки могильников Хотяновка и Козаровичи, поселений Таценки и Погребы дали также новые интересные материалы [Максимов, 1969].

В 1968 г. автор обратился к изучению памятников киевского типа, относящихся к следующему за зарубинецким историческому периоду. Эту важную для понимания нашей древней истории археологическую культуру открыл в 1949 г. В. Н. Даниленко, который провел раскопки нескольких памятников, отнеся их к позднему периоду зарубинецкой культуры [Даниленко, Дудкин, Круц, 1967]. И хотя такая интерпретация вошла в литературу, осталось еще много нерешенных вопросов.

Интересные материалы удалось получить при раскопках у с. Казаровичи в устье р. Ирпень, где были исследованы остатки поселения (5 жилищ) и могильника (14 погребений) III в. н. э. [Максимов, Орлов, 1974].

В 1974—1978 гг. изучались памятники Среднего Подесенья. Стационарные раскопки поселения Ульяновка и Роище, а также Выбли, Пески, Высокий Груд, Золотинка, Киселевка и ряда других [Максимов, Терпиловский, 1978; Максимов, Терпиловский, 1979] дали возможность выделить ранний и поздний периоды существования киевской культуры, что позднее подтверди-

лось при изучении памятников этой культуры на Среднем Днепре [Кравченко, Гороховский, 1979] и Верхнем Поднепровье.

Древности раннего периода (III — начало IV в.) имеют характерные позднезарубинецкие черты, в то время как для памятников позднего периода (середина IV — начало V в.) главными являются те их особенности, которые затем отчетливо выступают в раннесредневековых славянских древностях VI—VIII вв. пеньковского и колочинского типов. Такие данные позволили рассматривать памятники киевской культуры не как позднезарубинецкие, а отнести их к новой археологической культуре, возникшей при участии позднезарубинецких древностей. Важное значение памятников киевского типа состоит также в том, что они послужили субстратом раннеславянских памятников — пеньковских и колочинских.

Выяснению особенностей зарубинецкой культуры на Украине в немалой степени способствовали раскопки В. И. Бидзили в Лютеже [Бидзили, Пачкова, 1969], работы К. В. Каспаровой в с. Могиляпы на Волыни [Каспарова, 1973], П. И. Хавлюка на территории Южного Побужья [Хавлюк, 1975], зарубинецкие памятники которого важны для понимания позднего периода существования этой культуры; раскопки А. П. Савчука и Ю. В. Костенко на территории поречья р. Трубеж, памятники которого органически примыкают к позднезарубинецким поселениям, расположенным на Верхнем Подесенье [Савчук, 1969; Костенко, 1978]; систематические раскопки А. М. Шовкопляс, исследовавшей ши-

рокой площадью- обширное и богатое позднезарубинецкое поселение Оболонь в Киеве, где были открыты остатки более 60 жилищ [Шовкопляс, 1975]; раскопки С. П. Пачковой большого поименного зарубинецкого приднепровского могильника I в. до н. э.— I в. н. э. Вишенки, а также данные, полученные во время комплексных разведок, ведущихся многими археологами Украины (Д. Я. Телегиным, С. А. Беляевой, Л. Л. Зализняком, Е. Н. Кухарской, А. В. Шекуном и др.).

Эти обширные и разнообразные зарубинецкие материалы дают возможность не только осветить историю населения территории УССР конца III в. до н. э.— II в. н. э., но и поставить ряд важных общеисторических вопросов.

Для выяснения особенностей зарубинецкой культуры сделано уже многое. Очень успешными были 60-е годы, на которые пришелся расцвет научной деятельности видных отечественных археологов — П. Н. Третьякова, В. П. Петрова и Ю. В. Кухаренко. В 70-е годы вышли в свет несколько обобщающих работ и ряд публикаций, посвященных таким крупным и интересным памятникам, как Велемичи, Отвержичи, Чаплин и Почеп [Максимов, 1972; Поболь, 1971; 1973; Каспарова, 1969; 1972; 1976; 1978; Заверняев, 1969]. Эти работы создали научную базу как для широкого изучения зарубинецкой культуры, так и для дифференцированного рассмотрения отдельных ее сторон, причем последнее положение является необходимым для объективного суждения о культуре в целом. Такой принцип и положен в основу нашего исследования.

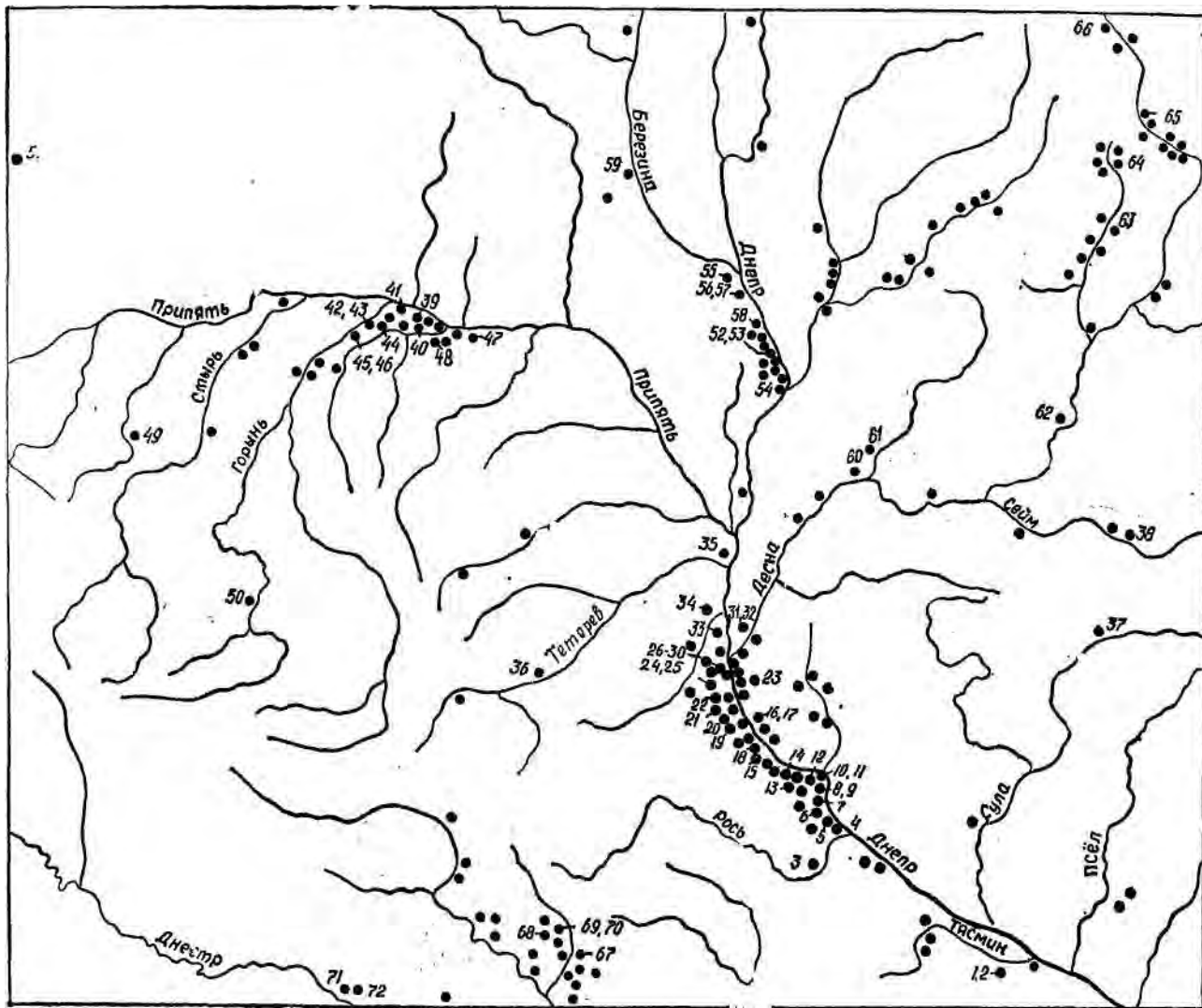
Глава I

ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория зарубинецкой культуры. При характеристике зарубинецкой культуры большое значение приобретает определение ее территории, которую мы рассматриваем не как цельную и единую, а как область, состоящую из нескольких отдельных районов или регионов.

Впервые вопрос о разделении зарубинецкой культуры на отдельные локальные группы памятников поставил В. П. Петров [Петров, 1961]. Несколько позже Ю. В. Кухаренко выделил три локальных группы зарубинецких памятников — Полесскую (Припятскую), Верхнеднепровскую и Среднеднепровскую [Кухаренко, 1964]. Полесская локальная группа заняла в работе Ю. В. Кухаренко центральное место; представленная им в качестве эталона для всех других зарубинецких групп, она являлась, по представлению этого исследователя, наиболее древней зарубинецкой территорией, прародиной всей зарубинецкой культуры, откуда происходило заселение Верхнего, а затем и Среднего Поднепровья. Последнее оказалось наименее «чистым» в сравнении с эталонными полесскими памятниками, в связи с чем Ю. В. Кухаренко поставил под сомнение зарубинецкую принадлежность таких известных поселений, как городища у хут. Монастырек близ с. Зарубинцы, Пилипенкова Гора, Хмельна, Межеричи, Сахновка; Суботов был им вовсе исключен из числа зарубинецких древностей, вместе с памятниками днепровского Левобережья и Подесенья.

Проблема территориального разделения зарубинецкой культуры нашла свое отражение в трудах П. Н. Третьякова, где содержится также критика взглядов Ю. В. Кухаренко и других исследователей по этому вопросу [Третьяков, 1966, с. 223-228; 1969, с. 10-13 и сл.]. Из трех упоминавшихся локальных групп зарубинецких памятников П. Н. Третьяков выделял Средне-

днепровскую как более древнюю по происхождению и наиболее богатую по различным проявлениям материальной культуры. Полесскую же группу он не считал основной, по мнению П. Н. Третьякова, это была «глухая провинция» в сравнении со Средним Поднепровьем. Важное место в работах исследователя заняли доказательства зарубинецкой принадлежности верхнеднепрянских древностей типа поселения Почеп, корни которых оказались среднеднепровскими.

Как считает Л. Д. Поболь, кроме общих черт, присущих всем памятникам зарубинецкой культуры, имеются также еще и различия в материальной культуре, типах поселений и деталях погребального обряда, которые позволяют выделить три главных варианта зарубинецкой культуры — верхнеднепровский, припятский (или полесский), среднеднепровский, а также своеобразный вариант — почепский, который сложился в результате смешения за-

Табл. I. Городища, поселения и могильники зарубинецкой культуры. Исследованные памятники обозначены цифрами.

Среднее Поднепровье. 1 — Суботов — городище (г.), могильник (м); 2 — Жаботин — поселение (п.), м.; Сахновка — г.; 4 — хутор Хмельна — г.; 5 — Пилипенкова Гора — г., в — Московка — г.; 7 — Селище — г.; 8 — Бабина Гора — г.; 9 — Дедов Шпиль — м.; 10, 11 — Зарубинцы — п., м.; 12 — Монастырек — г.; 13 — Ходоров — г.; 14 — Щучинка — г.; 15 — Витачев — г.; 16, 17 — Койлов — п.; м.; 18 — Триполье (Девич Гора) — г., м.; 19 — Таценки — п., м.; 20 — Новые Безрадичи — г.; 21 — Великие Дмитриовичи — г.; 22 — Ходосовка — г.; 23 — Вишенки — м.; 24, 25 — Пирогов г., м.; 26—30 — Киев (Корчеватое — м., Старокиевская гора — м., Замковая Гора — г., Юрковица — г., Оболонь — п.); 31, 32 — Хотяновка — п., м.; 33 — Лютеж — п.; 34 — Казаровичи — м.; 35 — Грини — п.; 3а — Тетеревка — п.; 37 — Басовка — г.; 38 — Харьковка — л.

Припятское Полесье. 39 — Воронино — м.; 40 — Буйразь — м.; 41 — Ремель — м.; 42 43 — Велемичи — п., м.; 44 — Рубель — м.; 4, 5, 46 — Отвержичи — п., м.; 47 — Погост — м.; 48 — Семуралцы — м.; 49 — Черек — м.; 50 — Могиляны — м.; 51 — Гриневици Вельки — м.

Верхнее Поднепровье. 52, 53 — Чаплин — г.; м.; 54 — Мохов — г.; 55 — Милоград — г.; 56, 57 — Горошков — г., м.; 58 — Колочин — г.; 59 — Щатково — п.

Полесье. 60 — Киселевка — п.; 61 — Змеевка — п.; 62 — Чулатово — п.; 63 — Почеп — п.; 64 — Синьково — п.; 65 — Жуковка — п.; 66 — Спартак — п.

Южные Побужье. 67 — Марьяновка — п.; 68 — Новоцное, п.; 69, 70 — Рахны — п., м.; 71 — Бронница — п.; 72 — Григоровка — г.

рубинецкой и юхновской культур [Поболь, 1971, с. 177, 178].

В настоящее время обширную область распространения зарубинецких памятников (равную по площади современной Франции или ФРГ) мы разделяем на пять регионов.

Первый регион занимает территорию Среднего Поднепровья от устья р. Десны на севере до устья р. Тясмина на юге (табл. I). Именно здесь в центре Среднего Поднепровья находится с. Зарубинцы, где впервые были обнаружены комплексы, давшие наименование всей культуре. На Среднем Поднепровье расположены такие важные в научном отношении могильники, как Пирогов, Корчеватое, Дедов Шпиль, Суботов, городища Пилипенкова Гора, Сахновка и Бабина Гора, которые являются классическими объектами зарубинецкой культуры.

Второй регион — это область Припятского Полесья. Здесь, на правом берегу среднего течения Припяти, а также на правобережных ее притоках — Горыни и Стыри, известна большая группа зарубинецких могильников (Велемичи I и II, Воронино, Отвержичи и др.), исследования которых дали многочисленные материалы зарубинецкой культуры. Поселения открытого типа сохранились плохо и поэтому почти не исследовались.

Третий регион расположен в Верхнем Поднепровье, в основном по правобережью Днепра от Березины до Припяти, а также по левому притоку Днепра — Сожу. Наиболее известными памятниками этого региона являются памятники Чаплина — городище и могильник. Здесь проведены крупномасштабные раскопки, в ходе которых были получены многочисленные зарубинецкие материалы.

Четвертый регион расположен по верхнему течению Десны, главным образом в пределах Брянской области РСФСР. Наиболее исследованным па-

мятником здесь является селище Почеп, время существования которого определяется первыми веками нашей эры. Хронологически и типологически к этому региону примыкают расположенные на юго-восток от него памятники Днепровского Левобережья, открытые в поречье Трубежа — левого притока Днепра. Есть основания считать, что поселения по Трубежу были своеобразным мостом, который соединял зарубинецкую область правобережного Среднего Поднепровья с областью лесного Верхнего Подесенья. По-видимому, район Трубежа был этапом в расселении зарубинецких племен со Среднего Днепра на северо-восток, где возникли специфические формы зарубинецкой материальной культуры, характерной для последующего этапа развития местного населения, представленного памятниками киевского типа III—IV вв. н. э.

Пятый зарубинецкий регион находится в Южном Побужье. Здесь поселения и могильники располагаются на берегах Южного Буга, от устья р. Десны до р. Сальницы, и на р. Собь — левом притоке Южного Буга. Памятники датируются I в. до н. э. — I в. н. э., однако некоторые из них доживают до II в. н. э. (Рахны).

Археологическую культуру каждого зарубинецкого региона отличает присущее ей своеобразие, что можно объяснить спецификой местных исторических условий. Выяснение характерных черт в зарубинецких памятниках Украины представляет собой актуальную научную задачу, решение которой подтверждает правильность идеи разделения на отдельные регионы обширной зарубинецкой области.

Археологическая культура каждого региона имеет свои отличительные черты, которые прослеживаются в погребальном обряде, приемах домостроительства, керамическом комплексе, предметах личного убора. Эти отличия

были обусловлены многими причинами: разноликостью субстратных культур, разным временем функционирования памятников, различными культурными заимствованиями и связями. Своеобразие каждого региона отражает объективную реальность существования местного населения, особенности его быта и истории. Выяснение этих отличительных черт имеет существенное значение для правильного понимания всей зарубинецкой культуры в целом.

Еще сравнительно недавно было принято считать, что зарубинецкие памятники Среднего Поднепровья и Полесья, например, характеризует сходство в устройстве жилищ, керамическом комплексе, погребальном обряде [Кухаренко, 1964, с. 24—47]. Однако при рассмотрении новых материалов отчетливо заметны скорее различия, а не сходство. Так, полесские жилища представляли собой полуземлянки-срубы, а среднеднепровские — углубленные до материка постройки с каркасными стенами. На Верхнем Поднепровье были распространены наземные жилища столбовой конструкции, не похожие, следовательно, ни на полесские, ни на среднеднепровские (табл. VIII, 3, 4, 6, 7).

Что касается особенностей погребального обряда, то наличие в полесских могильниках заметного количества урновых захоронений, часто встречаемые здесь перевернутые корчаги — «клешей» для покрытия урны, а «хрповатых» корчаг под урны указывает на сходство полесских погребений с западными позднепоморскими и подклешевыми памятниками, чего нет на Среднем Поднепровье.

Сходство черт культуры зарубинецкого Припятского Полесья и позднепоморско-подклешевых памятников проявляется также в керамическом комплексе.

Ранние комплексы Верхнего Поднепровья отличаются как от припятских, так и от ереднеднепровских. Однако наблюдается и определенная близость. Так, на Верхнем Днепре и Припяти удлиненные могильные ямы ориентированы параллельно направлению речной береговой линии. А в материалах памятников Верхнеднепровского региона отчетливо выступают, хотя и не в таком количестве, как на Среднем Днепре, черты южной, скифской культуры. В керамике это — кухонные горшки с крупным и плавноотогнутым венчиком, украшенном по краю ямками или насечками, бронзовые трехгранные наконечники стрел, булавки с гвоздевидной головкой, браслеты и кольца с шишечками, подковообразные пряжки, некоторые типы гладких браслетов и пряслиц.

Различия в культурном облике зарубинецких регионов особенно четко выступают при рассмотрении самого многочисленного археологического материала — керамики. Посуда здесь изготавливалась ручным способом и распространялась на ограниченной территории племени, поэтому отличительные признаки керамики отражают этнографические особенности каждого региона и каждого хронологического периода в истории зарубинецкого населения — в этом заключается особая ценность керамики, как исторического источника.

При анализе зарубинецкого керамического материала приходится констатировать отсутствие общепринятой методики исследования. Видимо, наиболее целесообразным является определение типологии основных групп зарубинецких сосудов по высоте размещения и профилю плеча (тип), конфигурации и размерам венчика и дна (вариант).

Ассортимент зарубинецкой керамики невелик. Это: 1) горшки и корчаги, отличающиеся друг от друга в основном размерами; 2) миски; 3) кружки; 4) кувшины; 5) вазы; 6) крышки для

горшков и корчаг, 7) лепешницы-сковородки; 8) миниатюрные сосуды. Кувшины, вазы и миниатюрные сосуды встречаются только в раннее время и в единичных экземплярах, а кружки, крышки и сковородки почти не известны в поздnezарубинецких регионах — Верхнедеснянском и Южнобугском. Следовательно, рассматривая типологию наиболее распространенных групп сосудов, следует иметь в виду, прежде всего, горшки и корчаги, миски и кружки. Отметим, что горшки и корчаги изготовлялись с шершавой и лощеной поверхностью, миски же и кружки были преимущественно лощеными.

Как показывают наблюдения, в зарубинецкой посуде известны две разновидности расположения плеча по высоте: 1) плечо среднее, находящееся приблизительно по середине высоты сосуда и 2) плечо высокое, проходящее на уровне двух третей высоты. Что касается особенностей профиля, то можно отметить: 1) плечо округлое и 2) плечо острое [Максимов, 1981].

По этим признакам зарубинецкие горшки и корчаги следует разделить на три типа. К первому типу принадлежат сосуды со средним и округлым плечом (табл. II, 1—5), ко второму — со средним и острым плечом (табл. II, 6, 7), к третьему типу — с высоким и округлым плечом (табл. II, 8—11). Из изложенного следует, что по количеству типов преобладают горшки (и корчаги) с округлым плечом.

По конфигурации и размерам венчиков горшки и корчаги можно разделить на пять вариантов. Первый вариант имеет большой и плавно отогнутый наружу венчик, иногда орнаментированный по краю ямками или насечками (табл. II, 1). Второй вариант — это сосуды с крупным (3—5 см), но прямым или почти прямым венчиком, отогнутым наружу под углом около 45°. В месте соединения венчика с туловом иногда проходит пролощенная

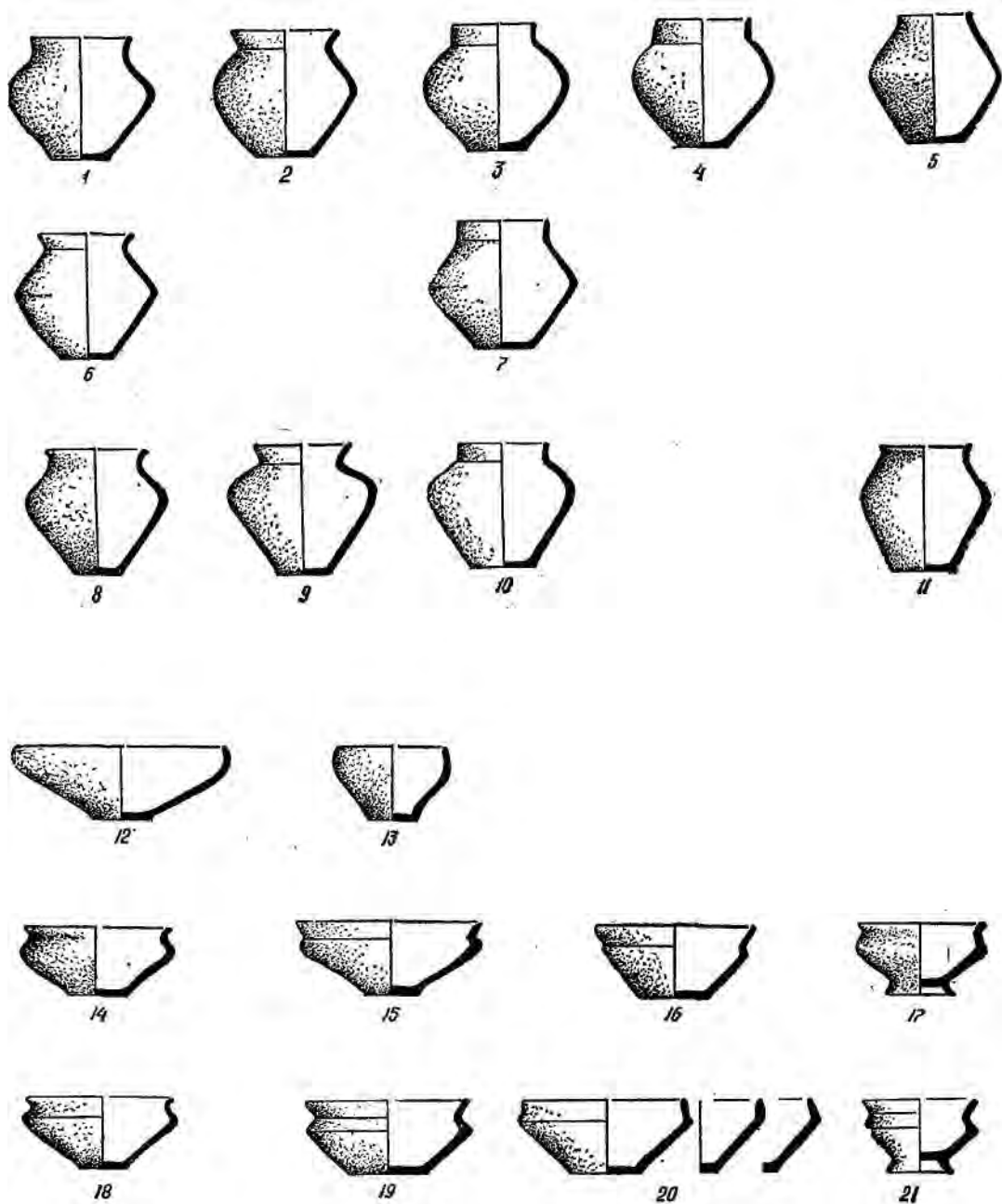

Табл. II. Схема типов и вариантов типов зарубинецких горшков и мисок (1—21).

или слегка углубленная неширокая полоса (табл. II, 2). Третий и четвертый варианты горшков (и корчаг) представляют собой разновидности второго варианта, однако у третьего варианта венчик вертикальный, а у четвертого — загнутый вовнутрь под углом до 45° (табл. II, 3, 4). У сосудов этого варианта в месте соединения венчика с туловом часто имеется неширокий (2—3 мм) уступ. Венчики пятого варианта характеризуются невыразительностью формы и небольшими размерами, они являются как бы непосредственным продолжением тулова, выступая над ним на 1—2 см (табл. II, 5).

Распространение этой группы посуды по отдельным регионам зарубинецкой области выглядит следующим образом (табл. 1).

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют, что общезарубинецкой формой были горшки и корчаги с округлым высоким плечом и плавноотогнутым венчиком (тип III, вариант 1), найденные во всех пяти регионах (табл. III, 6; IV, 6; V, 3, 13, 21). Интерес представляют ребристые горшки со средним плечом и плавноотогнутым венчиком (тип II, 1), обнаруженные в трех раннезарубинецких регионах — Средне- и Верхнеднепровском и Припятском (табл. III, 5; IV, 4; V, 2).

Отсутствие такой формы на Побужье и Подесенье может указывать на ее раннее происхождение, поскольку такие сосуды не встречены на поздних зарубинецких территориях, какими является Южнобугский и Верхнеднепровский регионы. Для Среднего Поднепровья и Припяти общими являются лишь формы, генетически связанные с позднепоморской культурой, это типы I, 2 и I, 4 (табл. III, 2, 4; IV, 1, 2), где бытовали горшки и корчаги с крупным прямым вертикальным или наклонным вовнутрь венчиком. Особенно характерным в этом плане является тип I, 4, который составляет одну из ведущих форм припятского керамического комплекса, тогда как на Среднем Днепре, где влияние позднепоморской культуры почти не ощущается, такие сосуды единичны, причем их находят лишь на поселениях (Пилипенкова Гора).

Совсем по-иному развивались культурные контакты между Средним и Верхним Поднепровьем, которое, кстати, поражает малочисленностью форм распространенных здесь горшков и корчаг — три против девяти на Среднем Днепре (см. табл. 1). Но и все эти три формы горшков можно рассматривать как результат влияния культуры среднеднепровского региона, где сохранилось наследие предшествующих культур позднескифского времени. Незави-

Таблица 1. Распространение горшков и корчаг

Регион	Тип и вариант											Всего
	I, 1	I, 2	I, 3	I, 4	I, 5	II, 1	II, 3	III, 1	III, 2	III, 3	III, 5	
Среднее Поднепровье	+	+	+	+	—	+	—	+	+	+	+	9
Припятское Полесье	—	+	—	+	+	+	+	+	—	—	+	7
Верхнее Поднепровье	+	—	—	—	—	+	+	+	—	—	—	3
Южное Побужье	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	—	4
Верхнее Подесенье	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—	—	4
Всего	4	2	3	2	3	3	4	5	4	4	2	

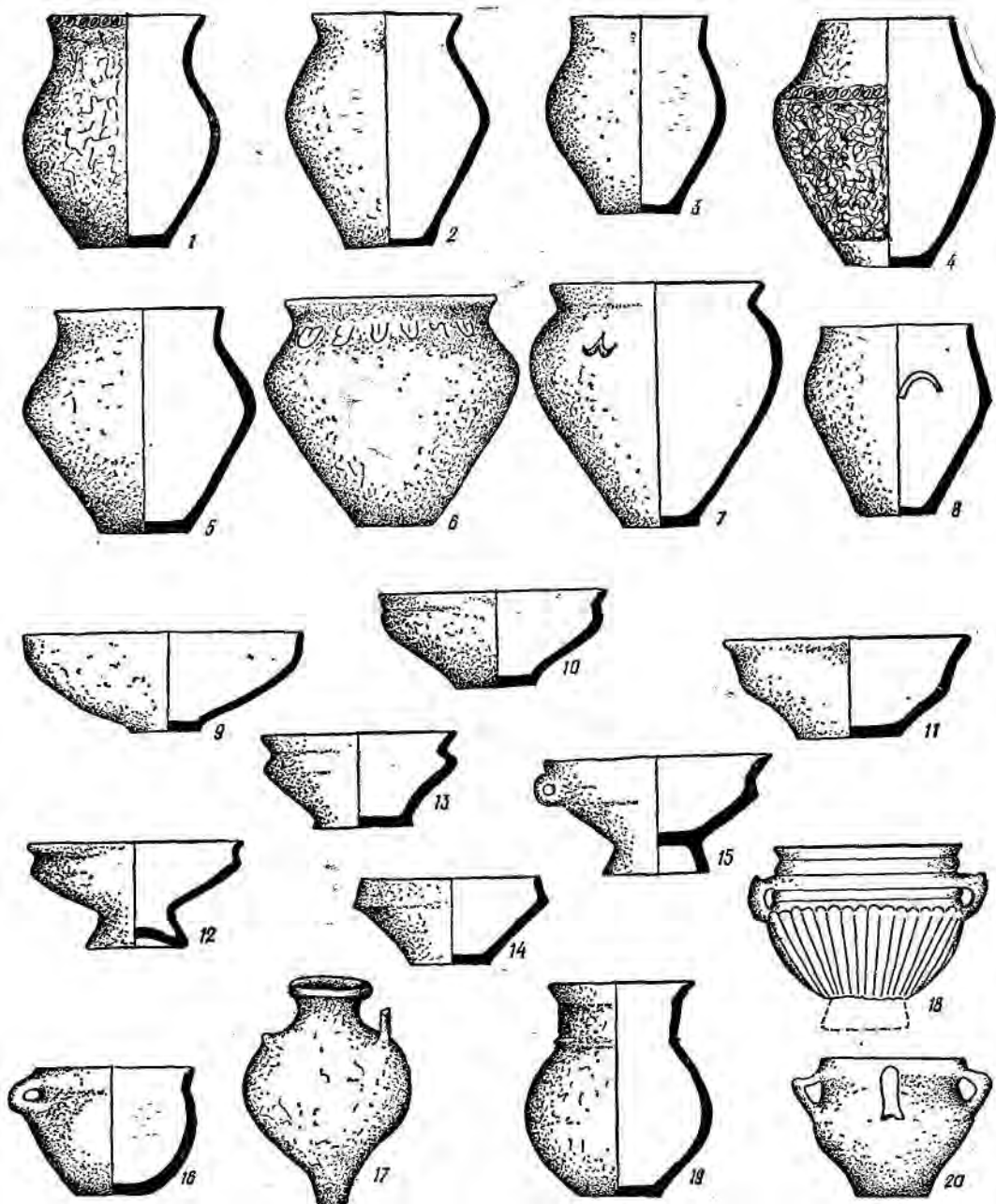

Табл. III. Зарубинецкая керамика Среднего Поднепровья:
 1 — Менширичи; 2, 16, 19 — Зарубинецкий могильник; 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 15, 17 — Пироговский могильник;
 4 — Филипенкова Гора; 7 — Лютеж; 12 — могильник Койлов; 13 — Пищальники; 14, 17 — Корчеватский
 Могильник; 18 — Суботов; 20 — Вишенки.

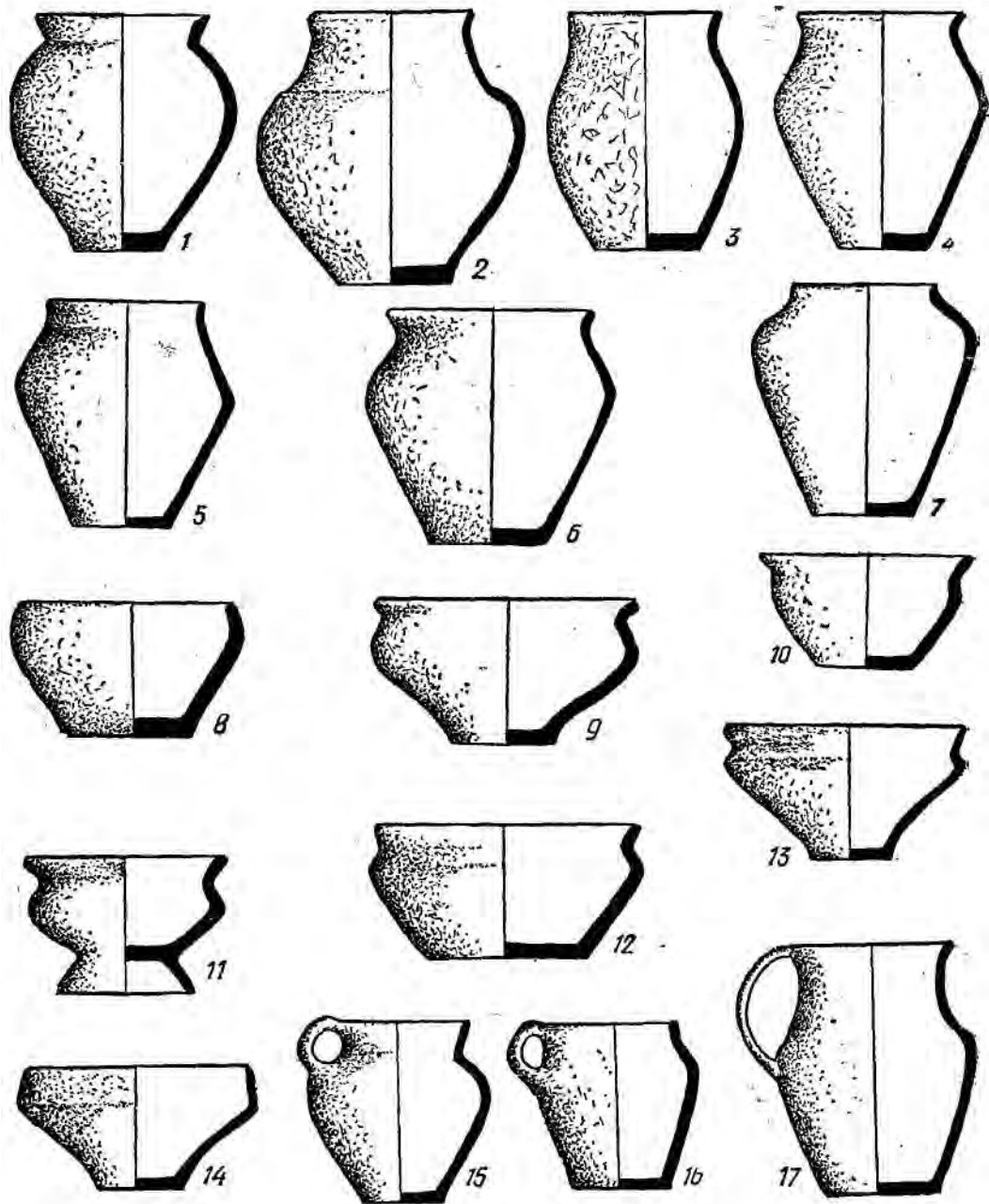

Табл. IV. Зарубинецкая керамика Припятского Полесья:
 1—3, 8, 11, 15, 16 — Отвержичи; 4—7, 9, 10, 12—14, 17 — Велемичи I и II,

«имо от профиля и высоты плеча типы верхнеднепровских горшков имеют одинаковый — крупный, плавноотогнутый наружу, иногда украшенный ямками венчик (табл. V, 1—3).

Примечательна связь среднеднепровских горшков с керамикой Южного Побужья и Подесенья — регионов, которые вышли «из недр» Среднего Поднепровья. Три из четырех распространенных здесь типов (1,1; 1,3 и III, 1) аналогичны известным на Среднем Днепре, что вполне объяснимо с исторической точки зрения (табл. III, 1, 3, 6; V, 11, 14, 13, 18, 19, 21).

Наконец, отметим, что занимающие второе место по типологической распространенности горшки и корчаги с крупным и плавноотогнутым венчиком и округлым, средним плечом (1,1) встречаются на территории трех регионов, так или иначе связанных со Средним Днепром — верхнеднепровским, деснянским, южнобугским (табл. III, 1; V, 1, 11, 18). Исключение составляет Припятское Полесье, где такие сосуды не найдены, что указывает на его самобытность.

Следующей по количеству находок группой керамики являются миски. На Корчеватском среднеднепровском могильнике обнаружены 41 миска, на Пироговском могильнике — 53 (горшков было соответственно 105 и 78 экз.). Большая часть мисок имеет высокое плечо, отогнутый наружу венчик, плоское дно. Но встречаются и другие типы мисок — со средним плечом, загнутым во внутрь венчиком, с кольцевым дном. Типологическое определение мисок сделано с учетом особенностей этих трех элементов, определяющих форму сосудов.

Выделяются три типа мисок и несколько (2—5) вариантов у каждого типа. К первому типу (и первому варианту этого типа) относятся миски с округлым плечом, плавно переходящим в заметно загнутый вовнутрь венчик

(табл. И, 12). Высота этих сосудов сравнительно с диаметром венчика небольшая (8—12 см против 35—40 см), поэтому они кажутся приземистыми и широкими. Дно, небольшое и плоское, дополняет это впечатление. Такие миски в небольшом количестве известны только на Среднем Подиепровье, причем в самых ранних памятниках этого региона (погребение № 26 Пироговского могильника). Морфологически эти миски связывают с поднепровскими мисками скифского времени, что объясняет и особенности их формы, и наличие в ранних зарубинецких комплексах. Миски второго варианта этого типа отличает слабо загнутый вовнутрь или почти вертикальный венчик (табл. И, 13). У них небольшой диаметр венчика (15—22 см), значительная высота (12—15 см), широкое дно, они кажутся узкими и стройными сосудами. Такие миски известны с рубежа нашей эры по всей зарубинецкой территории.

Второй тип мисок — это сосуды с округлым плечом и отогнутым наружу венчиком. Первый вариант имеет изогнутый, так называемый эсовидный венчик (табл. II, 14). В раннее время подобные миски были распространены только на территории Припятского Полесья [Кухаренко, 1964, с. 28], где их появление связывают с влиянием позднепоморской культуры [Каспарова, 1976, с. 16]. Более высокие и узкие миски такого профиля появляются позднее на всей зарубинецкой территории (табл. 2).

Второй вариант мисок этого типа характерен для памятников Среднего Поднепровья III—I вв. до н. э. Эти миски представляли собой низкие и широкие сосуды на узком и плоском дне, изготовленные аккуратно, даже изысканно, с хорошим лощением. Отличительными их особенностями были небольшой (до 3 см) прямой венчик с двумя-тремя четкими гранями на внутренней сто-

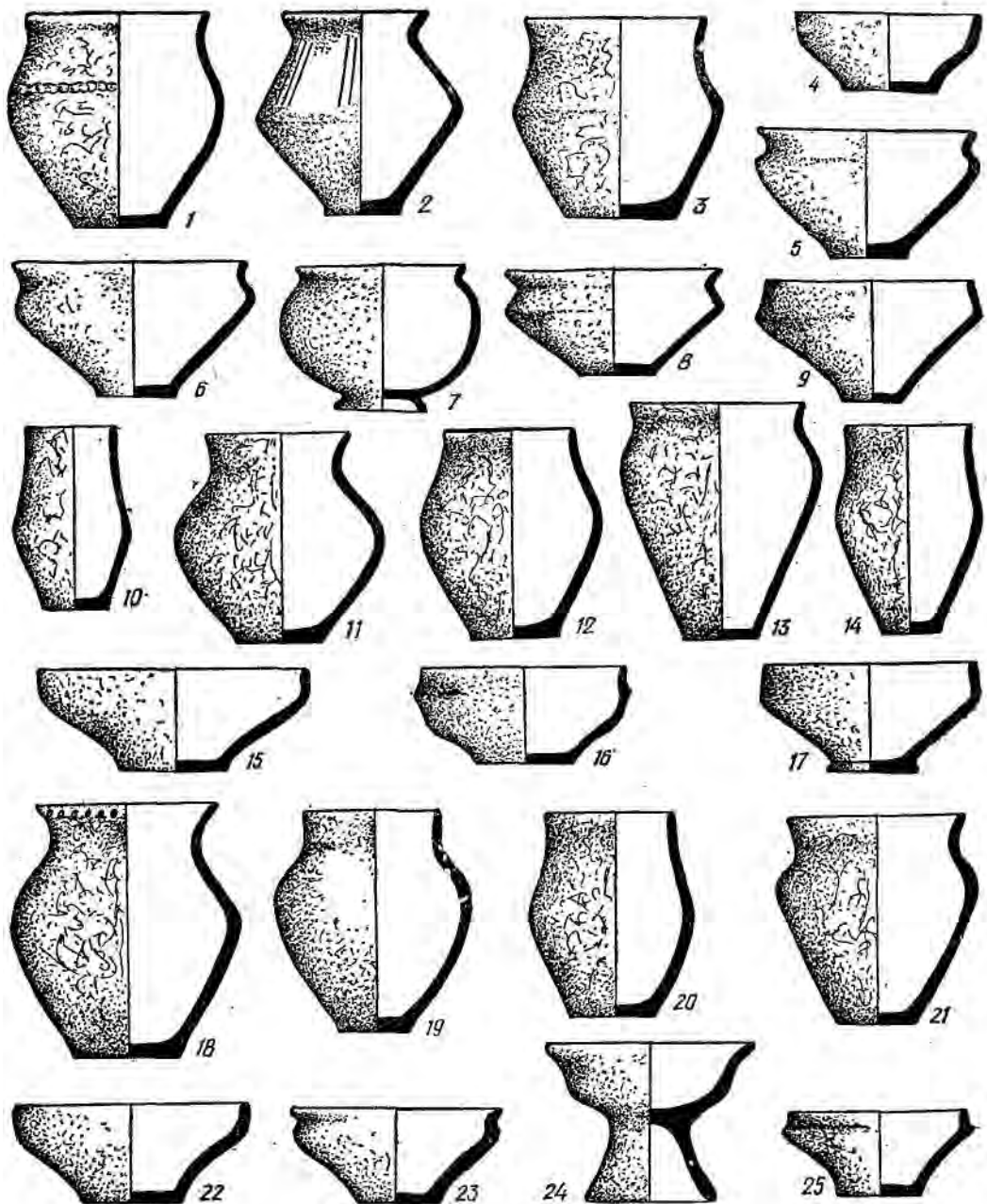

Табл. V. Зарубинецкая керамика Верхнего Поднепровья, Верхнего Подесенья и Южного Побужья:

1—10 — Чаплин; 11—17 — Почеп; 18, 19, 21—23, 25 — Марьяновка; 20, 24 — могильник Рахны.

роне и валикообразное, хорошо очерченное плечо (табл. II, 15). Керамика с граненым венчиком характерна для некоторых культур Центральной Европы позднелатенского времени [Мачинский, 1963]. Однако формы мисок там совершенно другие. Вероятно, прообразом этих среднеднепровских зарубинецких мисок были чернолощенные античные сосуды, бытовавшие в позднеэллинистическое время в Ольвии [Парович, 1974, с. 83, 2] и ее нижнеднепровской округе.

Третий вариант представлен высокими мисками со сравнительно небольшим (до 20 см) отверстием, но довольно широким плоским дном. Венчик, отогнутый наружу, прямой и большой (до 5 см), без граней (табл. II, 16). Лощение слабое. Миски встречаются в позднее время на всей зарубинецкой территории.

Тулово мисок четвертого варианта ничем не отличается от первого варианта, зато дно здесь совсем другое, кольцевидное, высотой 1—5 см (табл. II, 17). Такие миски были распространены в I—III вв. н. э. во всех зарубинецких регионах, кроме Верхнего Подесенья.

К третьему типу принадлежат остроплечие миски. Тип можно разделить на четыре варианта. Первый вариант — это высокие сосуды с узким пло-

ским, иногда малозаметным дном, плавноотогнутым небольшим венчиком (табл. II, 18). В раннезарубинецкое время такие миски были ведущей формой на Верхнем Днепре, примером может служить Чаплинский могильник [Кухаренко, 1959, с. 172].

Шире представлены миски второго варианта, известные на памятниках раннезарубинецких регионов в I в. н. э. Они имели небольшое отверстие диаметром 15—20 см, широкое дно, небольшой (до 2,5 см) резко отогнутый наружу прямой венчик, в месте соединения с туловом образующий острое плечо (табл. II, 19).

Наибольшее распространение в I—II вв. н. э. получили миски III варианта, встреченные на всей зарубинецкой территории. Пропорции у них такие же, как у мисок второго варианта, но венчик имеет вертикальное положение или даже небольшой наклон к середине сосуда. Плечо острое, иногда в виде небольшого уступа (табл. II, 20). Возникновение таких мисок можно объяснить подражанием широко распространенным с рубежа нашей эры краснолаковым раннеримским мискам с вертикальным венчиком, непосредственное знакомство с которыми у зарубинецкого населения, скорее всего, могло произойти в области ольвийской периферии.

Таблица 2. Распространение зарубинецких мисок

Регион	Тип и вариант											Всего
	I, 1	I, 2	II, 1	II, 2	II, 3	II, 4	III, 1	III, 2	III, 3	III, 4		
Среднее Поднепровье	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	9
Припятское Полесье	—	+	+	—	+	+	+	+	+	+	—	7
Верхнее Поднепровье	—	+	+	—	+	+	—	—	+	+	—	6
Верхнее Подесенье	—	+	+	—	+	+	—	—	+	+	—	4
Южное Побужье	—	+	+	—	+	+	—	—	+	—	—	5
Всего	1	5	5	1	4	4	2	3	5	1		

Миски четвертого варианта также имели средние размеры, диаметр отверстия у них составлял около 20 см. Венчик был прямой, резко отогнутый наружу, четкое острое плечо — по профилю и пропорциям тулова они соответствовали мискам второго варианта с той разницей, что имели не плоское, а кольцевое дно высотой до 5 см (табл. II, 21). Встречаются на Среднем Поднепровье на памятниках I в. н. э.

Итак, эта группа зарубинецкой керамики, подобно горшкам, не имела единой формы для всех зарубинецких регионов. Лишь в позднее время повсеместно бытовали миски эсовидного профиля (табл. III, 11; IV, 9, 10; V, 6, 23), миски с вертикальным венчиком (табл. III, 14; IV, 14; V, 17, 25), а также, за исключением Верхнего Поднепровья, миски с отогнутым наружу неограниченным венчиком (табл. IV, 10; V, 23). Да и то миски типа II, 4 представлены на Верхнем Поднепровье и Южном Буге единицами (табл. V, 7, 24). А некоторые формы обнаружены лишь на памятниках Среднего Поднепровья: тип I, 1 (табл. III, 9), тип II, 2 (табл. III, 10), тип III, 4 (табл. III, 15), Верхнего Поднепровья (тип III, 1 (табл. V, 5) — ведущая форма для Верхнего Днестра, но спорадически встречаемая и на Полесье) или Полесья (тип II, 1 в раннем своем варианте (табл. IV, 9). Можно, следовательно, утверждать, что у каждого раннезарубинецкого региона была ведущая форма миски: это среднеднепровская миска типа II, 2 с граненым венчиком (табл. III, 10), полеская с эсовидным профилем типа II, 1 (табл. IV, 9) и верхнеднепровская острореберная миска типа III, 1 (табл. V, 5). И хотя, как указывалось, позже рубежа нашей эры эта посуда становится более однообразной, но и тогда можно заметить ее региональные особенности — тип II, 4 не известен на Подесенье, тип II, 3 — на

Верхнем Поднепровье, а тип III, 2 — на Подесенье и Побужье.

Эти выводы о самобытности керамики каждого региона находят свое подтверждение в материалах других групп зарубинецкой посуды, таких как кружки, кувшины, вазы, крышки для горшков, сковородки-лепешницы и миниатюрные сосуды.

Кружки по количеству найденных экземпляров занимают третье место в зарубинецком керамическом комплексе — после горшков и мисок; так, в Корчеватове кружек было найдено 38 (мисок 41, горшков 105), в Отвержичах — 58 (78 мисок и 107 горшков). Но встречаются они только в Среднеднепровском и Полесском регионах, даже в раннезарубинецком Верхнеднепровском кружки не изготовляли, здесь найдено лишь три кружки припятского типа. Не обнаружены они на Десне и Южном Буге.

Однако многие кружки Среднего Поднепровья не похожи на кружки Припяти, они типологически иные. Дело в том, что кружки, представляя собой небольшие, до 10—15 см, лощеные сосуды, своей формой, пропорциями тулова, конфигурацией венчика очень напоминают горшки наиболее распространенных типов (I, 1; I, 3; III, 2; III, 5). Отличительной их особенностью являются ручки, которые прикреплялись одним концом к венчику, другим — к плечу сосуда. Ручки разделяются: 1) по конфигурации на округлые и остроугольные и 2) по месту прикрепления к венчику — а) к верхнему его краю, б) к его середине или в) к основанию венчика.

Установлено, что ручки у кружек припятских памятников были крупными, округлой формы, прикрепленными концом к краю венчика (табл. IV, 15, 16). Этим они отличаются от ручек многих среднеднепровских кружек, приближаясь по своему внешнему виду к соответствующим сосудам позднепо-

морской культуры, откуда припятские кружки, как полагают, ведут свое происхождение [Каспарова, 1976, рис.16]. Истоки же среднеднепровских кружек с остроугольными ручками (табл. III, 16, 17) следует искать на юго-западе, в керамике античных городов Северного Причерноморья, в ельвийских канфарах, кубках и мисках позднеэллинистического времени [Парович, 1974, рис. 74, 1, 2; 80, 8].

Кувшины известны по находкам отдельных экземпляров на территории Среднего и Верхнего Поднепровья, Припятского Полесья и Подесенья. Четкой типологии у них определить не удастся, однако ясно, что к этой группе относятся сосуды горшковидных, свойственных данным регионам, типов с более или менее суженным цилиндрическим горлом различной высоты (табл. III, 19). Горшок из Полесского региона имеет ручку (табл. IV, 17), остальные — без ручек.

Вазы также малочисленны, как и кувшины. Это были достаточно объемные чернолощенные сосуды открытого типа на кольцевом или плоском дне. Судя по хорошо сохранившимся среднеднепровским экземплярам из Суботова и Вишенек, они имели три или четыре крупные ручки. Суботовская ваза (табл. III, 18) изготовлена по типу позднеэллинистических сосудов [Максимов, 1960], ваза из Вишенек (табл. III, 20) находит аналогии в пшеворских памятниках начала нашей эры [Петров, 1959, с. 54].

Крышки для горшков имели вид довольно высоких (8—12 см) конусов, оканчивавшихся пустотелой цилиндрической ручкой (3—4 см), они изготовлены по той же технологии, что и горшки, из грубого теста. Диаметр венчика 15—26 см соответствовал диаметру венчиков горшков. Крышки имели широкое распространение в Скифии с IV в. до н. э., куда они проникли из античных городов, где их изготавливали

на гончарном круге. В зарубинецкой области крышки найдены лишь в Среднеднепровском регионе, что еще раз подтверждает тесную связь его культуры с позднескифским миром.

Сковородки — это плоские глиняные диски диаметром 14—25 см (иногда до 30 см), толщиной около 1 см, совершенно плоские с одной стороны и слегка выпуклые с другой, подлощенной и орнаментированной ямками. Они найдены на поселениях Средне- и Верхнеднепровского и Припятского регионов. На таких сковородках выпекались ритуальные хлебцы-лепешки, о чем свидетельствуют данные этнографии.

Миниатюрные сосудики-горшки, миски, конической формы кружки — «чарки», высотой 3—6 см, встречаются в Припятском Полесье, Среднем и Верхнем Поднепровье и Подесенье. В Полесье они обнаружены в погребениях, куда, по-видимому, их клали вместо бытовой посуды — подобный обычай известен в позднепоморской культуре. На Поднепровье такие сосудики находят на поселениях, где они, возможно, служили в качестве детских игрушек.

Рассмотрение зарубинецкой посуды свидетельствует о ярко выраженных региональных ее отличиях, связанных с местными особенностями становления и развития культуры каждого региона.

Вместе с тем в единую культуру зарубинецкие регионы объединяет их расположение по берегам крупных и средних рек бассейна Днепра, одинаковые размеры их территории протяженностью в 120—150 км, наличие некоторых общих черт в керамике, приемах домостроительства, погребальном обряде, в орудиях труда и украшениях, таких как фибулы, булавки, кольца, подвески, ножи, прясла, в сходных проявлениях социально-экономических особенностей жизни населения, близко по своему происхождению и этническому облику.

Хронология зарубинецкой культуры. Изучение зарубинецкой культуры во всей ее многоликости особенно перспективно на материалах Украины, представленных более чем 200 памятниками Среднеднепровского и Южнобугского регионов, Вольни и Подолья, примыкавших к Припятскому региону, и Трубежа, имеющего общие черты с Деснянским регионом. Эти материалы представляют зарубинецкую культуру во все периоды ее существования, что важно при рассмотрении вопросов хронологии и периодизации культуры в целом.

На памятниках Украины хорошо прослеживаются изменения многих важных составных частей зарубинецкой культуры. На Поднепровье, например, на рубеже йашей эры появились открытые поселения, на городищах были сооружены системы укреплений, получили распространение новые виды посуды, фибул, орудий труда, образовались новые регионы культуры — Деснянский и Южнобугский.

Эти изменения в облике культуры были вызваны прогрессом социально-экономического развития общества. Оказывали воздействие и внешние обстоятельства, связанные с процессом торгового межплеменного обмена и передвижения соседних племен.

Специалисты в области зарубинецкой проблематики обращали внимание на трансформацию зарубинецких древностей, которая давала основания для поэтапного разделения этой культуры.

По мнению Ю. В. Кухаренко, в развитии зарубинецкой культуры существовало два этапа или периода. Первый, или ранний, приходился на I в. до н. э., второй, или поздний, охватывал I в. н. э. [Кухаренко, 1964, с. 55]. Различия этапов в материальной культуре исследователь усматривал в изменении типа фибул и некоторых видов керамики.

Л. Д. Поболь делил зарубинецкую культуру на три стадии: первую — до-

фибульную, с середины III в. до н. э. до середины II в. до н. э., вторую — с середины II в. до н. э. до середины I в. до н. э. и третью — с середины I в. до н. э. по начало II в. н. э. [Поболь, 1971, с. 174—175]. Стадии различаем, главным образом, фибулами, наличием определенного количества предметов скифского, античного или кельтского (латенского) импорта.

Эти и другие исследователи распространяли предложенную ими периодизацию и соответствующую хронологию на всю область зарубинецкой культуры, закрывая тем самым перспективу в разработке этих вопросов. В настоящее время такой подход не объясняет новых фактических материалов. Лишь порегиональное изучение зарубинецких памятников открывает возможности новых решений в запутанных вопросах зарубинецкой хронологии и периодизации.

Сказанное хорошо иллюстрируют материалы Среднего Поднепровья. Для определения ранней даты зарубинецкой культуры здесь решающее значение имеет керамика античного производства, обломки которой обнаружены на всех без исключения зарубинецких городищах, многие из которых являлись поселениями начального этапа культуры. Большое значение имеет то обстоятельство, что античная керамика обнаружена не только в культурном слое, но и в остатках жилых и хозяйственных сооружений, вместе с простой и лощеной зарубинецкой посудой, железными и бронзовыми изделиями зарубинецкого типа, бусинами и обломками костей животных, что не дает оснований сомневаться в ее принадлежности к зарубинецкой культуре. Количество античной (амфорной) керамики на некоторых поселениях Среднего Поднепровья достигает 5% всей массы керамических находок.

Датировка античной керамики, в том числе амфорной, разработанная

поколениями отечественных и зарубежных ученых, отличается стабильностью, поэтому она намного надежнее всех других зарубинецких хронологических реперов.

На Среднем Поднепровье значительное количество амфорного материала было найдено на Пилипенковой Горе — наиболее полно исследованном городище, возникшем в ранний период существования зарубинецкой культуры. Здесь обнаружено свыше 2000 таких фрагментов, из них около 150 составляют обломки ручек, венчиков и ножек, которые играют решающую роль при определении времени производства амфор. Наиболее многочисленными оказались обломки эллинистических амфор острова Косе в Эгейском море, у которых были двухствольные, иногда клейменные ручки, розового цвета черепок, светло-зеленая обмазка по наружной поверхности. Преобладание косских амфор отражает факт широкого распространения в III—II вв. до н. э. дешевого косского вина по всему античному миру, в том числе в Ольвии и других греческих городах Северного Причерноморья [Зеест, 1960, с. 25].

Кроме косских, на Пилипенковой Горе обнаружены, но в меньшем количестве, фрагменты амфор многих других известных античных винодельческих центров эллинистического времени — Фасоса, Родоса, Пароса, Синопс. Корреляция этих материалов, найденных в ранних жилищах Пилипенковой Горы (№ 2, 4, 15, 16, 18 и др.), определяет время изготовления этих сосудов концом III — началом II вв. до н. э.

Известно, что амфоры — предмет недолговечный и время их производства практически совпадает со временем превращения этих сосудов в обломки, то есть в археологический объект. Как хронологический репер амфоры по указанной причине ценнее фибул и

даже монет, поскольку, даже когда удастся определить время изготовления фибулы или чеканки монеты, нельзя с уверенностью сказать, как долго ими пользовались и когда они попали в культурный слой поселения или были положены в могилу.

Следовательно, конец III — начало II вв. до н. э. является временем поступления греческих амфор на зарубинецкие поселения Среднего Поднепровья.

Материалы Пилипенковой Горы позволяют также установить и более узкую дату косского импорта на территорию Среднего Поднепровья. Это 30-е и 20-е годы III в. до н. э., поскольку именно 230—220 годами этого столетия датирует Б. Н. Граков фрагмент горла косской амфоры с двухствольной ручкой, на которой хорошо сохранилось клеймо эпонима [Максимов, 1971, с. 74].

Наличие таких надежных аргументов, казалось, должно было способствовать установлению общепризнанной начальной даты зарубинецкой культуры, хотя бы для Среднеднепровского региона. На деле же получилось иначе, ибо амфорам как хронологическому реперу исследователи предпочли фибулы.

Такая ситуация сложилась при выяснении начальной даты Полесской группы зарубинецкой культуры. Здесь не найдены античные материалы, которые могли бы определить время появления этих памятников. Их место заняли различные варианты фибул. Наиболее ранние из них Ю. В. Кухаренко в 60-х годах датировал концом II в. до н. э., относя к этому времени появление всей зарубинецкой культуры [Кухаренко, 1964, с. 48]. Д. А. Мачинский и А. К. Амброз те же фибулы определяют еще более поздним периодом — рубежом II и I вв. до н. э.

Следует отметить, что еще в 50-е годы фибулы этих среднелатенских типов считались более ранними (на 50—

100 лет). Но затем они были передатированы чешским археологом Я. Филипом, причем его аргументация была не всегда безупречной. Тем не менее фибульная хронология Я. Филипа была принята многими европейскими и отечественными исследователями, в результате чего идея амфорной датировки должным образом не была учтена. Так образовалось расхождение в определении ценнейшей даты зарубинецкой культуры, поскольку античные материалы Среднего Поднепровья показывали на конец III в. до н. э., а фибулы Припятского Полесья — на конец II в. до н. э. или даже рубеж II—I вв. до н. э.

Такое положение в зарубинецкой хронологии не способствовало объективному изучению всей этой культуры. Так, попытка согласования обоих этих вариантов датировки привела к возникновению трудно доказуемой версии о «дофибульном» периоде зарубинецкой культуры, которая после возникновения в конце III — начале II в. до н. э. около 50 лет не имела фибул [Максимов, 1969, с. 18,23].

Для объяснения различия в датировках — по амфорам или фибулам — было выдвинуто предположение, что «фибульные» памятники являются более поздними и возникновение Припятского региона, где находки амфор не известны, было отнесено к более позднему времени по сравнению со Среднеднепровским регионом, где амфор обнаружено много.

Постепенно, однако, все становилось на свои места и три ранних зарубинецких региона вновь начали рассматриваться как возникшие одновременно или почти одновременно в конце III — на рубеже III—II вв. до н. э.

Этому способствовало в немалой степени крепнущее убеждение многих исследователей в непоколебимости датировок зарубинецких памятников на основании античных амфор, правиль-

ность хронологии которых подтверждается наличием многочисленных аналогий в материалах Ольвии, Боспора, городов Северо-Западного Причерноморья, где для корреляции можно привлекать такие аргументы, как письменные источники и монеты. К тому же хронология среднелатенских европейских фибул была вновь пересмотрена, на этот раз с более объективных позиций, в результате чего некоторые типы фибул, важные для зарубинецких датировок, были удревнены на 75—100 лет и их даты совпали или почти совпали с датами амфор, найденных на поселениях Среднего Поднепровья.

Наиболее ранними фибулами зарубинецких могильников - Припятского Полесья и Среднего Поднепровья считаются расчлененные фибулы среднелатенской схемы: с восьмеркообразными петлями на спинке (Воронино, погр. 25; Пирогов, погр. 26), с шариками или шариковидными утолщениями на ножке (Велемичи I, погр. 108; Пирогов, погр. 129), которые, по А. К. Амброзу, нужно было отнести ко времени рубежа II — I вв. до н. э. [Амброз, 1966, с. 14].

Теперь аналогичные фибулы из юго-восточных областей латенской культуры (в том числе и упомянутые зарубинецкие) румынский археолог В. Зирра датирует рубежом III — II вв. до н. э. [Zirra, 1971, Taf. 3, 8, 23]. Примерно этим же временем И. Тодорович датирует копьевидные фибулы Югославии [Тодорович, 1971], которые, как считает К. В. Каспарова, были моделью наиболее многочисленных в зарубинецкой культуре фибул с треугольной ножкой [Каспарова, 1977, с. 68—78].

Эти новые европейские разработки дали возможность К. В. Каспаровой основательно удревнить ранние фибулы зарубинецкой культуры и отнести начало самой культуры к середине II в. до н. э. [Каспарова, 1978, с. 85]. Нет сомнения, однако, что в данном

Датирующие предметы	III в. до н.е.	II в. до н.е.	I в. до н.е.	I в. н.е.	II в. н.е.
1		■			
2		■			
3		■	■		
4		■	■		
5		■	■		
6			■	■	
7			■	■	
8				■	
9				■	
10				■	
11				■	
12				■	■
13				■	■
14					■
15					■
16					■
17					■
18					■
19					■

Табл. VI. Хронология импортных предметов, найденных на памятниках зарубинецкой культуры: 3 — Пилипенкова Гора, сооружение 18; 2 — Пилипенкова Гора; 3 — Пирогов, погребение 26; 4 — Воронино, погребение 25; 5 — Велемичи I, погребение 108; 6 — амфоры из светлой и коричневой глины. Среднее Поднепровье, Южный Буг; 7 — Марьяновка, Южный Буг; 8 — Велемичи II, погребение 75; 9 — могильник Рахны, Южный Буг; 10 — Отвержичи; 11 — Марьяновка, Южный Буг; 12 — Чаплин, погребение 25; 13 — Почеп, Верхняя Десна; 14 — Зарубинцы; 15 — могильник Рахны, Южный Буг; 16, 17 — поселения Таценки и Лютеж; 18 — Синьково, Верхняя Десна; 19 — Рудяки, Средний Днепр.

случае К. В. Каспарова проявляет излишнюю осторожность и здесь рубеж III—II вв. до н. э. не должен вызывать сомнений, поскольку эта дата совпадает со временем функционирования таких фибул в Юго-Восточной Европе и с датировкой античных амфор из памятников Среднего Поднепровья (табл. VI, 1-5).

Таким образом, в качестве ранней даты для зарубинецких памятников Среднего (и Верхнего) Поднепровья, а также Припятского Полесья следует считать конец III в. до н. э. или же рубеж III — II вв. до н. э. — имея в виду Полесье и Южную Белоруссию. Но, скорее всего, все три зарубинецких региона образовались одновременно, поскольку это событие представляло собой отражение новой исторической обстановки, сложившейся в Центральной и Восточной Европе к концу III в. до н. э., обусловленной экспансией кельтов на западе и сарматов на юго-востоке и вызвавшей передвижения племен бассейнов Вислы и Днепра. В результате этих масштабных событий возникли, кроме зарубинецкой, также пшеворская и поенешти-лукашевская культуры.

Что касается поздней даты существования классических зарубинецких древностей на Днестре и Припяти, то по фибулам ее можно считать установленной в пределах середины I в. н. э. или конца этого столетия.

Эту дату помимо фибул подтверждают находки античной керамики на самых поздних собственно зарубинецких поселениях и могильниках (табл. VI, 5—11), которые не выходят за пределы I в. н. э.

Именно в это время, как показывают археологические памятники Украины, приходят в запустение зарубинецкие поселения Среднего Поднепровья, такие как Бабина Гора, Суботов, Оболонь и Таценки-1. До первой половины — середины II в. н. э. жизнь про-

должается лишь в отдельных окраинных районах, где существовали поселения типа Лютежа, Тацебюк-Н и Девич-Горы.

Главной причиной этого явления следует считать не столько эпизодические сарматские военные набеги, сколько факт освоения сарматами лесостепных пространств в бассейнах рек Выси, Тясмина и Роси, то есть в непосредственной близости к территории Среднеднепровского района. Как установлено, в этих районах находятся сарматские погребения и могильники, время появления которых относится ко второй четверти или концу I в. до н. э.

На землях Припятского Полесья зарубинецкие памятники исчезают примерно в то же время, что и на Среднем Днестре, то есть не позднее середины или конца I в. н. э. [Каспарова, 1976, с. 139]. Однако не сарматы, следовательно, которых в Полесье не найдено, явились причиной запустения этой территории. Поскольку письменных свидетельств о том, что происходило здесь в первой половине и середине I в. н. э., не имеется, коренные изменения на Полесье связываются с появлением в Нижнем Повисленье готов, которые потом продвигались на юг через Полесье [Каспарова, 1976, с. 140].

П. Н. Третьяков предполагал, что зарубинецкое население с берегов Припяти переселилось на север и восток, в сторону Днестра, где влилось в состав жителей верхнеднепровских зарубинецких городищ [Третьяков, 1969, с. 14]. Однако в настоящее время нет данных, подтверждающих это мнение. Имеются другие сведения — о появлении с начала I в. н. э. зарубинецких памятников припятского типа к югу от основной территории этого региона — на Воляни [Смішко, 1976, с. 7, 8]. Зарубинецкую керамику находят также на памятниках липецкой и пшеворской культур Верхнего Поднепровья [Ци-

гилик, 1975; Козак, 1979]. Эти данные свидетельствуют о том, что зарубинецкое население Припяти в I в. н. э. под давлением готов и, возможно, других, сдвинутых ими с места племен Повисленья отходило па юг, где и осело на землях Воляни и Поднепровья, смешавшись здесь с лишцкими и пшеворскими племенами.

Территория Верхнего Поднепровья не была задета сарматским или готским движением. Местные археологические материалы дают основание утверждать, что здешнее зарубинецкое население оставалось на месте в течение как I, так и какой-то части II вв. н. э. [Поболь, 1970, с. 170 и ел. (табл. VI, 12)]. Дальнейшая его история — вплоть до раннего средневековья — это история потомков зарубинецких племен.

В равной мере это относится и к населению позднезарубинецкого Верхнедеснянского региона, который подробнее будет рассмотрен ниже.

Что касается Южно-бугского региона, то его ранняя дата — это I в. до н. э.— I в. н. э., о чем свидетельствуют найденные здесь обломки античных амфор и фибул. Так, амфорная тара поселения Марьяновка представлена обломками светлоглиняных сосудов с узким горлом, круглыми в разрезе двустольными или овальными одностольными ручками, массивными цилиндрическими, слегка сужающимися ко дну ножками [Хавлюк, 1975, рис. 6]. Такого типа амфоры имели широкое распространение в Северном Причерноморье в I в. до н. э.— I в. н. э. [Зеест, 1960, т. XXVI, 59а, 61а]. Подобный материал происходит из поселений Гнатовка, Кочуров, Носовцы, где обнаружены и так называемые коричневоглиняные амфоры того же времени.

Здесь найдены также шарнирные фибулы провинциально-римских типов: в Марьяновке (табл. VI, 11) с рельефной спинкой середины I в. н. э. [Ам-

броз, 1966, с. 27], в Рахнах — типа Авцисса первой половины I в. н. э. (табл. VI, 9).

Позднюю дату функционирования памятников этого региона определяют фибулы, найденные в погребениях № 4, 7, 9, 10 могильника Рахны [Хавлюк, 1975, с. 7]. Они представлены сильно профилированными фибулами с бусиной на головке, распространенными в Причерноморье в первой половине II в. н. э., одночленными фибулами с плоской орнаментированной спинкой II в. н. э. и глазчатыми фибулами середины II в. н. э. (табл. VI, 15) [Амброз, 1966, с. 36, 40, 43].

Наиболее полно исследованным памятником Верхнедеснянского региона является поселение Почеп на р. Судости, притоке Десны в Брянской области. Это поселение, по мнению автора раскопок Ф. М. Заверняева, возникло в I в. н. э. и просуществовало до конца II или начала III в. н. э. Основанием для такой датировки служат, прежде всего, фибулы — здесь их найдено 10 экз., из них две подвязные, остальные — позднелатенские со скрученными спинками [Заверняев, 1969, с. 114] табл. VI, 13). Из немногочисленных античных предметов привлекают внимание обломок краснолакового кувшинчика и голубая пастовая печатка I—III вв. н. э. Время расцвета жизни на поселении Почеп, вероятно, можно отнести ко II в. н. э.

Есть основания думать, что зарубинецкая культура на Десне (как и на Южном Буге) возникла в результате переселения сюда обитателей среднеднепровских городищ и селищ с конца I в. до н. э. в результате сарматской экспансии в Поднепровье, что привело к упадку зарубинецкой культуры. Это подтверждается историческими свидетельствами и археологическим материалом Среднего Поднепровья.

Конечной датой функционирования деснянских памятников следует счи-

тать рубеж II и III вв. н. э., когда здесь прослеживаются элементы новой — киевской — археологической культуры.

Общая картина хронологии зарубинецкой культуры вырисовывается при рассмотрении датировок каждого ее региона, определяемых импортной античной керамикой и фибулами или только фибулами — для Припятского Полесья.

На основании этих материалов можно полагать, что началом зарубинецкой культуры был конец III в. до н. э. или же рубеж III—II вв. до н. э., когда зарубинецкие поселения и могильники появляются на Среднем и Верхнем Поднепровье и в Припятском Полесье. В этом же районе Полесья они исчезают ранее всего — в середине или конце I в. н. э., в то время как на Среднем Поднепровье существуют, правда, в небольшом количестве до середины II в. н. э., а на Верхнем Днепре, вероятно, и до конца этого столетия, трансформируясь затем в киевскую культуру. Указанная поздняя дата зарубинецкой культуры подтверждается материалами двух поздnezарубинецких регионов — Южнобугского и Верхнедеснянского, где типичные памятники появляются в конце I в. до н. э. в результате миграции среднеднепровских племен (табл. 3).

Периодизация зарубинецкой культуры. Рассмотренные выше данные о хронологии зарубинецких регионов свидетельствуют о необходимости такого же дифференцированного подхода и при рассмотрении вопроса о периодизации зарубинецкой культуры. Так, на Припяти и на большей части территории Среднего Поднепровья не известны памятники II в. н. э., тогда как на Подесенье и отчасти на Южном Побужье во II в. культура достигает своего расцвета.

Конечно, имеются и общие точки в периодах развития на Среднем Днепре, Припяти и в Верхнем Поднепровье,

где зарубинецкие памятники возникают одновременно или почти одновременно в конце III в. до н. э. или же на рубеже III—II вв. до н. э. Такой же общей датой является возникновение в конце I в. до н. э. зарубинецкой культуры на Верхней Десне и в бассейне Южного Буга. Но время завершения функционирования памятников Припяти, Днепра и Десны имеет свое собственное определение.

Обобщая материалы всей зарубинецкой области, можно разделить существование зарубинецкой культуры на три периода: ранний, поздний и заключительный (табл. 3).

Ранний период наступил в конце III в. до н. э. или на рубеже III—II вв. до н. э. и продолжался до конца I в. до н. э. В это время происходило становление зарубинецкой культуры, появились неукрепленные зарубинецкие поселения на Среднем Днепре, в области Припяти и на Верхнем Поднепровье. Поселения обычно располагались в труднодоступных местах — на Поднепровье это были высокие речные или овражные мысы, поскольку обстановка была беспокойной, характеризующейся движением многих европейских племен, перемещавшихся под давлением кельтов и сарматов.

Продолжительность времени становления зарубинецкой культуры определить невозможно, но, по-видимому, этот период длился сравнительно недолго. В конце III в. до н. э. у населения Среднего Поднепровья налаживался уже торговый обмен с античным городом Северного Причерноморья Ольвии и ее обширной округой. Свидетели этого явления — обломки эллинистических амфор, найденные на всех поселениях от Киева до устья Тясмина. На Верхнем Днепре такие материалы единичны (Чаплин, Горошков), на Припяти их нет совсем. Зато здесь найдены довольно ранние фибулы рубежа III—II вв. до н. э. — II в. до н. э.,

которые свидетельствуют о контактах с Балкано-Иллирийской областью.

Некоторые типы посуды ранних зарубинецких памятников сохранили архаические черты, происходящие от предшествующих культур. К ним относятся: чернолощенные скифоидные миски Среднего Поднепровья с загнутым вовнутрь венчиком, полесские горшки и миски позднепоморских типов, керамика милоградских форм на Верхнем Поднепровье.

Поздний период в истории зарубинецкой культуры — это время коренных изменений в жизни населения, вызванных, главным образом, внешними событиями — экспансией на юге гетов и сарматов в конце I в. до н. э.; передвижением на северо-западе племен Повисленья, появлением здесь гетов в первой половине I в. н. э. и их последующим устремлением к югу [Каспарова, 1976а, с. 140].

Начало этого периода наиболее отчетливо прослеживается на памятниках Среднего Поднепровья, поскольку здесь в конце I в. до н. э. повсеместно возводятся оборонительные сооружения. Их строят не только на больших старых мысовых, поселениях, таких как Пилипенкова Гора и Монастырек; в это время возводятся новые укрепленные пункты, городища, примером которых могут служить Ходосовка и Бабина Гора.

Время постройки зарубинецких городищ (их насчитывается около 30) определяет археологическая стратиграфия Пилипенковой Горы. Здесь были изучены хорошо сохранившиеся укрепления двух строительных периодов, один из которых относится к I в. до н. э., а второй — к концу I в. до н. э. На датировку раннего вала указывают обнаруженное под ним жилище (№ 3) и культурный слой II—I вв. до н. э. Время поздних укреплений определяют предметы, найденные в засыпи раннего рва и в насыпи позднего вала, они

синхронны друг с другом и относятся к концу I в. до н. э. (обломки раннеримских амфор и среднелатенских фибул с вогнутой ножкой) [Амброз, 1966, с. 20]. Эта дата подтверждается аналогичной фибулой, обнаруженной в сходных условиях при раскопках 1970 г. на Бабиной Горе.

В это время расширяется территория зарубинецкой культуры. Небольшие открытые поселения и могильники с керамикой I в. н. э. появляются на берегах Днепра и его притоков. Это — Гвоздов, Триполье, Койлов, Гршценцы, Ржищев на Днепре; Тетеревка, Райки на Тетереве; Новоселки на Ирпене; Бородянка на Здвиже; Мартыновичи на Уже; Таценки на Стугне, Орловец на Ольшанке и др.

Датировка этих поселений и могильников рубежом нашей эры — первой половиной I в. н. э. обоснована фибулами, а также античными импортами. Так, в Таценках встретилась фибула «воинского» типа конца I в. до н. э. и две — причерноморского типа I в. н. э. [Максимов, 1969, с. 43], в погребениях могильника Триполье найдены пять фибул зарубинецкого типа I в. до н. э. — I в. н. э. [Куза, Кубишев, 1971, с. 87], в Грищенках и Ржищеве обнаружены европейские фибулы первой половины I в. н. э. Обломки светлоглиняных амфор I в. до н. э. — I в. н. э. встретились в Орловце, Райках, Койлове, а также на всех вновь построенных приднепровских городищах.

Кроме небольших поселений, на Поднепровье в это время появляются такие крупные селища, как Оболонь в Киеве, размещенные в труднодоступных местах поймы. На Оболони исследовано более 60 зарубинецких жилищ рубежа нашей эры — I в. н. э., время которых определяют обломки амфор, аналогичных упомянутому выше, шпора и воинские фибулы [Шовкопляс, 1972, с. 206—210]. К северу от Киева возникло ремесленное поселение Лю-

теж, где изготавливали железо для ближайшей округи [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 73], в керамических материалах которого ведущее место принадлежит зарубинецким сосудам рубежа нашей эры — I в. н. э.

Для Припятского региона этот период зарубинецкой истории был временем роковых испытаний, которые привели к обезлюдению здешних поселений. Как отмечалось выше, финал этих событий пришелся на середину или вторую половину I в. н. э., после чего зарубинецкая культура на Припяти прекратила свое существование [Каспарова, 1976, с. 139]. При этом какая-то часть припятских зарубинцев переселилась на юг, на территорию Волыни и Подолии, поскольку здесь в I в. н. э. неожиданно появляются зарубинецкие памятники припятского облика.

Верхнеднепровский регион зарубинецкой культуры не затронули эти драматические события I в. н. э. Судя по всему, жизнь здесь продолжалась, подчиняясь ритмам естественных социально-экономических законов. В силу этих обстоятельств на Верхнем Днепре появляются пойменные поселения, развивается экономика и торговля с соседями, преимущественно западными и северо-западными. Об этом свидетельствуют фибулы позднелатенских типов и прекращение импорта античных украшений (бус). Как и в других регионах, изменяется керамический комплекс, в котором появляются ребристые формы.

Важнейшим событием ранней фазы позднего зарубинецкого периода было образование двух новых регионов — Верхнедеснянского и Южнобугского. Датировка их памятников не вызывает сомнений. Ясны и причины, обусловленные военно-политической обстановкой на Поднепровье на рубеже новой эры, жители которого были вынуждены оставлять насиженные места.

Факты, свидетельствующие о переселении, отчетливо заметны, в первую очередь, в материалах Деснянского региона, где по Десне — от Чернигова до ее истоков и по притокам — Судости и Сейму приход зарубинецких племен привел к появлению поселений с зарубинецкими формами культуры: реберчатыми мисками с вертикальным венчиком, кухонными горшками с отогнутым венчиком, украшенным по краю ямками, прямоугольно-квадратными небольшими жилищами с очагами, традиционными связями с античным югом [Третьяков, 1969, с. 13; Заверняев, 1969, с. 115].

В бассейн Десны это население попало, вероятно, с Трубежа, где в более раннее время возникли поселения с культурой, близкой к деснянской. Здесь встречены позднелатенские фибулы с перекрученной спинкой, плоские биконические прясла с широким отверстием, трапециевидные бронзовые орнаментированные подвески, аналогичные типы бус [Савчук, 1969, с. 82—87]. Среди датирующих находок важна ольвийская медная монета чеканки 50—54 гг. н. э. (сборы Ю. В. Костенко).

На Южном Буге поселения I в. н. э. Марьяновка и Носовцы также близки к среднеднепровским. Это прослеживается в устройстве жилищ, ассортименте и формах чернолощеной, шершавой и амфорной керамики, в сходстве железных изделий, фибул, бусин и других украшений [Хавлюк, 1975, рис. 2; 3—6].

Заключительный период зарубинецкой культуры охватывает, в основном, II в. н. э. Вероятно, южнобугские и среднеднепровские памятники исчезают несколько раньше, зато на Верхнем Днепре и Верхней Десне, где происходил эволюционный процесс трансформации культуры, этот период оканчивается на рубеже II—III в. н. э. (табл. 3).

Самая трудная ситуация складывалась на Среднем Поднепровье, где шел

сложный процесс смены зарубинецкой культуры двумя другими образованиями — Черняховской культурой на юге — примерно до широты р. Стугны, в 40 км южнее Киева, и киевской культурой на севере. Все это происходило в условиях передвижения с северо-запада пшеворских племен готов, сарматской активности с юга.

Эти явления отразились в пестроте археологической карты Среднеднепровского региона в указанное время. В центральной его части, в бассейнах рек Роси, Росавы, Выси и Тясмина располагаются сарматские некрополи (их в настоящее время насчитывается уже более 30). На основании особенностей погребального инвентаря этих памятников, содержащего античные импорты, время их функционирования определяется от второй половины I в. н. э. до середины II в. н. э. [Щукин, 1972, с. 43-48].

Оставшаяся на Среднем Поднепровье часть зарубинецкого населения расселилась по периферии занятой сарматскими могильниками области. Такие позднезарубинецкие памятники возникают на севере — на реках Ирпень (Лютетж) и Стугне (Таценки—Довжик, Триполье—Девич-Гора). К востоку от нее, на берегах Днепра известны Вишенки, Рудяки, Зарубинцы — Малая Горка, на р. Трубеже — это Коржи, Пасечная и другие поселения близ г. Барышевки, к юго-западу, на Южном Буге — Рахны, к юго-востоку, на Левобережье — Мерефа и Иосиповка.

Эти памятники являются бесспорно зарубинецкими, на что указывают типы найденной здесь керамики, некоторые украшения и фибулы, погребальный обряд. Одновременно среди их материалов следует отметить наличие керамики и фибул европейских типов. Так, в Вишенках и Таценках найдены лощеные четырехручные вазы пшеворского облика, а в Лютетеже, Тацен-

ках, Зарубинцах, Рахнах обнаружены импортные «глазчатые» фибулы, в Рудяках и Пасечной — фибулы «паннонские».

Население Среднего Поднепровья поддерживало торговые контакты с римскими провинциями, на что указывают находки серебряных денариев II в. н. э. Одна из таких монет происходит из Таценок, это денарий Антонина Пия, другие (всего более 30) найдены вне поселений и могильников, но их можно отнести к этому времени и данной территории [Максимов, 1963, с. 115—120].

Что касается Верхнего Поднепровья, то здесь во II в. н. э. зарубинецкая культура мало изменяется, о чем свидетельствуют комплексы поздних чаплинских погребений (№ 25 и 58) с подвижными фибулами II в. Жизнь протекала здесь без заметных изменений и потрясений, местная зарубинецкая культура постепенно трансформировалась в памятники киевского типа, на что указывает, к примеру, появление в Чаплине слабо профилированных горшков — этого прообраза керамики, характерной уже для поселения киевской культуры типа Абидня.

Зарубинецкий верхнедеснянский регион существовал до рубежа II—III вв. н. э., о чем говорят античные материалы Почепа, имеющие свои аналогии в южных памятниках [Кропоткин, 1970, с. 17]. В это время здесь появляются, как и на Верхнем Днестре, ранние памятники киевской культуры (Колодезный Бугор и др.), в материалах которых прослеживаются черты местных зарубинецких памятников [Третьяков, 1974, с. 96].

Представленные ниже материалы некоторых наиболее интересных зарубинецких памятников Украины свидетельствуют об их отличительных особенностях, обусловленных географическим местоположением (регионом) и временем функционирования.

Глава II

РАННИЙ ПЕРИОД ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В течение раннего периода зарубинецкой культуры на территории Украинской ССР, в пределах Среднеднепровского региона, выделяются два района памятников. Один из них — Каневский находился в южной части Среднего Поднепровья, другой — Киевский — в северной. Протяженность каждого составляет около 50 км, между ними располагалось пространство, где встречены лишь единичные зарубинецкие памятники, да и то относящиеся к позднему периоду.

Характерна топография ранних зарубинецких памятников Украины. Все они занимают вершины останцов плато или высоких речных мысов, поэтому и встречаются на высоких берегах — на правом берегу Днепра и левом — Роси. Особенностью ранних памятников зарубинецкой культуры на Украине следует считать и выбор места для размещения могильников — это были мысы и останцы, по внешнему виду не отличавшиеся от поселения. Иногда могильники располагались рядом с поселениями, но известны случаи, когда по условиям местности расстояние между ними было немалое.

Еще одной характерной чертой раннезарубинецких поселений Среднего Поднепровья является наличие здесь остатков оборонительных сооружений — земляных валов и рвов.

Зарубинецкие поселения располагаются достаточно компактными группами («гнездами»). Поселения удалены друг от друга на расстояние до 2—3 км; в состав «гнезда» входило до полутора-двух десятков поселений.

Размещение поселений «гнездами» отражает социально-экономическую структуру зарубинецкого общества. Его основу составляли семейно-родовые общины, занимавшие отдельные поселения. Родственные общины составляли «гнездо» поселений, которое соответствовало уже племени. Два племени — Каневское и Киевское —

входили в единую этнокультурную зарубинецкую общность, занимавшую территорию Среднего Поднепровья на протяжении последних веков до нашей эры.

Этнографии известны подобные структуры, в частности у населения Лесной зоны Восточной Европы. При этом исследователи подчеркивают как неизменную особенность наличие родственных отношений между людьми, жившими в пределах каждого «гнезда» [Битов, 1955; Малиновская, 1930, с. 180].

Археологические материалы Среднего Поднепровья указывают на культурно-этническое родство населения этого региона. Так, керамика известных могильников киевской группы — Корчеватовского и Пироговского — является по сути однотипной в таких характерных деталях, как конфигурация венчиков, профиля и пропорций чернолощеных мисок и горшков [Максимов, 1972, табл. VIII, 6, 8, 21; X, 9, 10, 13]. Подобная картина наблюдается при сравнении керамики Каневских поселений Пилипенковой Горы и Московки [Максимов, 1972, табл. XIX; XX].

Из ранних памятников киевской труппы крупные по площади раскопки производились на Корчеватовском и Пироговском могильниках [Самойловский, 1959; Кубышев, Максимов, 1969; Кубышев, 1976]. На Каневщине раскапывались городища Сахновка, Московка и Пилипенкова Гора, ставшая наиболее исследованным памятником этого района [Максимов, 1971].

Поселение Пилипенкова Гора. Как поселение зарубинецкой культуры Пилипенкова Гора стала известна в 1945 г. после работ экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Т. С. Пассек [Пассек, 1949]. В 1948 г. здесь были проведены небольшие раскопки экспедицией Киевского государственного университета под руководством В. А. Ботуевича [Богусевич и Линка, 1959].

На вскрытой площади размером около 150 м² удалось обнаружить следы четырех жилищ и остатки трех кузнечных горнов.

В 1959 г. после осмотра и шурфовки поселения мы пришли к выводу, что на этом памятнике целесообразны раскопки широкой площадью, так как культурный слой отличался хорошей сохранностью и был однослойным, состоял в основном, зарубинецкий материал и единичные обломки керамики эпохи энеолита и бронзы. Учитывалась также актуальность задачи — необходимость получения данных о зарубинецких поселениях, ибо в то время наука располагала лишь сведениями о зарубинецких могильниках.

Раскопки на Пилипенковой Горе начались в 1966 г. и продолжались в течение пяти полевых сезонов. За это время было вскрыто более 3000 м² компактной площади в западной и восточной частях поселения, обнаружены остатки 38 жилых и 112 хозяйственных сооружений, выяснена планировка поселения, исследована структура валов и рвов; в ходе работ были получены многочисленные материалы, характеризующие различные стороны жизни обитателей этого поселения — одного из ранних памятников зарубинецкой культуры.

Пилипенкова Гора представляет собой находящийся у самой кромки берега останец днепровского правобережного плато, образованный элювиальными водами ледниковой эпохи. Площадка горы возвышается на 80 м над летним уровнем воды современного Днепра. Таких мысообразных высоких останцов особенно много на правом берегу Днепра от окрестностей Канева (на одном из них находился в эпоху древней Руси город Родень, на другом — детинец Канева, а в зарубинецкое время — городища этой культуры Княжа Гора и Московка) до с. Трахтемиров (детинец скифского

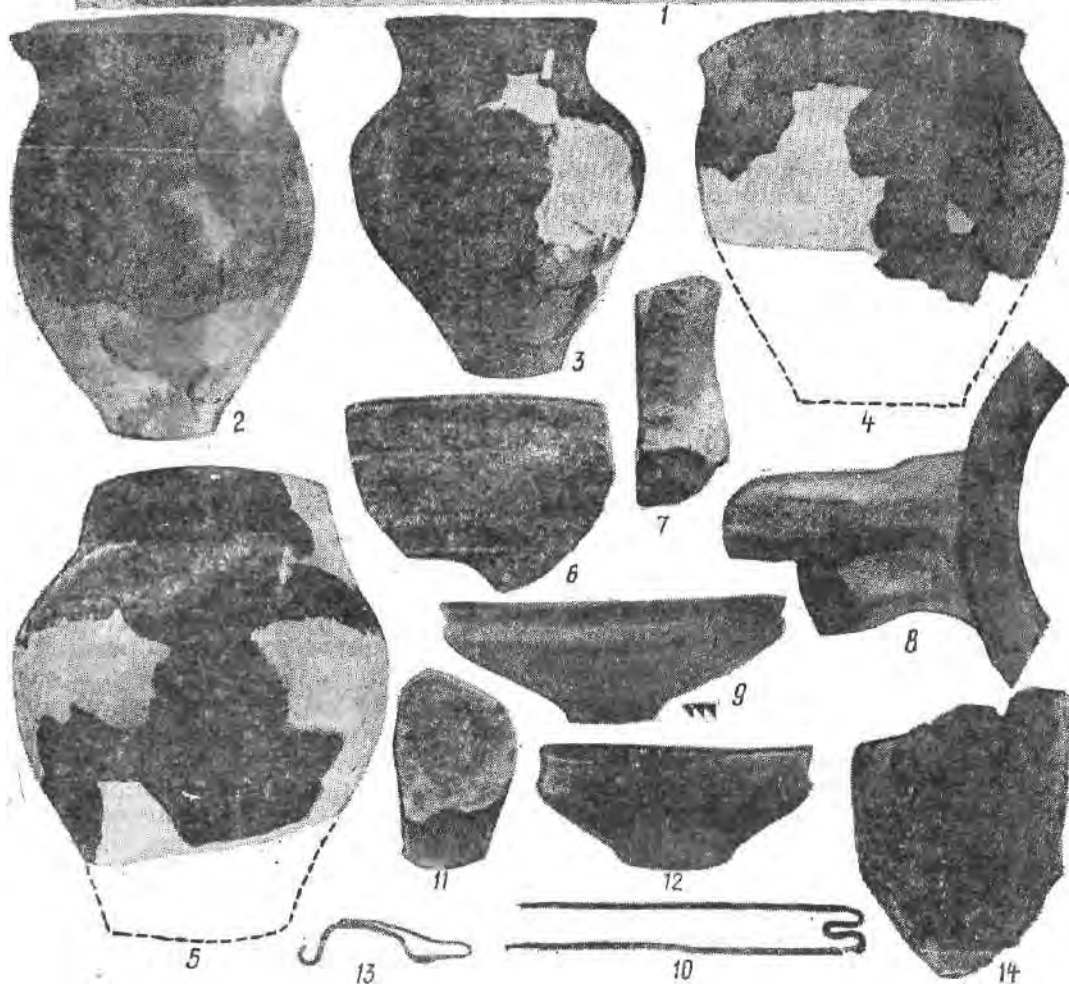

Табл. VII. Поселение Пилипенкоса Гора:

1 — восточный склон; 2—10 — материалы кз жилищ и построен конца III в. до н.э. — 1 в. н. э.; 11—14 — материалы конца I в. до н.э. — 1 в. н.э.

Трахтемировского городища, два городища у хут. Монастырек, могильник у с. Зарубинцы и др.). У геологов эта сильно пересеченная местность называется Каневской дислокацией, у географов — Букринским плацдармом. Этот удобный для обороны район привлекал к себе внимание с глубокой древности, на что указывают находимые здесь повсеместно следы заселенности, начиная со времен трипольской культуры, эпохи бронзы и скифского времени.

Склоны Пилипенковой Горы исключительно крутые и трудные для подъема. Тем не менее на вершине горы были построены укрепления, окружавшие со всех сторон площадку поселения. Более пологим был лишь юго-восточный склон, у подножья которого протекал ручей, служивший источником питьевой воды. На этом склоне существовали еще две линии укреплений: на середине склона и у его подножья. Остатки этих укреплений сохранились до наших дней (табл. VII, 1).

Вершина Пилипенковой Горы площадью около 15 тыс. м² имеет заметный наклон к югу и востоку. Однако это обстоятельство не остановило ее древних обитателей, жилые и хозяйственные сооружения которых возводились и на ровной поверхности, близ северного и западного склонов, и на мало удобных участках в районе восточного и южного склонов. Таким образом была застроена вся вершина холма в пределах верхней линии укреплений. Эти сведения были получены при проведении геофизической поисковой разведки. Места аномалий, указывающие на нарушение материкового грунта при строительстве жилищ и погребов, проверялись контрольными шурфами, которые, как правило, подтверждали наличие здесь древних построек.

В течение 1966—1970 гг. исследования на Пилипенковой Горе производились на площади двух раскопов: Во-

сточного (около 3000 м²) и Западного (230 м²), а также трех траншей длиной 20, 30 и 15 м (№ 1, 2, 3), пересекавших на противоположных сторонах городища остатки оборонительных сооружений (табл. VIII, 1). На площади раскопок были обнаружены остатки 38 жилищ, из них 34 — на Восточном раскопе, следовательно, плотность застройки была довольно значительной — расстояния между отдельными домами не превышали 8—10 м, составляя иногда 2—4 м.

Располагаясь на ограниченном пространстве, жилища Пилипенковой Горы должны были размещаться в определенном порядке. Такой порядок существовал, достаточно взглянуть на генеральный план Восточного раскопа, чтобы убедиться в этом. Жилища размещались не только на установившихся расстояниях друг от друга, но и отдельными группами по кругу. Такую манеру можно назвать традиционной, поскольку она применялась многими поколениями жителей Пилипенковой Горы (табл. IX).

Планировка по кругу прослеживается в группе ранних жилищ, отмеченных в северной части Восточного раскопа, в заполнении которых находились обломки амфор эллинистического времени. Это жилища № 2, 4, 8, а также остатки жилищ, представленные скоплениями материала и хозяйственными ямами № 3, 11, 19. В I в. до н. э. эти жилища вряд ли существовали, но рядом с ними были сооружены жилища № 1, 16 и 21, к числу которых можно отнести следы синхронных им жилищ № 10 и 14. Все они составляют расположенную по кругу группу одновременных жилищ, подобную описанной выше группе, но более позднего времени.

Традиционное расположение жилищ по кругу хорошо видно также на примере южной части Восточного раскопа, где хорошо сохранившиеся жилища

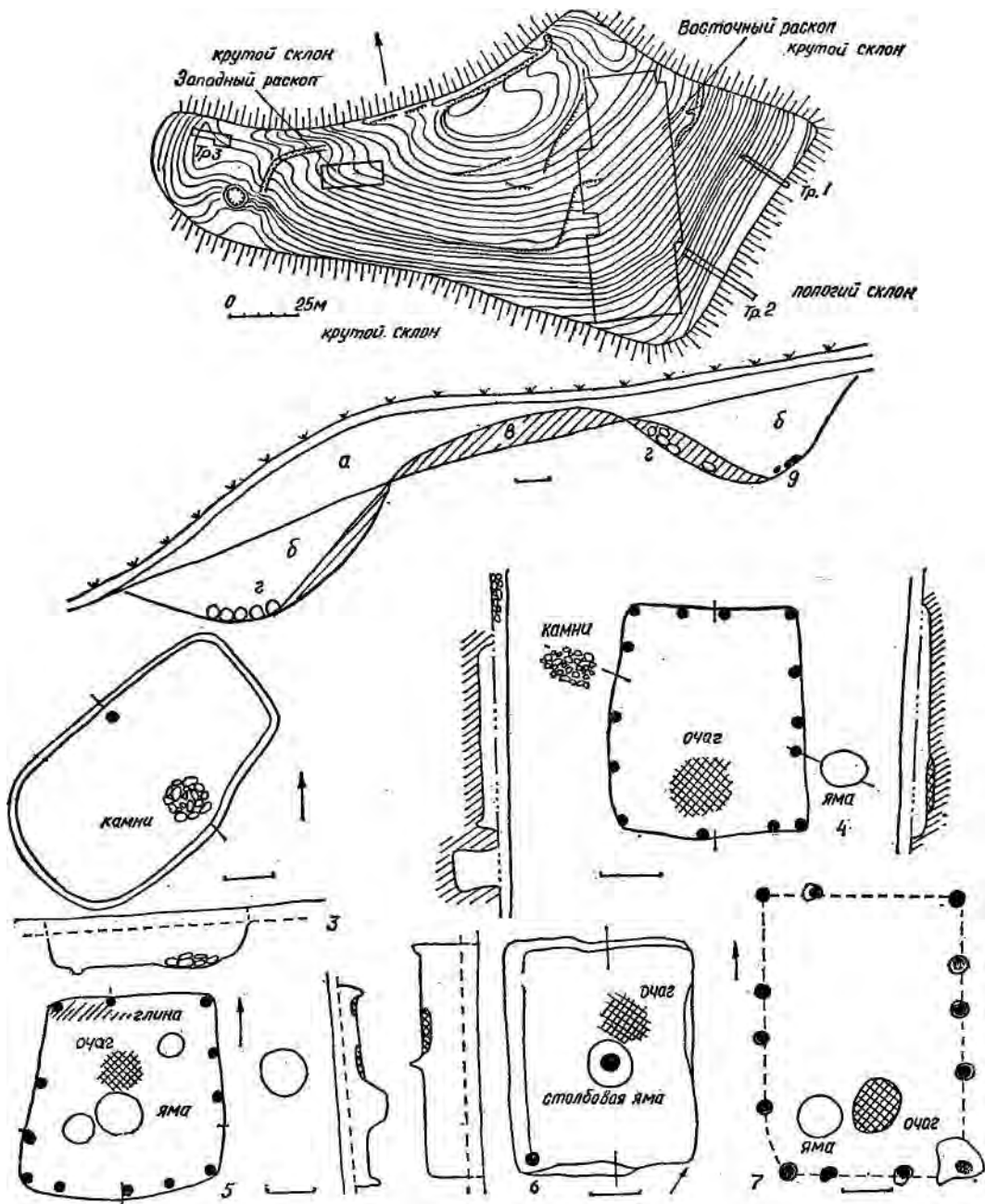

Табл. VIII. Поселения и жилища:

2 — топография поселений Пилипенкова Гора; 2 — разрез остатков оборонительных сооружений Пилипенковой Гора; 3 — Отвержичи, жилище; 4, 5 — Пилипенкова Гора, жилища № 2 и 22; о — Почец, жилище № 1 на раскопе III; 7 — Чаплин, жилище № 8.
а — эскарп; б — рвы; в — вал; г — камни; д — уголь.

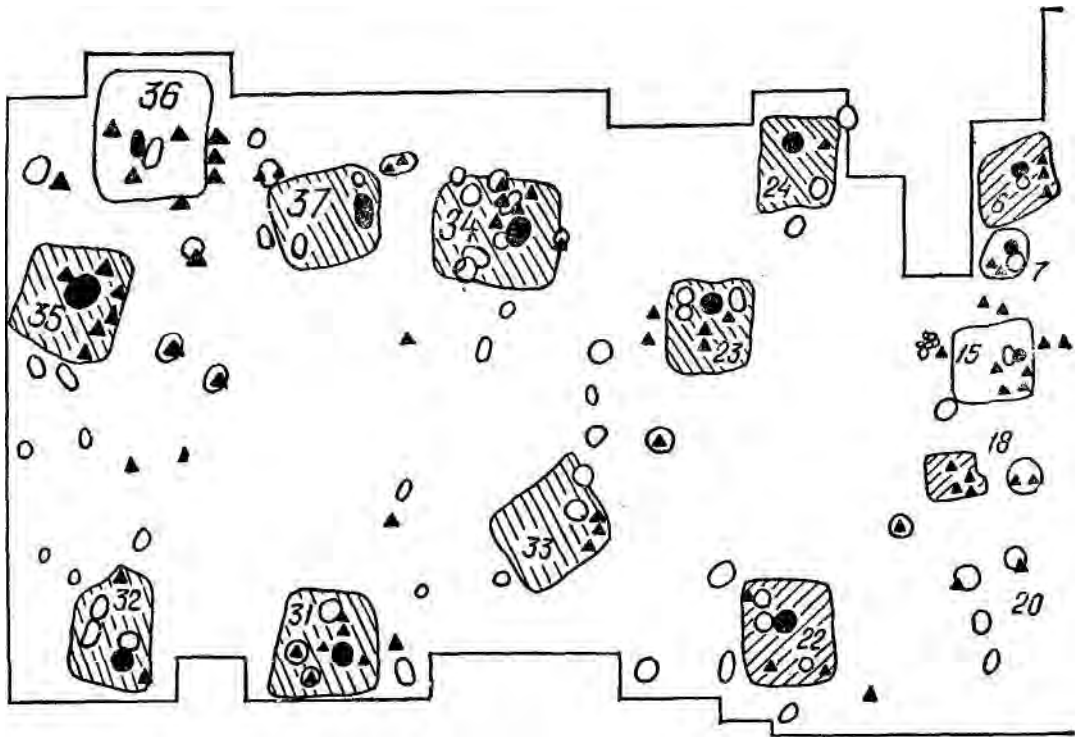

Табл. IX. План Восточного раскопа на Пилипенковой Горе:

а — контуры жилищ ранних и поздних; б — места очагов; в — хозяйственные ямы; г — каменные вымостки. Сооружения 2, 3, 4, 6, 18, 22 — ранние; 23, 31—35, 37 — более поздние.

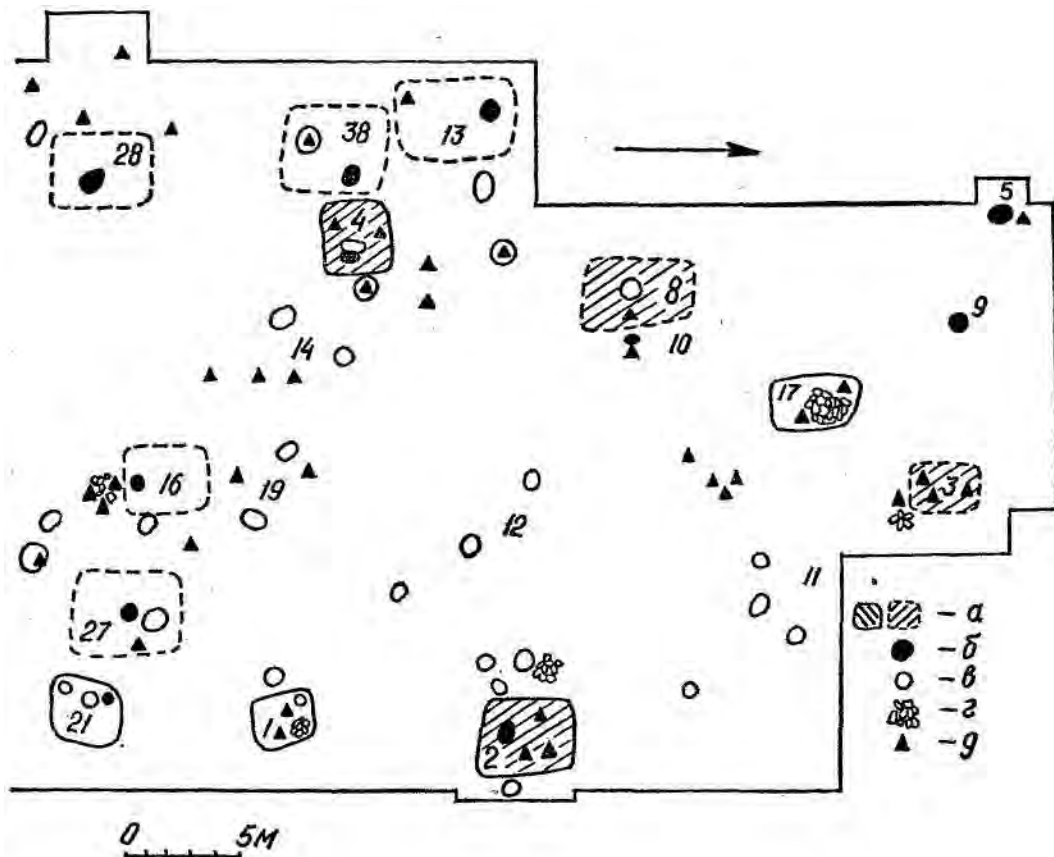
№ 23, 31 и 34, относящиеся на основании датировки амфор к I в. до н. э., образуют круг вместе с жилищами № 32, 33, 35 и 37, принадлежащими, судя по всему, к этой же эпохе.

Диаметр незастроенного пространства, расположенного внутри такого круга, составляет 12—15 м. Скорее всего, здесь располагался внутренний двор для каждой отдельной группы жилищ.

Наличие таких групп жилых сооружений на площади поселения имеет большое значение для понимания особенностей зарубинецкого обществен-

ного устройства в период III—I вв. до н. э. Становится ясным, что на Пилипенковой Горе проживала не одна, а несколько больших семей патриархального типа. А каждая такая семья состояла из нескольких малых индивидуальных семей, которые и были начальной ячейкой этого коллектива.

Малые семьи сохранили еще связи со своими кровными родственниками. Эти связи обусловили размещение родственных малых семей по территориальному признаку, у них коллективный внутренний двор. Однако малая семья была уже независимой в хозяй-

д — индивидуальные находки.

ственном отношении, имела свое собственное жилище, очаг, погреб, место для ремесленной деятельности. Малая семья становилась основой зарубинецкого общества, оттесняя большую семью на второй план.

В связи с изложенным выше представляется важным рассмотреть устройство и конструктивные особенности зарубинецкого жилища, которые впервые были установлены для Среднего Поднепровья по материалам раскопок Пилипенковой Горы.

Жилища. Во время раскопок 1966—1970 гг. на Пилипенковой Горе были

зафиксированы остатки 38 жилых сооружений. Степень сохранности этих объектов не одинакова. Как правило, более ранние жилища (№ 3, 8, 9, 11, 14, 19, 28, 38) разрушены значительно сильнее поздних, датируемых материалами I в. до н. э.— I в. н. э. Часто от ранних жилищ удавалось проследить лишь скопления керамики вокруг хозяйственных ям или очагов.

Отличительной особенностью жилищ раннего и более позднего времени является одинаковый принцип их устройства и оборудования, что хорошо заметно на тех участках поселения, где

материковый грунт имеет светлый оттенок.

При раскопках темные контуры жилищ обычно становились заметными на фоне светлого глинистого материка после снятия гумусированного растительного (пахотного) слоя, имевшего здесь небольшую мощность — от 20 до 30 см. Таким образом удалось точно установить расположение 22 жилищ (из 38), в том числе — восьми ранних.

Из них лучше других сохранились остатки жилищ № 2 и 22 III—II вв. до н. э., находившиеся в северо-восточной части раскопа (табл. VIII, 4, 5).

Пол жилища № 2 представлял собой хорошо утрамбованную песчано-глинистую площадку материкового грунта, выровненную почти горизонтально. Следует отметить постоянное стремление строителей зарубинецких жилищ Среднего Поднепровья сооружать земляные полы в верхней части плотного непарушенного материкового грунта, глубоко не опускаясь в него. Поэтому пол жилища № 2 находился на расстоянии 0,4—0,5 м от современной поверхности (табл. VIII, 4).

Второй отличительной особенностью этих жилищ является их форма; это были сооружения квадратные или прямоугольные в плане. Размеры пола жилища № 2 составляли 3,4 X 4 м, жилища № 22 — 3,75 X 4,1 м (табл. VIII, 4).

Третья характерная особенность зарубинецких жилищ Среднего Поднепровья усматривается в конструкции их стен. Основой стен являлись вертикальные столбы диаметром 10—15 см, вкопанные в землю на расстоянии около 1 м друг от друга. Между этими столбами сооружалась стена из жердей, затем весь жердевой каркас обмазывался слоем глины с наружной и внутренней сторон. Раскопки жилища № 2 впервые показали эти отличительные черты устройства стен зарубинецких домов. Здесь удалось зафиксировать 14 неглубоких (0,2—0,3 м) ям от

стенных столбов. Диаметр ям 15—20 см; они оконтуривали пол этого жилища, который имел прямоугольную форму. В заполнении жилища найдены остатки обмазки стен в виде кусков светлой необожженной сухой глины, на которых сохранились отпечатки каркаса — столбов основания и жердей. Поверхностные части глиняной обмазки были тщательно заглажены, причем одна из сторон, вероятно, внутренняя, оказалась покрытой меловой побелкой.

Четвертой отличительной чертой зарубинецких жилищ является устройство очага. Он имел простую конструкцию и представлял собой место для открытого огня непосредственно на земляном полу жилища. Очаг располагался в центральной части сооружения или у какой-либо из стен. Так, в жилище № 2 очаг находился ближе к южной стене, где обнаружен обожженный до красного цвета участок пола, диаметром около 1 м. Следует отметить, что в других жилищах Пилипенковой Горы (№ 6, 34, 36) в местах расположения очагов найдены обожженные необработанные камни средних размеров (12—18 см), которыми ограничивалось очажное место. Таким образом, зарубинецкий очаг представлял собой камелек — участок земляного пола, огражденный по кругу невысокой каменной стеной.

Очень часто рядом с очагом располагалась небольшая яма, предназначенная для очажных и бытовых остатков — золы, угля, разбитой посуды, остатков пищи в виде костей животных. Именно такое содержимое было в предпочажных ямах, открытых в жилищах № 6, 15, 22, 34, 36 и др.

Иногда возле жилищ встречались каменные вымостки (жилища № 3, 15, 16) округлой или прямоугольной формы размером около 1 м. Такая вымостка находилась и возле жилища № 2. Она состояла из одного слоя необрабо-

таных мелких камней (до 10 см), уложенных горизонтально. В центральной части вымостки камни имели красноватый цвет и легко крошились, что является следствием их обожженности. Такие вымостки можно рассматривать как остатки наружных очагов, которыми пользовались в течение теплых месяцев года.

Поскольку жилища были неглубокими, входы, по-видимому, не имели ступенек, поэтому их локализация затруднительна. Можно, однако, предполагать, что вход делали не в той стене, близ которой располагался очаг, следовательно, применительно к жилищу № 2, исключается южная стена. Вход в это жилище не мог быть ни с западной, ни с восточной стороны, ибо вдоль этих стен были построены ямы-погребка. Остается северная стена, противоположная очагу, находившаяся напротив обращенного к Днепру склона.

Важные наблюдения в этом плане удалось сделать в группе поздних жилищ, открытых в южной части раскопа. Эти жилища (№ 31, 32, 33, 34, 35, 37) располагались по кругу, образуя большой внутренний двор. В двух жилищах (№ 31, 32) со стороны двора были замечены входы-сени, в трех других жилищах, равно как и в двух упомянутых выше, очаги располагались близ стен, противоположных двору; следовательно, можно думать, что входы у всех жилищ этого «гнезда» находились со стороны общего внутреннего двора.

Вероятно, подобное расположение входов имели и более ранние сооружения типа жилища № 22, однако их многочисленность не позволяет сделать утвердительный вывод.

Конструкция крыши зарубинецких жилищ Поднепровья точно не выяснена. П. Н. Третьяков считал, что крыши жилищ на городище Чаплин были двускатными, крытые камышом или соломой [Третьяков, 1959, с. 128].

Однако этому предположению противоречит отсутствие симметрично расположенных столбовых ям у противоположных стен. Такие столбы-стояки с развилками в верхней части, на которые опиралась коньковая балка, совершенно необходимы при сооружении даже наиболее простой двускатной крыши с соломенной кровлей [Рикман, 1975, с. 95]. Но ям от подобных стояков нет на планах жилищ Чаплинского городища. В жилищах Пилипенковой Горы их удалось обнаружить (Максимов, 1971, рис. 5; 5).

Редкость таких находок, в частности, на Чаплине предполагает другие возможные конструкции. Одним из вариантов является односкатная крыша, стропила которой могли опираться на горизонтальные слезги, лежавшие на развилках вертикальных бревен двух длинных стен. Столбы одной из стен должны располагаться немного выше, в пределах 0,5 м, как показывают данные этнографии, столбов другой стены для образования наклона крыши, необходимого для стока дождевых вод [Бломквист, 1956, с. 87].

Кровельным материалом служили наиболее простые, доступные и оправдывающие свое назначение материалы — камыш, солома и глина. Об употреблении глины для этих целей свидетельствуют материалы наших раскопок: в некоторых жилищах (№ 6, 7, 34) на полу обнаружены завалы необожженной глины, лежавшие как у самых стенных столбов, так и в центре площади жилища. Особенностью этих завалов была их толщина (до 15—18 см), достаточно рыхлая консистенция и редко встречаемые отпечатки деревянных конструкций кровли, отличающиеся от отпечатков глиняной стеной обмазки. Приведенные данные дают возможность рассматривать эти скопления глины как остатки земляной кровли зарубинецких домов на Пилипенковой Горе.

На Верхнем Поднепровье строились наземные жилища [Третьяков, 1959, с. 124—126]. Основу их стен составляли толстые столбы-стояки, вкапывавшиеся по углам и вдоль стен. А сами стены сооружены из бревен, затесанные концы которых входили в вертикальные пазы столбов-стояков. Глиняная обмазка здесь не применялась (табл. VIII, 7).

В области Припятского Полесья известны остатки жилищ-полуземлянок, поскольку их пол углублялся в грунт не менее чем на 1 м. Стены в таких жилищах, вероятно, были срубными, на что указывает отсутствие столбовых ям (табл. VIII, 3).

Хозяйственные сооружения. Непременной принадлежностью зарубинецких жилищ являются земляные хозяйственные сооружения, в конструктивном отношении представленные двумя типами. Наиболее распространенной хозяйственной постройкой была обычная земляная яма — таких ям на Восточном раскопе Пилипенковой Горы было обнаружено более 100 из общего количества 112 хозяйственных объектов. Второй тип сооружений подобно-го рода — это яма сложного профиля со ступеньками и земляным сводом.

Простые ямы-погребов, по-видимому, имели перекрытия в виде навесов или же крышек — деревянных, а также, плетневых, обмазанных глиной. Следы навеса были, например, зафиксированы при исследовании погреба близ восточной стены жилища № 4. Это были восемь ямок, симметрично расположенных по краю ямы — погребов, оставшиеся от опор сооружения шатрового типа.

Над погребовыми сложной конструкции возводились более капитальные конструкции. Таким было, например, сооружение № 18. Его небольшая площадь — около 4 м², отсутствие каких-либо следов очага, необычная для жи-

лиц конструкция стен, в которой не было опорных столбов каркаса, — все это свидетельствовало об его не жилом, а хозяйственном назначении. Почти всю северную половину этого сооружения занимал обширный погреб. Он начинался довольно широкой ступенькой, с которой можно было дотянуться до любого уголка глубокого и широкого, круглого в плане погреба, вырытого в плотном глинистом материке. При раскопках были отмечены остатки основания хорошо сформированного земляного свода. В заполнении этого погреба найдены обломки корчаг, чернолощеных сосудов ранних типов, фрагменты эллинистических амфор и среди них — горло и ручка клейменной косской амфоры III в. до н. э. На одном стволе ручки сохранилось слово АПОЛЛАДОС — имя эпонима — городского магистрата, в обязанности которого входило наблюдение за нормами мер и весов. Б. Н. Граков, занимавшийся изучением амфорной клейменной тары установил, что эпоним Аполладос, имя которого входило в текст амфорного клейма с Пилипенковой Горы, исполнял свои обязанности в период с 230 по 220 гг. до н. э.

Среди ям-погребов простой конструкции большую часть составляли ямы цилиндрической формы, с вертикальными стенками. Встречены были также ямы с наклонными стенками, у которых диаметр дна был большим, чем диаметр горла — в разрезе такие ямы напоминают усеченный конус. На дне их находились обычно камни до 10—12 см длины, образующие вымостку, которая, вероятно, предохраняла продукты (мясо или рыбу), находившиеся в погребе, от воды, скапливающейся на дне ямы. Не случайно в ямах, где были обнаружены остатки таких каменных вымосток, найдены слои рыбьей чешуи или неразбитые кости животных (яма № 3, 16 и др.).

Простые ямы-погребов преимущественно

венно располагались снаружи у глухих стен жилищ, то есть там, где не было входного проема — у жилища № 2 три ямы располагались близ западной стены, одна — у восточной, у жилища № 22 — две ямы были у южной степы, одна — у восточной и пр. По у некоторых жилищ ямы сооружались внутри помещения — например, в жилище № 21 — одна яма, № 24 — одна яма, № 22 — три ямы, № 23 — две ямы, № 31 — четыре ямы. Однако и здесь, внутри помещения, их располагали ближе к стенкам.

Иное размещение имеют хозяйственные ямы на поселениях других регионов зарубинецкой культуры. П. Н. Третьяков, изучавший Чаплинское городище на Верхнем Днепре, отмечал, что хозяйственные ямы-погребца находятся здесь не разбросано по площади поселения, а сконцентрированы в его окраинных участках, где было открыто более 80 ям, в то время как в районе размещения жилищ их было всего 14 [Третьяков, 1959, с. 123]. Подобное размещение хозяйственных ям-погребов указывает на сохранившийся еще обычай общественного хранения продуктов, что отражает существование коллективного труда в рамках единой большой семьи.

На Среднем Днепре существовали уже иные общественные связи, здесь проживали малые семьи, входившие в состав рода. Пилипенкова Гора была родовым поселком, Чаплинское городище — семейным.

Оборонительные сооружения. Уже при первом осмотре Пилипенковой Горы привлекают внимание хорошо заметные остатки оборонительных сооружений. Они представляют собой несколько линий земляных валов, шедших параллельно друг другу по отношению пологому восточному склону холма (табл. VII, 1).

Земляные валы известны на каждом мысовом поселении Среднего Поднепро-

вья — в Киеве (Юрковица, Лысая гора, Пирогов), районе Зарубинцев (Ходоров, Трахтемиров, Монастырек), Канева (Московка, Пилипенкова Гора) Княжа Гора) и Поросья (Сахновка, Межеричи), всего таких укрепленных поселений здесь около тридцати. Однако исследователи послевоенного времени относили их к различным археологическим культурам, преимущественно древнерусской эпохе, полагая, что связывать их с зарубинецкой культурой нет оснований.

Лишь в 50-е годы П. Н. Третьяков установил, что в неоднократно реконструированных укреплениях Чаплинского городища на Верхнем Днепре наиболее древняя насыпь вала и первоначальный ров могут быть отнесены к зарубинецкому времени [Третьяков, 1959]. Поскольку укрепления на среднеднепровских мысовых городищах не считались зарубинецкими, их изучение на Пилипенковой горе, в свете открытия П. Н. Третьякова, приобретало принципиальное значение.

В результате раскопок на северном участке Восточного раскопа, примыкавшего непосредственно к краю холма, а также на западном и восточном краях поселения, было установлено, что в зарубинецкую эпоху поселение Пилипенкова Гора имело земляные укрепления, то есть являлось городищем.

При работах на Восточном раскопе удалось обнаружить невысокий земляной вал, размещенный по самому краю площадки, венчавшей гору, который почти не просматривался на поверхности. Вал состоял из черноземного грунта, взятого с ближайшей к нему площади поселения. В насыпи вала (его высота 1,2 м, ширина основания 2,7 м) встречались отдельные обломки керамики раннезарубинецкого времени. Следовательно, сооружение вала не относится к эпохе энеолита — бронзы, керамика которой эпизодически встречалась на

площади северной части Восточного раскопа. Нельзя это событие приурочить и к позднезарубинецкому времени, поскольку в грунте вала не было позднезарубинецкого материала, который *попал* бы туда с поверхностного слоя поселения.

Зарубинецкое время сооружения вала подтверждает и наличие построенных в его внутренней поле жилищ № 3 и № 11 (табл. IX). Эти жилища, кроме относящихся к ним хозяйственных ям, сохранились плохо, вернее они йлохо фиксировались, так как на нерушенном материковом грунте светлого оттенка не выделялись своим темным заполнением на темном фоне грунта насыпи вала. Тем не менее в их существовании сомневаться не приходится. Кроме того, здесь имелись и другие признаки, свойственные остаткам зарубинецких жилищ. Это — кучно расположенные четыре хозяйственные ямы жилища № 11, остатки каменной вымостки наружного очага жилища № 3 и, наконец, скопление археологического материала — обломков керамики и костей животных, единичных предметов из металла и обломков амфор, характерного для обычного заполнения жилища зарубинецкого типа. Типологические и технологические особенности найденного здесь амфорного материала дают возможность отнести их к косским и позднеродосским типам и датировать временем не позднее начала I в. до н. э. Следовательно, время сооружения вала, который был моложе жилищ № 3 и № 11, можно отнести к первой половине или середине I в. до н. э.

Как отмечалось выше, на восточном склоне хорошо просматривались линии земляных укреплений. По своему внешнему виду эти земляные насыпи были одинаковы, но по форме отличались от обычных земляных валов и рвов. К тому же их размеры значительно превосходили земляной вал, обнаруженный на краю поселения, вследствие чего воз-

никло сомнение в одновременности этих сооружений. У укреплений восточного склона внутренняя сторона насыпи длиной более 6 м не имела характерного подъема к вершине вала, а была горизонтальной. От четко выраженного края этой насыпи начинался крутой наружный склон длиной около 6 м, который переходил затем в более пологий естественный склон. Эти особенности формы насыпи делали ее похожей скорее на эскарп — искусственный откос для целей обороны, чем на земляной вал, хорошо известный на Поднепровье и в других районах распространения городищ в качестве обычной формы древних укреплений.

Хронологическое определение эскарпов восточного склона удалось получить после проведения здесь раскопок. Поперек верхнего эскарпа были проведены две траншеи длиной 20 м и 30 м при ширине 2—2,5 м, опущенные ниже уровня материка на 0,5 м. Одна из них (№ 1) находилась близ северной оконечности восточного склона, вторая (№ 2) — у южного его края. Оказалось, что земля, составлявшая насыпь эскарпа, взята с территории поселения, край которого был достаточно ровно стесан на расстоянии до 20 м вглубь по всей линии длины насыпи. Поэтому в насыпи обнаружены в переотложенном виде археологические материалы, находившиеся прежде в культурном слое этой окраинной части поселения. Ими оказались: единичные обломки керамики эпохи энеолита — бронзы- и зарубинецкого времени, редкие обломки костей животных, камни среднего размера, а также несколько украшений и предметов личного убранства, в том числе шесть небольших круглых бусин голубоватой расцветки и корпус бронзовой проволоочной среднелатенской фибулы с прогнутой ножкой (табл. VII, 3). Небольшая длина фибулы (6 см) позволяет определить время ее функционирования I в. до н. э. [Амброз,

1966, с.20]. Бусины относятся также к I в. до н. э.

Среди зарубинецкой керамики, найденной в насыпи эскарпа, были и обломки чернолощенных мисок с гранеными венчиками.

Эти особенности археологического материала, найденного в насыпи эскарпа, позволяют отнести его сооружение (так же, как и двух других подобных по форме насыпей, расположенных ниже по восточному склону) ко времени конца I в. до н. э. Следовательно, сооружения оборонительной системой на Пилипенковой Горе.

А более ранние укрепления состояли из невысокого, обычного по своей форме, земляного вала. При исследовании верхнего эскарпа траншеи № 2, заложеной в южной части восточного склона, удалось установить, что этот древний вал дополнялся рвом, причем в верхней части восточного склона эта система была сдублирована (табл. VIII, 2). Эти ранние укрепления состояли из земляного вала, идущего по самому краю городища, подобного открытому на северном склоне в Восточном раскопе, и расположенного перед ним рва. Непосредственно за рвом следовали еще один земляной вал и соответствующий ему ров.

Главным валом был верхний, идущий по краю площадки. Хотя он (и дополняющий его ров) не намного превосходил и по своим размерам укрепления, расположенные ниже (размеры каждого вала и рва около 1,8—2 мм), особое значение верхней системы состояло в ее более важном для целей защиты размещении на вершине площадки и наличии на валу частотокола. Следы этого сожженного частотокола фиксировались в виде кусков древесного угля и обожженной глины, найденных на дне верхнего рва (табл. VIII, 2).

Заполнение рвов и пространства между валами по характеру грунта, составу

и количеству находок не отличалось от того, что дала насыпь эскарпа. Очевидно, эти два события — засыпка рвов и валов и сооружение над ними нового укрепления — эскарпа — произошли одновременно и явились двумя актами одного действия, которое по времени относится к установленной выше дате, то есть концу I в. до н. э.

Таким образом, материалы, найденные во рвах, устанавливали время перестройки этой оборонительной системы. Для определения времени ее сооружения существенными могли оказаться материалы из насыпи валов. Они были тождественны тем материалам, которые получены при раскопках вала в северной части Восточного раскопа, но уступали им количественно, поскольку в этой части площадки горы, по-видимому, находилась периферия поселения. Принимая во внимание данное обстоятельство, затем — топографию размещения этой системы валов и рвов, совпадающей с положением вала, обнаруженного на краю площадки в Восточном раскопе, а также совпадение их размеров и профиля, мы приходим к выводу об их одновременном сооружении.

Это событие следует отнести к концу раннего периода зарубинецкой истории, ко времени, когда на Среднем Поднепровье стало известно о сарматах на Правобережье и драматических событиях в Причерноморье, связанных с гетским нашествием и усилением сарматской военной экспансии на Юге. В этих событиях мы видим причину того, что ранние зарубинецкие мысовые поселения Среднего Поднепровья для надежности обносятся валами и рвами. Их устройство повторяет конструкцию оборонительных сооружений скифского времени этой территории — те же земляные рвы и валы и частотоколы, хорошо известные по материалам Хотовского, Трахтемировского, Каневского городищ — лишь размеры зарубинецких объектов по-

меньше. Но традиции строительства оборонительных укреплений сохранены, и в этом мы видим еще одно свидетельство глубоких связей зарубинецкой культуры с местным этническим миром.

Археологический материал. Отличительной особенностью археологического материала Пилипенковой Горы является его концентрация в жилых и хозяйственных сооружениях, где встречено более 90% находок. Впрочем, такая же картина присуща всем зарубинецким поселениям, за исключением Лютежа. Но это поселение — специфическое, здесь добывали железо на протяжении многих веков и нескольких исторических эпох, используя каждый клочок свободной от болота земли для размещения на нем угольной ямы или металлургического горна. Поэтому в Лютеже находки — металлургические шлаки, обломки керамики, костей животных и другие предметы встречаются более или менее равномерно по всей площади, используемой для производственных или бытовых целей [Бидзиля, Пачкова, 1969]. Но и здесь культурный слой не отличался мощностью, не превышая толщины пахотного слоя и предматериковой прослойки, как это свойственно и зарубинецким поселениям.

Эта особенность присуща также поселениям предшествующей и последующей эпох, которые как в скифское, так и в черняховское время существовали, подобно зарубинецким, на протяжении десятка поколений. По-видимому, характерной чертой всех поселений эпохи родо-племенного строя с их немногочисленным контингентом жителей и бедной материальной культурой, при которой в обиходе находился лишь возможный минимум вещей, является слабая мощность культурного слоя и относительно редкая его насыщенность. Другое дело — памятники классовых обществ с их огромными, по сравнению с родо-племенным временем, возможностями

производства и потребления. Например, в античной Ольвии или в древнерусском Новгороде, культурный слой измеряется несколькими метрами, а количество находок — сотнями тысяч экземпляров.

Таким образом, на Пилипенковой Горе материал был обнаружен преимущественно на площади бывших жилых и хозяйственных сооружений и в относительно небольшом количестве, причем, как правило, в очень фрагментарном состоянии.

Объяснять этот факт можно тем обстоятельством, что остатки более раннего времени существования поселения, естественно не сохранялись потомками, а, наоборот, с каждым поколением все более мельчали и перерабатывались. Малочисленность же материалов последнего периода существования городища объясняется тем, что нам при раскопках встречались лишь случайно забытые или нарочито "выброшенные, пришедшие в негодность вещи, в то время как все сколько-нибудь стоящее было унесено жителями, оставившими городище в связи с уходом в другие места. Это надо иметь в виду при рассмотрении находок, полученных в результате раскопок Пилипенковой Горы на площади около 3000 м², хотя здесь и были найдены более сотни кусков железных шлаков, 18 фрагментированных железный ножей, 12 стержней (возможно, шильев или напильников), 5 перстней, серп, острога, 34 бронзоплавильных тигля, 4 слитка металла бронзы, 4 фрагмента бронзовых пластинчатых зеркал, 2 фибулы, 4 браслета, 6 перстней, 2 иглы, 5 пронизок-бусин, очковидная подвеска, бронзовая монета понтийской чеканки. Керамические изделия представляют 2146 обломков амфор, более 20 тысяч обломков местной керамики, среди которых было около 4500 лошечных, а также более 40 пряслиц биконической и плоской формы — последние изготовлены, главным образом, из сте-

нок античных амфор, несколько грузил для ткацкого станка, ритуальные глиняные лепешки, круглые шары для пращи и др.

Значительно меньше обнаружено изделий из стекла и камня — всего лишь несколько стеклянных округлых бусин белого, синего и зеленого цветов, каменные бруски-точила и грузила, фрагменты мраморной скульптуры античного производства. Значительную коллекцию составили обломки костей животных — более 2000 экз., из которых около 1/3 дали информацию об их видовом и количественном составе: это были кости домашнего быка, лошади, козы, овцы, свиньи, собаки — из домашних животных, и дикого кабана, лося, оленя, бобра, причем костей диких животных было в семь раз меньше костей домашних животных [Ведан, 1975, табл. 1].

По своим типологическим и технологическим характеристикам археологические материалы Пиоипенковой Горы весьма близки, а в ряде случаев идентичны материалам других поселений зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, в количественном же отношении на единицу площади их больше, чем с любого другого широко раскопанного памятника, в том числе — поселения Оболонь в Киеве и Лютеж в устье Ирпеня.

Тем более важной представляется задача классификации этих материалов, особенно относящихся к раннему периоду существования зарубинецкой культуры, поскольку ранних поселений, исследованных достаточно полно, на Среднем Поднепровье больше нет.

Так как археологический материал концентрировался на месте жилых и хозяйственных сооружений, представилась возможность дифференцировать их во времени. Основанием для выделения различных по времени комплексов послужили находки обломков античных амфор и столовой керамики, датировка которых и определяла хронологию мест-

ной посуды и некоторых других вещей.

Картографирование хронологических признаков по объектам показало, что наиболее ранние материалы встречаются преимущественно в северной прибрежной половине Восточного раскопа.

К их числу относятся такие объекты, как жилища и прилегающие к ним ямы № 2 — 6, 8, 9, 11, 18, 19, 22. Здесь найдены фрагмент горла косской клейменной с двухствольными ручками амфоры (сооружение № 18), время которой определяется 30—20-ми годами III в. до н. э. (табл. VII, 8). Из жилища № 6 происходит обломок ручки паросской амфоры с клеймом (ПА)РГОМ, которая также относится к III — II вв. до н. э. (табл. VII, 7), в жилище № 3 найден обломок двухствольной амфорной ручки косской амфоры с клеймом ААЮУ... Нам неизвестны аналогии этому клейму, однако эпиграфические особенности начертания букв альфы и ипсилона позволяют отнести его к III в. до н. э. В жилище № 22 обнаружен фрагмент мегарской чаши, общепринятая датировка которых — II в. до н. э. (табл. VII, 6). Остальные объекты (жилища № 2, 4, 5, 8, 9, 11 и 19 с относящимися к ним хозяйственными ямами-погребями) не имели твердо датированных античных материалов. Однако здесь встретились фрагменты стенок косских амфор раннего типа — из розовой глины с зеленоватой обмазкой-ангобом по внешней поверхности — точно такие особенности имели обломки клейменных косских амфор III в. до н. э., найденные в жилищах № 3 и 18. Отсюда же происходят обломки паросских амфор, черепок которых по цвету и фактуре аналогичен черепку обломка ручки паросской амфоры III—II вв. до н. э., найденному в жилище № 6, обломки характерных и хорошо локализуемых по месту изготовления ручек фасосских и родосских амфор раннеэллинистического времени, а также их

днищ и стенок, выделяемых по цвету глины и наличию характерных примесей в ней и высокому качеству ее приготовления (табл. VII, 11).

Античные материалы, найденные в жилищах северной части Пилипенковой Горы, позволяют с достаточной степенью уверенности отнести их к раннему периоду существования зарубинецкой культуры. Видимо, заселение и застройка городища начались с его высокой северной прибрежной части, наиболее удобной в хозяйственном и бытовом отношении. Продолжалась ли застройка этой части городища в последующий исторический период существования зарубинецкой культуры или эта территория использовалась уже в других целях — в настоящее время ответить затруднительно без новых раскопок вдоль северного склона городища.

Основываясь на имеющихся данных, можно думать, что с I в. до н. э. центр поселения находился уже не здесь, а на примыкающих к югу участках территории городища, где массовый материал представлен находками именно этого времени.

Обратимся к изделиям местного ремесла, в первую очередь керамике, найденной в датированных комплексах ранней, северной части Восточного раскопа.

Как известно, зарубинецкая керамика представлена двумя видами сосудов, которые отличаются друг от друга многими элементами формы (профилировкой венчика, тулова и дна) и ornamentации. Но главное отличие — чисто технологическое, определяемое характером керамического теста и способом обработки поверхности. Эти отличия позволяют выделить в зарубинецкой керамике посуду с гладкой, лощеной поверхностью и посуду с шершавой, нелощеной поверхностью.

Количество обломков этих видов посуды, встречаемых на поселениях (целые сосуды или раздавленные, но скла-

дывающиеся при этом не учитывались, ибо их находили в единичных экземплярах), далеко не одинаково — нелощеные обломки находят при раскопках в 4—5 раз больше, чем лощеные.

Среди лощеной посуды поселений первое место по значению и соответственно по количеству находок принадлежит мискам, этому ведущему типу столовой керамики. Значительно меньше встречено обломков лощеных горшков и кружек.

Миски раннего периода — специфическое явление. Их отличают не только узкие территориальные границы распространения, не выходящие за пределы Среднего Поднепровья, но и определенный период бытования — до рубежа новой эры. Следовательно, эти миски можно назвать не только среднеднепровскими [Максимов, 1971, с. 52], как это делалось до сих пор, но и раннезарубинецкими.

Отличительными чертами раннезарубинецких среднеднепровских мисок являются их пропорции и профилировка, соответствующая мискам типа II, 2 по нашей классификации. Миски были сосудами правильной округлой симметрической формы, старательно изготовленные с помощью поворотной доски, этого прообраза ручного гончарного круга. Их отличает большой диаметр венчика — до 40 см при высоте до 12—15 см. Венчик был небольшим, высотой около 3 см, прямым, немного отогнутым наружу. Очень часто, почти всегда внутренняя сторона раннезарубинецких мисок оформлялась двумя-тремя четкими гранями. Венчик от плеча отделен подчеркнуто резко. Само плечо имеет достаточно округлые очертания, валикообразную форму. Тулово миски коническое и сужается ко дну по ровной линии, а само дно плоское и достаточно узкое — 7—8 см (табл. VII, 9).

Обломки таких мисок составляли неременную принадлежность заполнения всех жилищ и ям раннезарубинец-

кого времени на Пилипенковой Горе, причем они встречались здесь на разной глубине, в том числе на полу. В одной из «их — яме № 6 была найдена разбитая фрагментированная миска, которая была полностью собрана, что и дало возможность представить все особенности этого типа керамики раннезарубинецкого времени (табл. VII, 9). Впрочем, аналогичные миски в хорошем состоянии обнаружены и на других среднеднепровских городищах этого же времени (Монастырей, Сахновка), а также в ранних погребениях Корчеватовского и Пироговского могильников.

Миски, происходящие из всех этих памятников, удаленных друг от друга на многие десятки километров (между Корчеватым и Пилипенковой Горой — около 150 км пути по Днепру), отличаются однообразием в размерах их частей, профиля, оформлении венчика гранями, цвете и обработке поверхности. Отмеченное обстоятельство находит объяснение в предположении о наличии тесных контактов между отдельными пунктами зарубинецкой области на Среднем Поднепровье, о существовании единой культуры на всем этом значительном пространстве, которые и определили выработку единых мерок при изготовлении керамических изделий, особенно парадного, столового (и ритуального, применительно к могильникам) назначения.

Из этой серии чернолощенных раннезарубинецких среднеднепровских форм выделяются сосуды, происходящие с поросских городищ, особенно известные по находкам из Сахновки. Отличительными их чертами являются более высокий и тонкий венчик, менее массивное плечо — валик, высококачественное ношение, создававшее зеркальную поверхность сосуда, а также его цвет — наряду с черными, здесь встречены не в меньшем количестве фрагменты мисок светло-коричневого цвета, который по-

лучали, применяя иную технологию обжига.

Хотя технологически зарубинецкая лощеная керамика и не исследовалась, привлечение этнографических параллелей позволяет воссоздать условия, в результате действия которых сосуды приобретали черный или же коричневый цвет [Пачкова, 1974, с. 123].

Обжиг зарубинецкой керамики производился на открытом костре, в котором достигалась температура не выше 650—850°. В таких условиях керамика приобретала коричневый цвет, часто не равномерный, а с пятнами, хотя при старательной работе, а так было, вероятно, при обжиге сахновской керамики, эти пятна сводились до минимума или же удавалось их избежать вовсе.

Нагрев столовой посуды, которой хотели придать черную поверхность, должен был быть менее интенсивным, поскольку необходимо было сохранить, не* выжечь природный углерод глины, а также добавленный в нее в виде примеси-красителя. Однако при этом возникла опасность получить сосуд с рыхлым черепком, поскольку при уменьшении температуры нагрева пропорционально уменьшалась крепость черепка.

Для того чтобы сохранить черный цвет посуды и не допустить ее рыхлости, зарубинецкие гончары применяли метод, известный по этнографическим данным: нагретый сосуд «обваривали», погружая его в теплый мучной раствор [Пачкова, 1974, с. 124].

Так получалась столовая (и ритуальная) керамика черного цвета. Этот цвет посуды выбирался специально, поскольку он играл важную роль в идеологических представлениях многих древних, в том числе высокоразвитых, народов. Черный цвет, цвет плодородной земли, был символом изобилия земных плодов, синонимом достатка пищи. Этот цвет играл важную роль в системе культовых сельскохозяйственных аллегорий у древних греков, изготовлявших в арха-

ическую, классическую и эллинистическую пору своей истории посуду, покрытую стойким и блестящим, ровным и густым лаком черного цвета, технология изготовления которого до сих пор не восстановлена.

Большое распространение имела блестящая керамика черного и темно-серого цветов в области латенской культуры, причем в ее возникновении сыграли роль как местные (кельтские) космогонические представления, так и влияние античной культуры. Кельтская цивилизация в свою очередь была воспринята в различных ее аспектах соседними — близкими и далекими — племенами, к числу которых относят и зарубинецкое население Среднего Поднепровья.

Впрочем, связи зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья с античным миром, представленным Ольвией с ее широкой периферией, были более конкретными и результативными, чем контакты с далекой латенской культурой. Эти связи были многообразными, затрагивая и зарубинецкое керамическое ремесло. Влияние античной керамики проявилось как в создании зарубинецкой чернолощеной посуды, так и в оформлении некоторых ее ведущих типов. К их числу принадлежат, прежде всего, раннезарубинецкие среднеднепровские миски,

П. Н. Третьяков, К. В. Каспарова и другие исследователи полагают, что чернолощеноя зарубинецкая керамика, в частности миски, появилась у поднепровского населения в результате заимствования с запада, распространения здесь «кельтской вуали» [Третьяков, 1968], или подражания формам позднепоморской культуры [Каспарова, 1976, с. 56].

Однако материалы собственно кельтских памятников [Filip, 1956; Dechelette, 1914] и памятников культур Центральной и Средней Европы, предшест-

вующих зарубинецкому времени и испытавших в той или иной мере влияние латенской культуры [Schwantes, 1955], не позволяют с уверенностью увидеть здесь прототипы зарубинецких чернолощенных мисок. Такой прототип зато легко можно найти среди форм античной посуды, это КИЛИК эллинистического времени (табл. X, 1—4).

Эллинистические чернолаковые килики были широко распространенным типом керамики в Греции и в античных государствах Северного Причерноморья, в частности в Ольвии [Парович-Пешекан, 1974]. Отсюда они поступили на территорию Среднего Поднепровья, где по количеству занимают одно из первых мест среди импортной античной керамики [Онайко, 1968].

По особенностям профилировки килики составляют довольно многочисленную категорию типов, хотя всем им свойственны единые элементы формы. Это широкое и относительно неглубокое тулово, наличие отогнутого наружу венчика, двух отходящих от него ручек, разной высоты ножек. Иногда эту ножку делали совсем небольшой, иногда — довольно высокой [Максимов, 1978, рис. 2, 1, 2].

Раннезарубинецкие чернолощенные миски имели иное функциональное назначение, однако их прообразом следует считать именно некоторые типы чернолаковых киликов, причем эти типы были наиболее распространенными. От них раннезарубинецкие миски получили общую профилировку венчика, тулова и нижней части, а также пропорции — соотношение диаметров венчика и плеча с высотой сосуда. Цвет и обработка поверхности чернолощенных мисок своим источником также восходит к киликам, которые покрывались черным блестящим лаком.

Надо иметь в виду, что изготовленная на исключительно высоком уровне — художественном и техническом — античная керамика оказала большое;

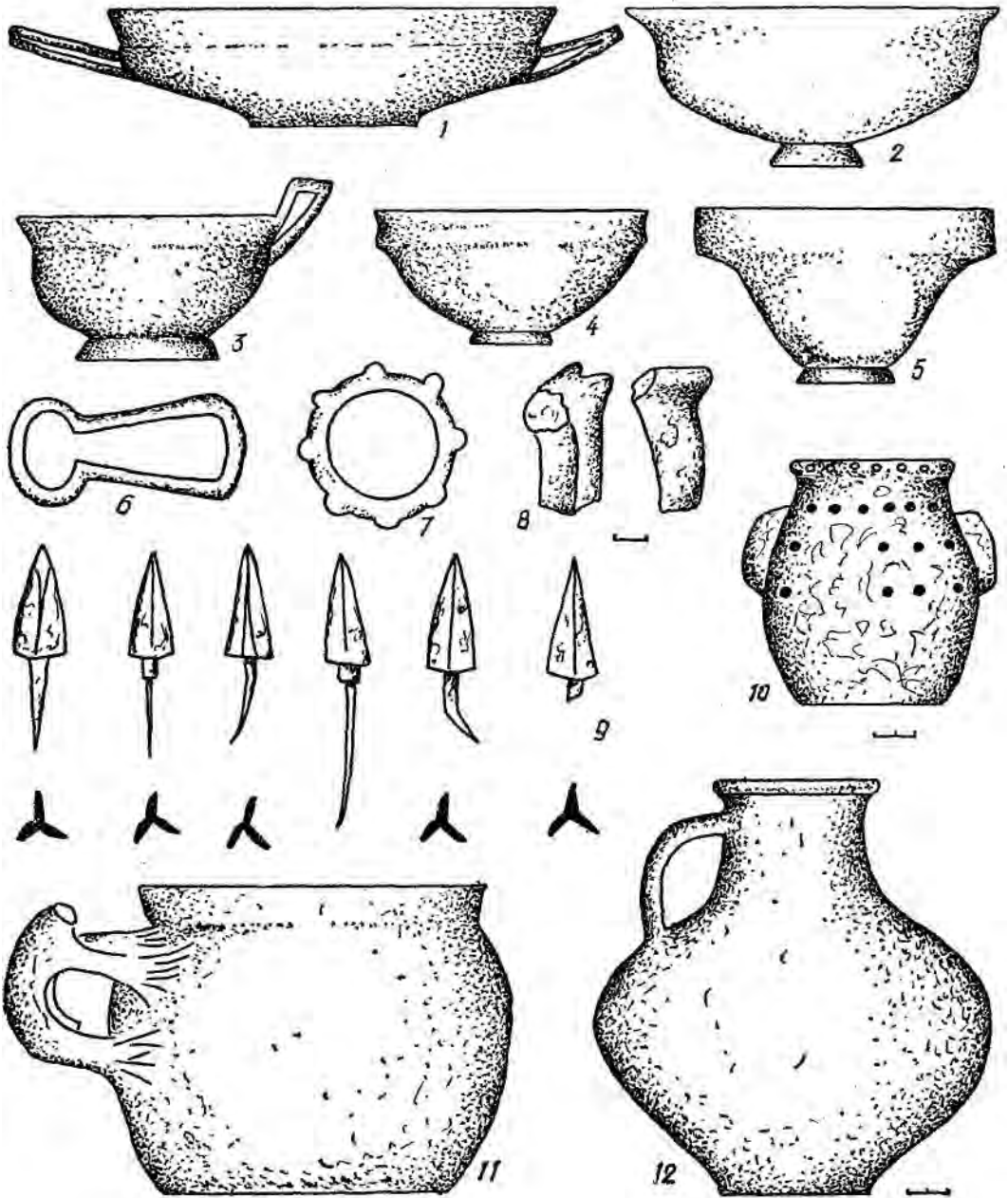

Табл. X. Античные (1—5) и сарматские материалы (6—12)

влияние на керамическое ремесло многих народов Европы. К числу их принадлежали также кельты, которые, в свою очередь, способствовали распространению античных традиций у населения Центральной и Восточной Европы — германцев, фракийцев, и, вероятно, славян.

Но главным источником, откуда зарубинецкое керамическое ремесло заимствовало новые формы и приемы оформления, был античный мир Северного Причерноморья.

Такое положение существовало не только в раннезарубинецкое время, влияние античного мира сохранялось и позже, в I в. н. э., на что указывают новые формы зарубинецкой посуды, идентичные раинеримским (табл. X, 5) [Максимов, 1978, рис. 2, 5, 6]. Что касается влияний юга в эллинистический период, то кроме раннезарубинецких мисок, обязанных своим появлением знакомству зарубинецких гончаров с античными эллинистическими киликами, можно назвать еще несколько аналогичных фактов. Так, из Суботовского могильника происходит уникальный чернолощенный сосуд, представляющий собой высокую и объемную вазу с вертикальными стенками, плавно закругляющимися ко дну. Горло вазы расчленено горизонтальными канавками, а тулово сплошь покрыто массивными каннелюрами. От горла к тулову идут три небольших остроизогнутых рогатых ручки. Вазу можно датировать II — I вв. до н. э. (табл. III, 18). Ее прообразом, вероятно, послужил один из типов эллинистических канфаров, известных в Греции, наших причерноморских греческих городах, в поселениях их периферии, а также среди предметов античного импорта, обнаруженных в погребениях позднескифского времени Степной и Лесостепной Скифии [Онайко, 1970, с. 141, 143].

Вазы, подобные Суботовской, больше не встречались на памятниках заруби-

нецкой культуры, сложность их изготовления и узость применения в быту, видимо, не способствовали образованию такого стойкого типа посуды в зарубинецком керамическом ассортименте. Но в местном производстве этого чернолощенного лепного сосуда сомневаться не приходится.

Это относится и к другому уникальному керамическому изделию, найденному на севере зарубинецкой среднеднепровской территории — лепной амфоре из погребения № 73 Корчеватского могильника. Невысокое горло, шаровидное тулово, цилиндрическая ножка, круглые в сечении ручки (табл. III, 17) — все эти признаки присущи эллинистическим амфорам Фасоса.

Если в вопросе об античных истоках происхождения формы раннезарубинецких мисок нужны основательные и мотивированные аргументации, то доказывать античные истоки суботовского канфара и корчеватской амфоры нет оснований, здесь все ясно: связи с античным миром, влияние античной культуры на зарубинецкую стояли у ее истоков, были длительными по времени и достаточно глубокими по результатам.

В раннезарубинецкое время, кроме чернолощенных мисок, на поселении Пилипенкова Гора бытовали горшки и кружки. Горшки представлены сравнительно небольшим количеством обломков, верхней части сосуда. Среди массы обломков чернолощенных стенок имеются и фрагменты горшков, но их меньше, чем мисок. По внешнему виду они такие же — хорошо обработаны лощением, черного цвета, примеси в глине — мелкие, толщина — небольшая, как у мисок. Различие состоит в том, что у них нет лощения с внутренней стороны, ибо горшки были сосудами закрытого типа, высокими и стройными, как свидетельствует целый горшок из жилища № 19, с прямым, отогнутым наружу венчиком длиной 3—4 см и хорошо выра-

женным плечом (табл. VII, 3). Дна устойчивое, орнаментации нет, однако в горшках подобного типа, найденных в погребениях Пироговского и Корчеватского могильников, иногда встречаются орнаментальные налепы в виде трех-четырёх валикообразных подковок серповидной формы (табл. III, 8). Отличительной особенностью ранних горшков следует считать две-три грани на верхней части внутренней поверхности венчика. Еще следует отметить высокое качество лощения наружной поверхности сосудов.

Следующий тип ранней чернолощеной керамики представлен небольшими и среднего размера сосудами с ручкой у венчика, которые называют кружками. Действительно, назначение малых сосудов этого типа может соответствовать данному их названию. Небольшой объем кружек — от 100 до 250 см³, не противоречит нашему современному представлению о сосудах для питья. И форма у них подходящая для этой цели — это удобная и универсальная форма горпн². Небольшая ручка округло-петлевидной формы соответствует такому функциональному назначению сосуда. Но встречаются также сосуды довольно крупных размеров — высотой и диаметром тулова 15—20 см, следовательно объемом 1—2 литра. Ручка осталась однако небольшой, а поэтому пользоваться ею уже не представлялось возможным, у этих сосудов ручка — декоративное украшение, символ назначения сосуда.

Такие крупные кружки свойственны, однако, более позднему времени, а для раннезарубинецкой эпохи более характерны сосуды Небольшого размера. Подобно мискам и горшкам, венчик у них с внутренней стороны делался также граненым. Одна целая кружка была найдена в хозяйственной яме жилища № 4, вместе с уникальной по форме бронзовой булавкой с двумя иглами и лировидной перемышкой между ними,

датируемой IV—III вв. до н. э. по позднескифским древностям (табл. VII, 18).

Таковы основные типы чернолощеной посуды, встреченной в ранних объектах городища Пилипенкова Гора. Они, разумеется, не исчерпывают всего ассортимента керамики раннезарубинецкого времени, который может быть представлен сполна лишь с привлечением материалов могильников, где наборы чернолощенных сосудов разнообразнее, не говоря уже о том, что могильники дают целые формы. Однако там оказались, применительно к раннезарубинецкому времени, менее убедительными возможности хронологического определения, тогда как на Пилипенковой Горе и на других ранних городищах находки античной керамики позволяют отнести к III — II вв. до н. э. те три типа чернолощенных сосудов, о которых упоминалось выше.

Принципиальное значение выделения по датированным комплексам раннезарубинецкой чернолощеной посуды состоит в том, что она стала важным опорным материалом при установлении хронологии раннезарубинецких погребений, совершенных в конце III — начале II в. до н. э. на территории Среднего Поднепровья, то есть в тот период раннезарубинецкой истории, когда латенские фибулы, проникшие вместе с кельтами-галатами в Нижнее Поднепровье в конце III — начале II в. до н. э., еще почти не были известны в области от устья Роси до Ирпеня, в связи с чем изготовление местных фибул по латенским образцам еще не было начато.

Конечно, раннезарубинецкие формы чернолощеной посуды продолжали готовиться и в I в. до н. э. в новой исторической обстановке, обусловившей появление новых форм посуды и других предметов материальной культуры. Есть основания думать, что и в течение I в. н. э. по традиции изготовлялось какое-

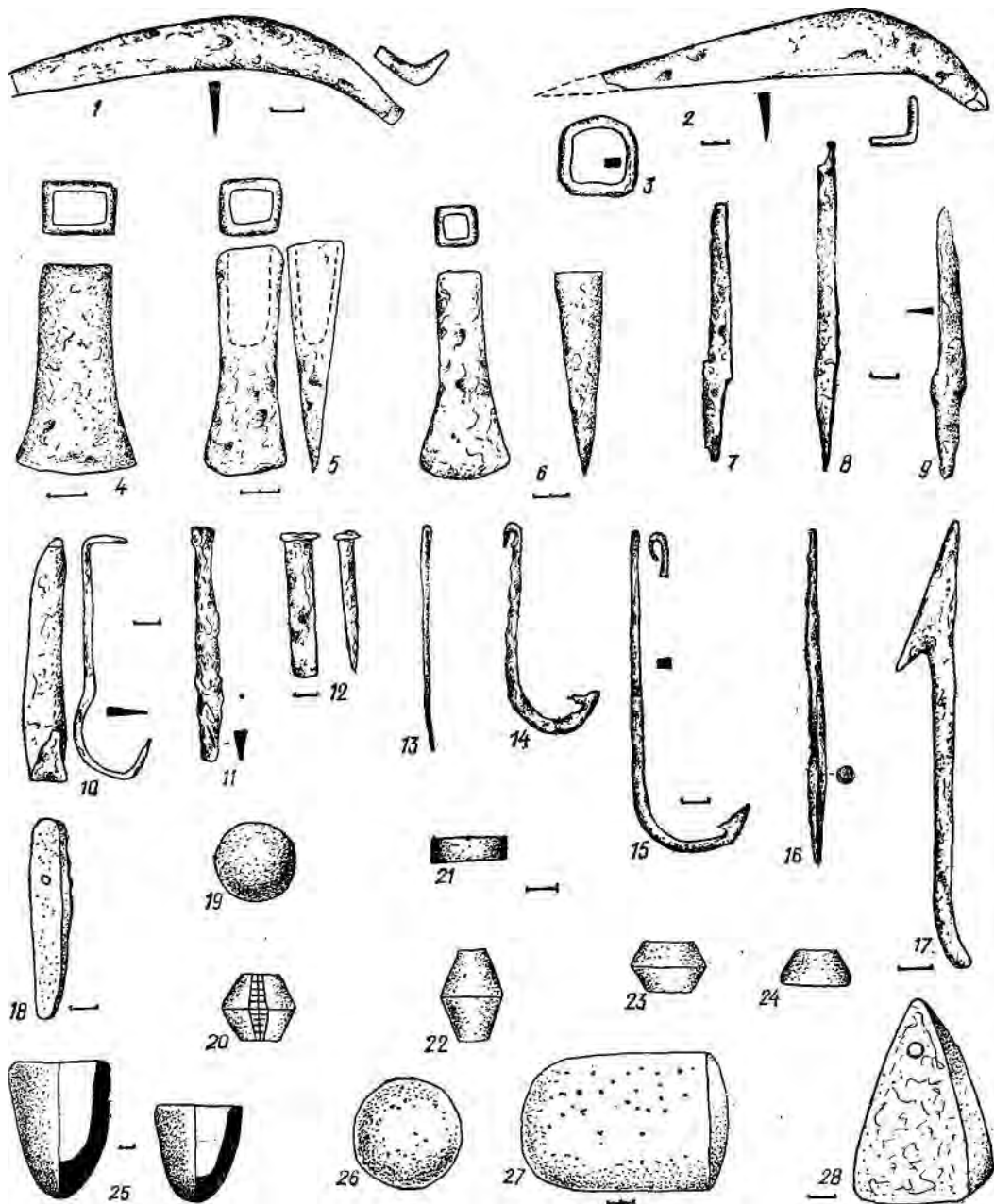

Табл. XI. Орудия труда;

1 — серп, Бабина Гора; 2 — коса, Бабина Гора; 3 — кольцо для косы, Монастырей; 4—6 — топоры из Таецнок, Чаплина и Бортничей (р. Грубуж); 7—9 — ножи из Таецнок и Марьяновки; 10 — ложкарь, Ходосовка; 11, 12 — зубила, Лютеж; 13 — железная игла, Суботов; 14, 15 — рыболовные крючки из Суботова и Ходосовки; 16 — шило, Зарубинцы; 17 — острога, Пилипенкова Гора; 18 — каменный осколок, Чаплин; 19—24 — формы зарубицких прясел; 25 — бронзолавильные тигли, Пилипенкова Гора; 26, 37 — терочник и зернотерка, Таецки; 28 — грузило, Пилипенкова Гора.

то количество мисок, горшков и кружек раннезарубинецкого типа и продолжали оставаться в употреблении отдельные характерные элементы этой посуды, такие как тщательное лощение поверхности, граненый с внутренней стороны венчик, равнопадающие стенки тулова со слабо выраженным у дна изгибом.

Однако такая посуда не определяет лицо позднезарубинецкого керамического комплекса и постепенно к исходу I в. н. э. она исчезает совсем. Этот процесс прослеживается при рассмотрении жилых и хозяйственных объектов городища Пилипенкова Гора. Но особенно яркую картину заката раннезарубинецкой керамики дают погребения рубежа нашей эры и I в. н. э., имеющие фибулы.

Из глиняных предметов раннезарубинецкого времени необходимо отметить еще прясла. Они представлены двумя типами, едиными по своему функциональному назначению, но совершенно различными по форме и технологии изготовления (табл. XI, 21—24).

Пряслица первого типа — это небольшие (2,5—3 см в высоту и по диаметру) преимущественно биконической формы изделия с хорошо подлощенной, черной поверхностью, небольшим (3—5 мм) отверстием, узкими площадками (около 1,5 см). Форма эта и размеры почти не варьируются, с течением времени лишь исчезает лощение [Максимов, 1972, табл. XX, 3].

Второй тип представлен пряслами также небольшого размера (диаметр 3—3,5 см, толщина 6—7 мм, такой же диаметр отверстия), изготовленными из стенок чернолощенных мисок или горшков. Они весьма старательно обработаны — симметрично-круглые, с зашлифованным торцом, аккуратным отверстием; появляются в ранний период зарубинецкой культуры вместе с такими же, но изготовленными из стенок ран-

них амфор, и биконическими пряслами [Максимов, 1972, табл. XX, 2].

Нелощеная керамика представлена многочисленными фрагментами сосудов трех типов (около 15 тыс. единиц) и единичными целыми экземплярами. Это кухонные горшки, хозяйственные корчаги и крышки к тем и другим. Как уже отмечалось, фрагменты нелощеной посуды составляют 4/5 всех керамических находок на среднеднепровских поселениях. Однако представление об их типологии не может быть исчерпывающим в связи с небольшим количеством целых форм. Материалы могильников в этом отношении дают больше информации, хотя она тоже, очевидно, не стопроцентна, ибо среди керамики погребальных комплексов подавляющее количество принадлежит лощеным сосудам (в 100 погребениях Корчеватского могильника из 188 сосудов 142 оказались лощеными, в 49 погребениях Пироговского могильника 1966 г. из 93 сосудов лощеными были 91).

Находки нелощеной керамики, происходящие с датированных комплексов, городищ, очень важны, так как дают возможность отнести некоторые сосуды к раннезарубинецкому времени и тем самым типологически сопоставить с местной керамикой предшествующей эпохи.

Все типы раннезарубинецкой нелощеной керамики изготавливались из хорошо промешанной глины, в которую добавляли в качестве отошачивающей примеси песок и шамот. Обжигались сосуды на костре, причем обжиг был основательным, поэтому стенки насквозь прокаливались даже у толстостенных корчаг. Цвет сосудов коричнево-серый различных оттенков.

Горшки и норчаги отличались друг от друга лишь размерами. Высота горшков до 25—30 см, корчаг — до 45—50 см, что было обусловлено их различным функциональным назначением — горшки служили для варки пищи, поэтому

снаружи на них заметны следы копоти, в корчагах хранили запасы воды, крупы, зерна, других продуктов, поэтому их обломки и развалы обычно встречаются в хозяйственных местах жилищ или же в ямах-погребках. Пропорции этих типов посуды совпадают, это типы I, 1; I, 4; III, 1 (табл. VII, 2, 4, 5).

По краю венчика горшки и корчаги часто украшены ямками — вдавлениями пальца, расположенными с интервалом в одну ямку друг от друга. На горшках иногда такой же орнамент нанесен по горлу сосуда.

Датировка нелощеной посуды (горшков и корчаг) определяется фрагментами амфор III — II вв. до н. э., поскольку многие обломки этой посуды обнаружены вместе с амфорным материалом во всех раннезарубинецких жилищах Пилипенковой Горы (№ 2, 3, 4, 6, 8), а в сооружении № 18 и жилище № 22 были найдены раздавленные сосуды (развалы), которые удалось сложить и получить таким образом полное представление об их внешнем виде.

Следует обратить внимание на типологическую и технологическую схожесть этой керамики с посудой местного населения, жившего на Среднем Поднепровье, в бассейнах рек Тясмина и Роси в предшествующую эпоху, в позднескифское время, которое датируется V — III вв. до н. э. Соответствующие материалы были предметом внимания многих исследователей, последней по времени работой являются публикации В. Г. Петренко [Петренко, 1961; 1967].

Примечательна немногочисленность опубликованного материала из дореволюционных раскопок позднескифских памятников, особенно в бассейне Тясмина. Такое положение объясняется пренебрежительным отношением тогдашних исследователей к находкам простой кухонной посуды. Ее попросту

не брали в коллекцию и лишь изредка бегло упоминали о фактах нахождения. Но даже то, что сохранилось, позволяет нарисовать яркую картину формально-типологической близости сосудов V—III вв. до н. э. с керамикой зарубинецкой культуры.

В качестве примера укажем на несколько фактов. На Киевщине, близ с. Тулинцы Кагарлыкского района в кургане № 62 большого могильника скифского времени найдена кружка с ручкой и чернлощенный горшок. Его форма — округлотелый сосуд с небольшим отогнутым венчиком и пропорции [Петренко, 1967, табл. 8, 20] совпадают с чернлощеными горшками раннезарубинецких памятников, таких, как погребения 8, 21, 23 Пироговского могильника или жилище № 19 городища Пилипенкова Гора.

Третьим типом нелощеной посуды являются крышки. Их обломки и немногочисленные целые экземпляры встречаются только на поселениях, в погребальных инвентарях крышек нет. Тулово крышек коническое, край срезан, иногда снаружи он украшен ямками. Тулово оканчивается перехватом, от которого отходит довольно высокая ручка конической или же цилиндрической формы, внутри полая. Толщина стенок небольшая, около 5 мм, а диаметр по краю — значительный — от 18 до 32 см. Последнее обстоятельство оказалось решающим при определении функционального назначения этого типа сосудов — именно так обычно определялся диаметр венчика кухонных горшков, для которых описываемые конические сосуды были крышками. Кроме того, на многих экземплярах отчетливо заметны следы законченности — следствие пребывания в огне очага, а у некоторых сосудов обычного размера фиксировалась ручка очень небольшого диаметра, что исключало возможность усматривать в этом отростке ножку, поскольку некоторые авторы называли их

плошками, вазами или мисками [Вязьмитина, 1962, с. 101].

Датировка крышек раннезарубинецким временем не вызывает сомнений. Во-первых, их фрагменты обычно встречаются на Пилипенковой Горе в ранних комплексах, а целый экземпляр был найден в хозяйственной яме жилища № 19 вместе с фрагментами эллинистических амфор. Во-вторых, крышки этого типа получили широкое распространение, начиная со второй половины IV в. до н. э. в культурах территории Скифии [Мелокова, 1962, с. 158] и, подобно горшкам и корчагам, раннезарубинецкого времени, являются наследием предшествующей эпохи в зарубинецкой культуре.

Таковы основные группы керамических находок в комплексах раннезарубинецкого времени Пилипенковой Горы. Картина будет полнее, если упомянуть другие виды изделий, найденных в единичных экземплярах, но тем не менее характеризующих как время их изготовления, так и уровень различных ремесел той эпохи.

Наиболее частыми находками были железные ножи двух типов — с горбатой и прямой спинкой (табл. XI, 7, 9). Всего их известно 21 экземпляр — 18 найдено во время исследований 1966—1970 гг., три — обнаружил при раскопках В. А. Богусевич в 1948 г. Половина этого количества (11 экземпляров), сохранившая в достаточной степени металл, была подвергнута металлографическому исследованию, которое выполнил В. Д. Гопак. Оказалось, что вопреки сведениям, полученным при изучении материалов первого года раскопок [Вознесенская, 1967, с. 138], качество металла, из которого изготовляли ножи с горбатой спинкой, найденные в раннезарубинецких комплексах (жилища № 2, 3, 6, 8, 22, ямы 1, 2, 13, 16), сравнительно высокое [Максимов, 1971, рис. 8, 6]. Но еще более интересным выводом следует считать данные о на-

личии у этих изделий термической обработки, резко повышавшей прочность, надежность и долговечность этих орудий универсального типа. На одних экземплярах — это цементация, которой подвергались изделия, выкованные из железа, другие же ножи оказались изготовленными из стали, прошедшей затем закалку [Гопак, 1976, с. 15].

Эти исследования В. Д. Гопака позволили поставить вопрос о преемственности зарубинецкого кузнечного, а также металлургического дела с ремеслом лесостепного населения предшествующей скифской эпохи, хорошо изученным в последние годы харьковскими археологами и металловедом [Шрамко, 1965]. Одинаковые по конструкции железоделательные горны, аналогичные формы многих изделий из железа и стали — ножей, серпов, кос, долот, зубил, напильников, игл, рыболовных крючков и других предметов, наконец, применение цементации, кузнечной сварки свидетельствуют о наличии генетической линии связи между позднескифской лесостепной и раннезарубинецкой поднепровской культурами. Интересно, что, по данным В. Д. Гопака, позднезарубинецкое железоделательное ремесло, представленное материалами поселения Оболюнь, расположенного на северной окраине зарубинецкой среднеднепровской территории, изделия которого оказались худшими по качеству металла и менее совершенными по технологии, имеет меньше оснований для сопоставления со скифскими материалами [Гопак, 1976, с. 16].

Отметим кроме ножей находку фрагмента серпа в раннезарубинецком жилище № 19. Длина серпа 15 см, то есть он не отличается в этом отношении от других серпов зарубинецкого (и позднескифского) времени, ширина 2,5 см, изогнутость малая, конец серпа для удобства прикрепления деревянной рукоятки загнут в виде небольшого шипа [Максимов, 1971, рис. 8, 2].

Анализ показал, что клинок серпа откован из неравномерно науглероженной стали — до 0,6%, поэтому он обладал довольно высокой твердостью, хорошо держал заточку, легко срезывал колосья. Металл отличался мелкозернистостью и почти не содержал шлака.

Серп с подобными показателями качества металла найден также на Суботовском городище, возникшем, как это показывают многие другие материалы, в частности находки обломков ранних амфор, в III—II вв. до н. э. [Максимов, 1959, рис. 5, 6].

Интересной и редкой находкой является железная одношипная острога, обнаруженная В. А. Богусевичем в 1948 г. в центральной части городища. Рукоятка остроги — деревянная или роговая — была накладной, о чем свидетельствует нижняя часть орудия, которая имеет вид черенка (табл. XI, 17). Датировка остроги определяется амфорным материалом раннего типа, III—II вв. до н. э., другого датирующего материала здесь не было.

Большой интерес представляют находки изделий из бронзы, а также предельно высокие отношения к их производству.

Из бронзовых изделий мы уже упоминали уникальную бронзовую булавку с двумя иглами, найденную в жилище № 4 (табл. VII, 12). Очень заманчиво и как будто оправдано желание отнести эту находку к раннезарубинецкому времени, поскольку ее датировка позднескифской эпохой IV—III вв. до н. э. [Петренко, 1967] вряд ли имеет более веские основания, чем отнесение к III в. до н. э. — ранней поре зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, так как здесь булавка найдена в хороших условиях — датированном комплексе городища Пилипенкова Гора, где каких-либо материалов позднескифского типа, даже в единичном экземпляре, не обнаружено.

В отличие от кузнечного ремесла, сырьевая база которого на Среднем Поднепровье была неисчерпаемой, так как железо добывали из болотных руд — лимонитов, залежи которых известны здесь повсеместно, сырье, необходимое для изготовления украшений и предметов личного убора из бронзы, приходилось получать издалека. Естественно, что изделия из бронзы должны были цениться здесь более высоко, чем аналогичные предметы из железа. Но, с другой стороны, мастера вынуждены были применять и железо — отсюда железные фибулы (или части их — например, поздняя фибула из Пироговского могильника, изготовленная из железа, но затем обмотанная по спинке листовой бронзовой лентой [Кубишев, 1976, рис. 3, 6] перстни, булавки, пряжки.

Бронза поступала с юга, из античных центров Северного Причерноморья, скорее всего Боспора, транзитом через Ольвию, а оттуда — хорошо известным и давно освоенным речным путем по Днепру. О значении Боспора в это время как центра широко поставленного производства металлических ювелирных изделий из золота, серебра и бронзы говорит боспорское происхождение знаменитых шедевров торевтики — золотой пекторали и серебряной вазы из степных царских скифских курганов IV в. до н. э. — Толстой и Гаймановой Могил, а также других великолепных изделий этого типа, известных по старым находкам (Чертомлыкская и Куль-Обская вазы, Солохский гребень и другие), обивок горитов и ножен мечей, металлической посуды и большого количества различных украшений из благородных металлов и бронзы и пр. [Онайко, 1970, с. 51].

Южный источник бронзы естественно способствовал тому, что этих изделий на юге лесостепной зоны больше, чем в северных ее районах. Так, на Каневщине хорошо известны такие пункты

находок бронзовых поделок кельтского типа, как Пекари и Леплява.

Как известно, обработку бронзы и изготовление бронзовых предметов личного убора зарубинецкие мастера освоили еще в период становления культуры. Может быть, поэтому им оказалось под силу так быстро и уверенно приступить к изготовлению многих сравнительно сложных предметов, в том числе и фибул среднелатенской конструкции. Причем не только копировать попавшие к ним с юга кельтские образцы, но и выпускать фибулы собственного типа — с треугольной формы щитком на спинке.

На Пилипенковой Горе и некоторых других зарубинецких поселениях были найдены слитки бронзы в виде небольших стержней длиной 8—16 см, прямоугольных в сечении размером 0,5 X 1 см [Максимов, 1971, рис. 8, 1].

У нас нет пока данных, которые свидетельствовали бы о непосредственном экспорте этих слитков из Ольвии или ее периферии. Зато мы можем говорить о привозных бронзовых фибулах, бусах, кольцах, булавах, браслетах, подвесках, зеркалах — на Пилипенковой Горе найдены обломки бронзовых зеркал в виде топких (1,5—2 мм) пластин, традиционно изготовлявшихся в Ольвии с VI в. до н. э. [Петренко, 1967].

Во время раскопок Пилипенковой Горы установлено, что бронзовые слитки могли изготавливать на месте путем переплавки пришедших в негодность бронзовых вещей или же античных бронзовых монет. Это подтверждают многочисленные находки целых или фрагментированных бронзоплавильных тиглей (табл. VII, 14; XI, 25). Всего их найдено здесь 42 экз. Примечательно, что почти все они найдены в жилищах, остальные возле жилищ, в хозяйственных ямах. Около половины этих находок обнаружено в раннезарубинецких комплексах (жилища 4, 6, 8, 19, 22, 23, 24).

Для получения слитков в тиглях

плавили пришедшие в негодность бронзовые предметы. Отливку слитка производили в каменной форме, одна форма обнаружена при раскопках. На переплавку шли античные бронзовые монеты потому, что в зарубинецком обществе они хождения не имели, поскольку зарубинецкая торговля с югом носила обменный характер. Поэтому монеты попадали сюда в небольшом количестве [Карышковский, 1965], случайно и могли использоваться в качестве сырья, так же как и поломанные украшения и предметы личного убора.

Все эти вещи, служившие сырьем для получения слитков, были бронзой различного состава, с меньшим или большим количеством примесей к основному металлу — меди. Поэтому зарубинецкие - готовые изделия оказались не одинаковыми по составу. Кроме медной основы, фибулы из Великих Дмитровичей, Пироговского городища и Юрковицы, относящиеся примерно к одному и тому же времени — концу II — началу I в. до н. э., содержали олова 11,0%, 7,0 и 4,5%, свинца соответственно - 4,3, 3,7, 2%.

После получения болванок их путем проковки превращали в тонкие стержни, которые служили заготовкой для мастера, вырабатывавшего необходимый предмет способом холодной протяжки, проковки и чеканки. Мастера работали в домашних условиях, бронзу плавил на огне домашнего очага, чем и объясняется своеобразная топография находок бронзоплавильных тиглей. Качество работы и сложность продукции свидетельствуют о профессиональном высоком уровне зарубинецких мастеров.

Таким образом, зарубинецкое бронзообрабатывающее ремесло, своими корнями уходящее в предшествующую эпоху, существовало со времени возникновения этой культуры в Среднем Поднепровье. Подъем его следует относить ко времени начала массового изготовления фибул, этой наиболее многочислен-

пой и значительной продукции заруби-
пецких мастеров-ювелиров, то есть к
первой половине II в. до н. э.

Материалы раннезарубинецкого вре-
мени из Пилипенковой Горы, естествен-
но, не являются единственными на
Среднем Поднепровье. Здесь известны
и другие поселения, где обнаружены
подобные находки. К числу таких ран-
незарубинецких памятников относятся:
городище на горе Юрковице в Киеве,
поселение Великие Дмитровичи и Но-
вые Безрадицы к югу от Киева, горо-
дище Монастырек возле Зарубинецкого
могильника, поселение Селище близ Ка-
нева, городище Московка в г. Каневе,
городище у с. Сахновка, поселение у
с. Межеричи и др. Их материалы ни в
чем не уступают тем, которые происхо-
дят с Пилипенковой Горы. Только по-
следних значительно больше и они, кро-
ме того, могут быть увязаны с жилыми
объектами и хозяйственными сооруже-
ниями.

Могильники. Материалы могильников
имеют важное значение для представ-
ления об особенностях зарубинецкой
культуры на Украине. Они дополняют,
а иногда и уточняют данные раскопок
поселений. Однако следует иметь в ви-
ду, что без сопоставления с материала-
ми поселений они могут создать иска-
женную картину, которая не может и
не должна восприниматься как истин-
ное представление о культуре. Поселе-
ния и могильники — это две стороны
одного и того же явления, называемого
археологической культурой. Взятые са-
ми по себе, они не дают положительного
решения общих вопросов археологии
и истории, соединенные в единый ком-
плекс, они, дополняя друг друга, пред-
ставляют важный исторический источ-
ник.

Исследование зарубинецких могиль-
ников на Украине несколько отстает
от изучения поселений. Если последние
изучались в течение 60—70-х годов ши-
рокой площадью (к числу их относятся

и Пилипенкова Гора, Оболонь, Лютеж,
Бабина Гора), то два больших могиль-
ника Среднего Поднепровья, давших
более 100 погребений каждый — Корче-
ватский и Пироговский, оказались рас-
копанными частично. Первый из них,
площадью не менее 10 000 м², почти
наполовину был разрушен при добыче
глины для кирпичного завода, а полу-
ченные и еще недостаточно обработан-
ные материалы погибли во время гит-
леровской оккупации Киева [Самойлов-
ский, 1959]. Пироговский могильник
площадью около 20 000 м² интенсивно
и на высоком методическом уровне рас-
капывался лишь в 1966—1968 гг. [Ку-
бышев, Максимов, 1969; Кубишев,
1976]. Тогда на площади около 6000 м²
было обнаружено 123 погребения. А в
1969—1971 гг. на могильнике эпизоди-
чески раскопано лишь 2000 м², то есть
всего вскрыто менее половины всей
площади могильника, где исследовано
около 170 погребений. Но и материалы
этих погребений не были должным об-
разом освещены.

Таким образом, материалы Корчева-
того и Пирогова мало пригодны для
полной характеристики погребального
обряда. Но определенные сведения, ос-
вещающие различные стороны заруби-
нецкой культуры на Среднем Подне-
провье, эти могильники могут дать.

Ценность их материалов заключается
еще и в том, что они начали функцио-
нировать со времени раннего периода
существования зарубинецкой культуры.
В этом убеждает нас близость форм об-
наруженных в ранних погребениях со-
судов с керамикой, происходящей из
комплексов III — I вв. до н. э., откры-
тых на Пилипенковой Горе.

Зарубинецкие могильники Среднего
Поднепровья в подавляющем большин-
стве (около 90%) размещаются на вы-
соких местах, обычно — это речные или
овражные мысы, ограниченные глубли-
кими оврагами или балками. Эта топо-
графия могильников повторяет место-

расположение поселений, указывая нам на существование у зарубинецкого населения представлений о потусторонней форме бытия. Такие взгляды представляют собой один из ранних этапов духовного развития человечества и отмечены для многих племен и народов. Достаточно вспомнить хотя бы древних греков, соорудивших для живущих украшенные прекрасными зданиями полисы (города), рядом располагались «некрополсы» (города мертвых, то есть могильники) с погребениями, содержащими часто многочисленными обиходные вещи и предметы, которые предназначались для «загробной жизни».

Мы не знаем, как раннезарубинецкое население именовало свои поселки и кладбища, но суть древнегреческих наименований (полис — некрополис) удивительно точно проявляется в зарубинецкой топографии — на одном мысу располагалось поселение — место для живых, на следующем — могильник — место для умерших. Такой порядок размещения зарубинецких могильников не знает исключений, что позволяет считать выбор места для них важной частью погребального ритуала. Не удивительно поэтому, что иногда зарубинецкие поселения и могильник находятся рядом (между поселением Бабина Гора и могильником Дедов Шпиль всего 50 м расстояния), но известны также случаи, когда поселение от могильника отделяют многие сотни метров. Так, от городища у с. Пирогов до Пироговского могильника более 1 км, поскольку соответствующего места для погребений, но расположенного ближе к поселению, в этой местности не имеется. Как известно, зарубинецкие погребения в настоящее время не имеют наземных сооружений, хотя в древности такие сооружения были, поскольку погребения не перекрывают друг друга. Теперь могильники — это ровные площадки, настоящие «поля погребений», как их называл первооткрыватель этой

культуры В. В. Хвойка. Могилы расположены неглубоко — от 0,2 до 1 м от современной поверхности.

Погребения встречаются, судя по опубликованным материалам, на разном расстоянии друг от друга — от 0,5 до 10 м (Пироговский могильник). Однако здесь необходимо уточнение, ибо в первой публикации 1969 г. указаны полярные данные — минимальное и максимальное расстояние, например, между могилами № 5, 11, 12 или 39, 40, 41 (0,5 м) и № 15 и 24 (10 м) или № 45 и 46 (14 м). В действительности могилы расположены отдельными группами, внутри которых расстояния между отдельными погребениями менее контрастны (табл. XII, 1).

Так, в южной части Пироговского могильника заметна группа ранних погребений № 6—10, 20 и 51, расстояния между которыми 1—5 м, а в центральной части на площади около 200 м² так же компактно размещены 15 могил (№ 5, 11, 12, 13, 14, 17-23, 28, 31, 36, 37). Но между этими двумя группами погребений пространство довольно значительное, составляющее 8—10 м. В северной части могильника выделяется группа из семи погребений (№ 38—43, 45) и еще одна группа из пяти погребений (№ 27, 29, 30, 33, 34), расстояния между которыми до 10 м, в то время как внутри этих групп могилы находились значительно ближе — от 0,5 до 4 м. В особую группу можно выделить пять погребений со среднелатенскими фибулами — № 14—16, 19 и 24, расположенных вдоль восточного края мыса.

Большой интерес представляет определение хронологических, типологических и других особенностей каждой из этих групп погребений.

Рассмотрение следует, очевидно, начинать с группы упомянутых фибульных погребений, которые могут быть отнесены к I в. до н. э. Именно на это время указывают найденные здесь фибулы из погребений № 14, 15, 19, 24,

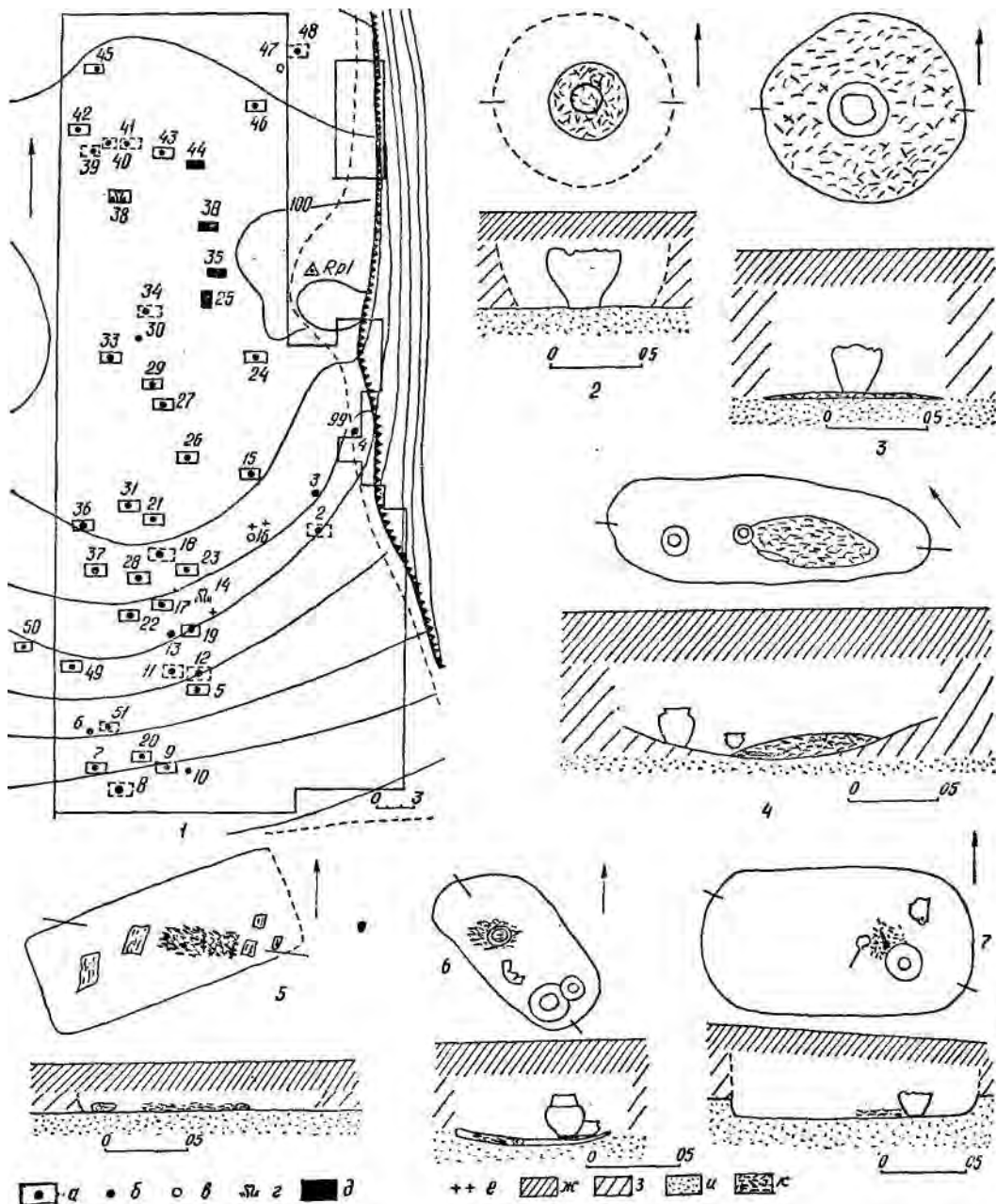

Табл. XII. Погребения и могильники:

1 — Пирогов, раскоп 1966 г.; 2 — Пирогов, погребение 6; 3 — Воронине, погребение 1; 4 — Чаплин, погребение 29; 5 — Пирогов, погребение 26; 6 — Отвержичи, погребение 17; 7 — Дедов Шпиль, погребение 1. Условные обозначения. а — янское трупосожжение; б — урновое трупосожжение; в — керамика; г — кости; д — труположение; е — фибулы; ж — пахотный слой; з — предматериковый слой; и — материк; к — кальцинированные кости

треугольный щиток которых имеет у скрепы ширину около 1 см — половину ширины многовитковой пружины — и оканчивался у начала приемника. По мнению А. К. Амброза, они могут быть датированы концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. [Амброз, 1966, с. 17], а Ю. В. Кухаренко — относит их к концу I в. до н. э. [Кухаренко, 1964, с. 49—51]. Однако последние исследования К. В. Каспаровой удревают эти даты [Каспарова, 1978, с. 84].

По обряду все эти погребения представляли собой типичные зарубинецкие трупосожжения на стороне с захоронением кальцинированных костей, очищенных от остатков погребального костра, в ямах вместе с погребальным инвентарем — керамикой, фибулами и ритуальным куском мяса [Кубышев, Максимов, 1969].

Так, например, выглядело погребение № 15. Темное пятно могильной ямы имело прямоугольную форму и размеры 0,82x1,1 м, ориентированное длинной осью по линии восток — запад. Дно могилы находилось на глубине 0,65 м от современной поверхности. Размеры дна могильной ямы составили 0,60 X 1,50 м. В центральной части ямы, на ее дне, обнаружены две бронзовые фибулы с треугольными щитками, орнаментированными насечками (табл. XIII, 11). У западной ее стены лежал чернолощенный горшок, а восточнее его стояла миска с кольцевой ножкой (табл. XIII, 10). Кальцинированные кости располагались в центральной и восточной частях могильной ямы, занимая площадь 0,45X0,60 м. Под развалом горшка были обнаружены сырые (не обожженные) кости животного — остатки жертвенной пищи.

В центре могилы, на дне, оказалась овальная яма, глубиной 0,12 м, очевидно, от столба, который, возможно, вместе с небольшим земляным холмиком отмечал на поверхности земли эту могилу. В заполнении ямы найдено не-

сколько кусочков древесного угля [Максимов, 1972, рис. 41].

Керамика погребального инвентаря этого погребения однотипна с посудой погребений № 19 и 24 (табл. XIII, 4—9). В погребении № 14 сосудов не было, а в погребении № 16 оказались лишь их мелкие фрагменты, так как оба эти погребения находились в нижней части пахотного слоя на глубине 0,25—0,30 м, поэтому сосуды были разрушены тракторным плугом.

Горшки имели плечо, расположенное примерно на середине высоты, в 1,5 раза превышающее диаметр горла, небольшой отогнутый наружу, но без граней, венчик, довольно объемное тулово. Миски оказались не столь приземистыми, как в ранних жилищах Пилипенковой Горы, диаметр их венчиков составлял 18—20 см, а высота 10—12 см, их соотношение было 1,8—2, в то время как этот показатель для раннезарубинецких мисок составлял в среднем 3,5. Отличительными чертами этих пироговских мисок является также мало граненый венчик и высокое дно.

В погребении № 24 была найдена еще кружка с ручкой. Высота сосуда 10 см, форма тулова повторяет особенности горшка из погребения № 15, ручка более крупная, чем в подобных раннезарубинецких сосудах Пилипенковой Горы, она соединяет край венчика с плечом.

Таковы особенности керамики пироговских погребений, датированных фибулами I в. до н. э.

Из достоверно датированных погребений пироговского могильника известно еще одно, более раннее. Это погребение № 26, где обнаружена большая проволочная фибула среднелатенской схемы с оригинальной спинкой из переплетенной проволоки с двумя — в верхней и нижней частях — восьмеркообразными фигурами (табл. XIII, 1). Появление подобных фибул ранее относили к середине II в. до н. э. [Кухаренко,

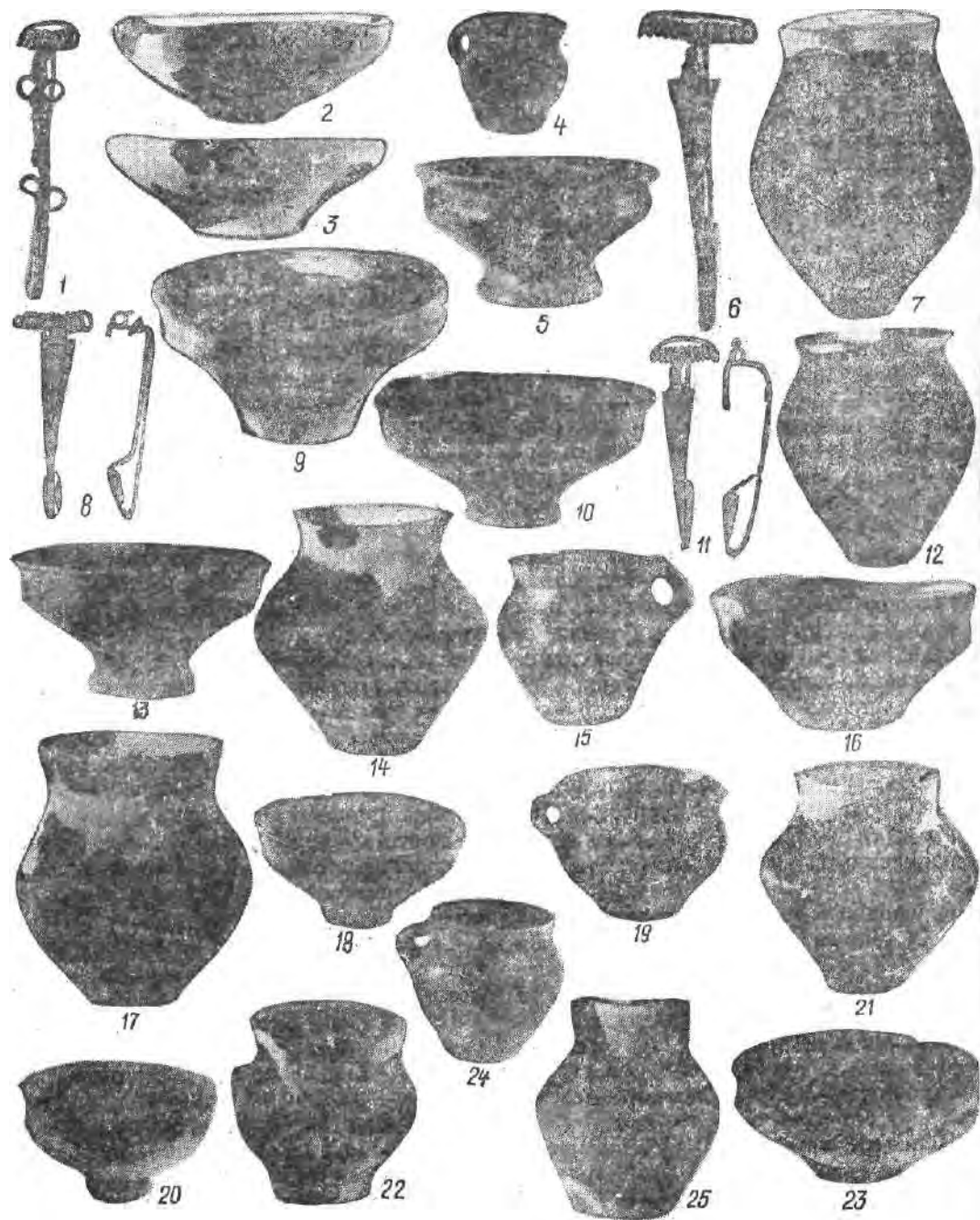

Табл. XIII. Инвентарь догребений Пирогова (1—25).

1964, с. 49—51; Амброз, 1966, с. 14], теперь же — к рубежу III — II вв. до н. э. [Каспарова, 1978, с. 82].

В погребении № 26 находились сосуды — горшок и миска, которые могли бы стать образцами хорошо датированной раннезарубинецкой керамики. К сожалению, могильная яма оказалась неглубокой (0,30 м) и сосуды были разрушены плугом: сохранились лишь часть дна и венчик чернолощеной миски, несколько обломков чернолощеного горшка. Миска, судя по венчику, относится к типу «скифоидных», венчик ее прямой, немного загнутый вовнутрь (табл. XIII, 2).

Погребение № 26 имело еще одну, третью по счету, особенность, выделявшую его вместе с первыми двумя — фибулой и миской — из других погребений обычного зарубинецкого облика. На дне могильной ямы, вдоль ее длинной оси лежали четыре скопления обугленного дерева — остатки горевшего полена, принесенного сюда с погребального костра. Это полено было положено на останки умершего — скопление кальцинированных костей, занимавших площадь 0,2 X 0,5 м, и фибулу, а также жертвенную мясную пищу (табл. XIII, 5).

На могильнике открыто еще одно такое погребение с остатками погребального костра — № 22. Но и здесь сосуд оказался разрушенным при вспашке (глубина могилы 0,32 м).

И погребение № 26 с фибулой рубежа III — II вв. до н. э., и аналогичное ему по особенностям погребального обряда и, очевидно, синхронное погребение № 22 находились в юго-восточной части территории могильника, которую есть все основания считать наиболее ранней. Здесь же располагалось ямное погребение № 7, бесфибульное, как и все другие погребения этого участка могильника, в инвентарь которого входили каменный пестик и лощенная миска с прямым, чуть загнутым во внутрь

венчиком, аналогичная миске из погребения № 26 (табл. XIII, 3).

Таким образом, число ранних погребений увеличивается до трех — это погребения № 26 (с фибулой рубежа III—II вв. до н. э.), № 22 (с остатками погребального костра, как у погребения № 26) и № 7 (с скифоидной миской, как у погребения № 26). Есть основания думать, что и большая часть погребений, территориально примыкавших к этим ранним погребениям № 26, 22 и 7, также относятся ко II — началу I вв. до н. э. Выяснению их датировки может помочь сопоставление найденных здесь сосудов с раннезарубинецкой керамикой Пилипенковой Горы. Возьмем, к примеру, погребения № 28, 23, 13. Первые два из них — обычные для Поднепровья ямные захоронения, а погребение № 13 — урновое, одно из шести погребений этого типа, обнаруженных в 1966 г. среди 46 зарубинецких трупосожжений Пироговской могильника.

В погребении № 28 могильная яма имела размеры 0,65 X 1,40 м, при глубине 0,45 м. У западной стенки ямы находились чернолощенный горшок с отогнутым наружу венчиком, рядом с которым стояла миска с лежащей в ней небольшой кружкой с ручкой (табл. XIII, 17—19). Возле горшка, в направлении к центру могилы лежали две кости домашней свиньи, далее, в 0,65 — 1,0 м от горшка — кальцинированные кости умершего.

Из инвентаря этого погребения особый интерес представляет миска. Ей свойственны почти все отличительные черты, присущие раннезарубинецким мискам среднеднепровского типа, известным по материалам Пилипенковой Горы: хорошо обработанная, лощенная поверхность черного цвета, граненный с внутренней стороны венчик, наличие валикообразного плеча и, что очень важно, очень близкие пропорции, подтверждающие принадлежность этих сосудов к одному типу.

Это свидетельствует о том, что данные сосуды изготовлены в одно и то же время, то есть позволяет отнести погребение № 28 ко II — началу I в. до н. э.

На расстоянии 3,1 м к востоку находилось погребение № 23. Могильная яма здесь имела овальную форму при размерах 0,70X1,70 м и глубине 0,50 м. Сосуды также находились в западном углу: горшок и к северу от него — миска и кружка. Кости домашней свиньи лежали к востоку от горшка, останки умершего — кальцинированные кости, занимающая пространство 0,40 X 0,60 м, располагались восточнее, в 0,70 м от горшка. В центре могилы прослеживалась круглая ямка диаметром и глубиной 0,15 м, вероятно, от столба — наземного отличительного знака.

Чернолощенный горшок высотой 24 см отличался хорошей выделкой и лощением, имел тулово биконических очертаний, довольно высокий (5 см) венчик, среднерасположенное плечо (табл. XIII, 21). По внешнему виду, размерам и пропорциям он очень близок чернолощеному горшку из жилища № 36 Пилипенковой Горы. В этом жилище была обнаружена уникальная для зарубинецкой культуры вещь — фрагмент античной мраморной скульптуры, детали изготовления которой указывают, по мнению специалистов, на позднеэллинистическую школу. Эту дату подтверждает и найденный там амфорный материал. Что касается миски из этого погребения, то детали ее обработки — наличие граней на венчике, высокое качество лощения, а главное — профилировка и пропорции, свойственные раннезарубинецким мискам Пилипенковой Горы, позволяют с уверенностью отнести ее к ранним сосудам этого типа (табл. XIII, 23).

Урновое погребение № 13 находилось в непосредственной близости от погребения № 22. Оно было совершено на небольшой глубине — 0,33 м от поверхности, поэтому удалось зафиксировать

лишь дно могилы. Здесь находился в раздавленном виде большой nelloщенный горшок, в котором были найдены кальцинированные кости. Сосуд был склеен, его размеры, профиль, орнаментация фиксируются отчетливо. Это была крупный и вместительный сосуд высотой, 32 см, диаметром плеча 35 см, с большим отогнутым наружу венчиком, орнаментированным по краю пальцевыми ямками, а по плечу — четырьмя парными пальцевыми вдавленными (табл. XIV, 6). Горшок отличается также высокое качество изготовления, которое вместе с его характерными размерами, профилировкой и орнаментацией позволяет считать этот сосуд прекрасным образцом раннезарубинецкой керамики [Кубышев, Максимов, 1969, рис. 6, 11]. Он относится к раннезарубинецкому времени и близок к типу сосудов, найденных на Пилипенковой Горе, в частности в ранних жилищах № 4, 19, 22. Юго-восточнее погребения № 26, которое датируется рубежом III—II вв. до н. э. на основании фибулы с восьмеркообразной спинкой, были открыты погребения № 21 и 31 — оба ямные трупосожжения обычного для зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья типа.

Так, в погребении № 21 могильная яма оказалась в плане овальной, размером 0,75 X 1,55 м, при глубине 0,60 м. У западной стенки ямы стоял чернолощенный горшок биконической формы, рядом с которым находились миска и кружка с ручкой (табл. XIII, 15—15). Между горшком и миской лежала кость домашней свиньи, другие кости этого животного находились в 0,30 м к востоку от горшка. Небольшая кучка кальцинированных костей была обнаружена в северо-восточном углу могилы.

Чернолощенный, аккуратной работы большой горшок (высота 25 см) однотипен горшкам из погребения № 23 и жилища № 36 Пилипенковой Горы (табл. XIII, 14) и, надо думать, син-

Табл. XIV. Инвентарь погребений Пирогова (1—20),

хронен им. Миска из этого погребения имеет граненый венчик, валикообразное плечо, хорошее лощение (табл. XIII, 13). Однако дно ее не плоское, как обычно, а в виде небольшой конической ножки. Но даже это не очень изменяет пропорции сосуда, которые близки пропорциям раннезарубинецких среднеднепровских мисок.

Что касается кружки с ручкой, то ее размеры, обработка, пропорции, форма ручки совпадают с этим типом сосудов, известных из раннезарубинецких комплексов Пилипенковой Горы. Видимо, в отличие от мисок и горшков, кружки изменяли свои формы медленнее, являясь более консервативным типом керамики. Во всяком случае кружки с подобными характеристиками известны и в I в. до н. э., в том числе и на Пироговском могильнике. В качестве примера можно привести кружку из погребения № 24. Эта кружка — полная аналогия описанной выше кружке из погребения № 21, отличается она лишь меньшими размерами (табл. XIII, 4). Но погребение № 24 хорошо датируется I в. до н. э., ибо здесь найдена фибула с треугольным щитком раннего варианта. А погребение № 21, возможно, относится к более раннему времени, о чем свидетельствует найденная здесь миска и, в еще большей степени, горшок раннезарубинецкого типа.

Нам остается рассмотреть группу ранних погребений, открытых на южной оконечности могильника, вернее в юго-восточном углу, если учитывать всю площадь этого памятника, расположенных близ датированного рубежом III—II вв. до н. э. погребения № 7. Речь идет о могилах № 8, 6 и 20, а также 9 и 10 (табл. XIV, 10, 15).

Погребение № 8 — ямное. Дно могильной ямы находилось на глубине 0,86 м от современной поверхности. Очертания могильной ямы проследить не удалось. Погребальный инвентарь

состоял из трех сосудов — горшка, миски и кружки. Наиболее западное положение занимал большой горшок. Восточнее его располагалась миска, рядом с ней лежала кружка. Кость домашней свиньи находилась между горшком и миской. Большой (высота 35 см) великолепно лощеный горшок был украшен по плечу четырьмя луновидными напелами («подковками»), само плечо располагалось чуть выше середины высоты [Кубышев, Максимов, 1969, рис. 2, б]. Профилировка этого горшка совпадает с раннезарубинецкими чернолощенными горшками Пилипенковой Горы (табл. VII, 3). Миска из этого погребения еще относится к раннезарубинецкому времени, ибо она обладает всеми отличительными признаками ранних сосудов — у нее граненый венчик, округлое плечо, хорошее качество работы. Несмотря на наличие небольшой кольцевидной ножки (подобная имеется у миски из погребения № 21), пропорции этого сосуда существенно не отличаются от пропорций раннезарубинецких мисок (табл. XIII, 20).

Погребение № 20 совершено в могильной яме овальной формы размером 0,45X0,75 м (по-видимому, это было детское погребение), глубиной 0,65 м. В центре могилы находилась кружка, на запад от нее лежал небольшой (высота 13 см) горшок с поврежденным венчиком, у южной стенки ямы — кость домашней свиньи (табл. XIII, 24). Останки погребенного — кальцинированные кости — располагались в двух скоплениях — возле кружки и в 0,20 м к востоку от нее. В заполнении встречены кусочки охры.

Найденная здесь кружка не отличалась от других экземпляров этого типа сосудов. Горшочек же по профилировке и пропорциям отлично вписывается в группу горшков, входивших в инвентарь погребений № 8, 21, 23 и раннезарубинецкого жилища № 36 Пилипенковой Горы (табл. XIII, 25). На этом

основании данное погребение мы отнесли к раннезарубинецким.

Наконец, обратимся к погребению № 6, которое отличается от описанных выше по обряду и инвентарю. Это было урновое захоронение, совершенное в могиле, дно которой располагалось в лесу, на глубине 0,60 м от современной поверхности (контуры ее не были установлены) (табл. XII, 2). В качестве урны был использован очень большой горшок (высота 40 см), отличавшийся прекрасным лощением и четкими формами, свидетельствующими о его изготовлении при помощи ручного круга (или другого поворотного устройства). Под венчиком, вокруг горла было нанесено до обжига пролощенными линиями 14 фигур, длиной 5 см каждая, имеющих в большинстве своем индивидуальные очертания орнаментального или смыслового характера (табл. III, 6). Этот объемный (до 20 литров) сосуд наполнен останками умершего — кальцинированными костями, среди которых находился сильно корродированный железный нож. Пропорции урны целиком совпадают с данными, характеризующими раннезарубинецкий чернолощенный горшок из жилища № 19 Пилипенковой Горы (табл. VII, 3). Он, таким образом, занимает свое место среди других раннезарубинецких сосудов рассматриваемых комплексов. Поэтому и датировка этого погребения ранним периодом зарубинецкой культуры не вызывает сомнений. Более того, принимая во внимание исключительно высокие технологические качества этого сосуда (а наблюдения показывают, что чем выше качество зарубинецкой посуды, тем к более древнему периоду зарубинецкой истории она относится), наличие на нем необычных знаков, может быть, смыслового характера, наконец, топографические особенности — нахождение на самом краю юго-восточной, несомненно, древнейшей части территории могильника — можно с боль-

шой долей достоверности отнести погребение № 6 к числу самых ранних на могильнике.

Приведенные материалы позволяют, таким образом, выделить из числа погребений Пироговского могильника две группы ранних захоронений. Одна группа — это могилы № 26, 22 и 7, которые датируются фибулой рубежа III—II вв. до н. э. (погребение № 26) и сходным с этим погребением обрядом (погребение № 22) или керамикой (погребение № 7).

Другая группа более многочисленна. Это погребения № 21, 31, затем № 28, 23 и 13, а также 8, 6, 20 и 9, 10. Их ранняя дата предполагается а priori, поскольку они территориально примыкают к трем вышеназванным погребениям, хронология которых утверждается фибулой рубежа III—II вв. до н. э. Но это априорное предположение могло остаться не подтвержденным, если бы не представившаяся возможность использовать керамические материалы из ранних комплексов Пилипенковой Горы, датированных на основании найденных в них античных амфор концом III — II вв. до н. э.

Сравнение этой керамики из Пилипенковой Горы с сосудами из бесфибульных погребений Пироговского могильника, которые по топографическим и другим условиям могли оказаться ранними, подтвердило правильность этой версии.

Выделение данной многочисленной группы погребений раннего периода зарубинецкой культуры позволяет с большей уверенностью оперировать керамическим материалом при датировке как поселений — здесь типологические возможности зарубинецкой керамики могут дополняться и корректироваться обычно встречаемыми на поселениях фрагментами ранних амфор, — так, главным образом, и погребений. Датировка последних с помощью фибул может быть успешной лишь для относи-

тельно поздних погребальных комплексов, начиная со II в. до н. э., то есть времени, когда фибулы становятся обычным предметом в обиходе населения зарубинецкой культуры, так как находки в могилах более ранних фибул (погребение № 26) — явление единичное.

Теперь, с выделением ранних типов зарубинецкой керамики, можно ставить (и решать) такие вопросы, как горизонтальная стратиграфия территории зарубинецких могильников, хронологическое определение зарубинецких ранних и более поздних погребений с уточнением их количественного состава, особенностей обряда и других признаков, определяющих лицо этой культуры в разные периоды ее существования.

Наконец, становится сопоставимой хронология ранних зарубинецких поселений и могильников и выясняются важнейшие признаки раннего периода развития зарубинецкой культуры, относящиеся ко времени, когда массового изготовления фибул еще не было. Вместе с тем необходимо отметить, что выделенные раннезарубинецкие типы керамики, по-видимому, не дочерывали всего ассортимента посуды этого времени. С другой стороны, их бытование не могло быть строго ограничено только рамками раннезарубинецкого периода, который как явление историческое характеризовался не только, вернее не столько, определенными типами посуды, а более весомыми и значительными категориями производства, хозяйства и общественной жизни. Поэтому наличие некоторого количества раннезарубинецких форм посуды в последующее время, в частности в комплексах I в. н. э., — явление вполне естественное, если принять во внимание значение и силу традиций в условиях общинно-племенной среды, а также малую динамичность самого гончарного ремесла того времени, имевшего до-машний характер при наличии ограни-

ченных натуральных, а не рыночных потребностей.

Однако фактическое существование раннезарубинецких типов мисок, кружек и горшков не подлежит сомнению. Только эта керамика бытовала на ранних жилых, хозяйственных и погребальных объектах зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье. И если иногда ее находят в комплексах I в. н. э., то формы посуды более позднего времени, в том числе I в. н. э., в закрытых комплексах раннего периода не встречаются никогда.

Это отчетливо заметно при рассмотрении памятников конца I в. до н. э. — I в. н. э.

Заканчивая обзор ранних погребений Пироговского могильника, отметим, что они территориально тяготеют к южному и восточному участкам его территории, спорадически встречаясь в центральной части могильника и в северной его половине, например, погребениях № 42 и 45 (табл. XIV, 16, 17). Это же можно отметить и в более поздних погребениях, которые, занимая, в основном, северные участки территории могильника (погребение № 39) и примыкающую к ним центральную часть (погребения № 27, 29), спорадически встречаются также в южной половине этого памятника (табл. XIV, 1—4, 13).

Так, к числу таких захоронений, которые не могут быть датированы раннезарубинецким временем, но расположены среди раннезарубинецких могил, относятся погребения № 49, 50. Они датируются концом I в. до н. э. — I в. н. э. Об этом свидетельствует остроруберный профиль миски и кружки с ручкой (погребение № 49) и пропорции миски (№ 50), отличающейся от раннезарубинецкой (табл. XIII, 14; XIV, 7, 8). Вместе с тем погребения № 49 и 50 расположены к югу от могилы № 22 и группы примыкающих к ней ранних погребений. Концом I в. до н. э. датируется также погребение № 19, располо-

женное к востоку от ранних погребений № 13 и 22 и группы других, примыкающих к ним синхронных могил. Время погребения № 19 не вызывает особых сомнений, это погребение зарубинецкого типа с фибулой третьего варианта (табл. XIII, 8). Впрочем, и керамика, найденная в этой могиле, вытянутых пропорций горшок и высокая миска отличаются своими параметрами от раннезарубинецких сосудов (табл. XIII, 7, 9).

Объяснить отмеченную особенность в расположении погребений не просто. Вероятно, для раннезарубинецкого времени соблюдение ритуальных правил было обязательным, поскольку являлось одним из законов родо-племенного строя. В более позднее время эта система нарушается, что нашло свое отражение и в археологическом материале, в частности в топографии размещения погребений, отнюдь не строгой, как было раньше.

Глава III

ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОЕ ВРЕМЯ

Поздние скифы и ранние славяне. До недавнего времени сама постановка вопроса о контактах степнощ и лесостепного поднепровского населения в зарубинецкое время была невозможна из-за отсутствия археологических данных. Но по мере исследования степных памятников позднескифского периода начали появляться кое-какие освещающие этот вопрос материалы. Первым обратил на них внимание Б. Н. Граков, который при раскопках Каменского городища на Нижнем Днепре отметил наличие здесь фрагментов чернолощеной керамики, совершенно не похожей на местную позднескифскую, зато имеющую аналогии на Среднем Поднепровье, в памятниках зарубинецкой культуры [Граков, 1954, с. 99].

Материалы такого же облика привлекли внимание М. И. Вязьмитиной, исследовавшей нижнеднепровское городище позднескифского времени Золотая Балка. Однако М. И. Вязьмитина, в отличие от Б. Н. Гракова, посчитала эту керамику близкой не к зарубинецкой, а к гето-дакийской культуре [Вязьмитина, 1962, с. 232]. Она считала, что на территорию Нижнего Днепра подобную посуду принесли с Дуная военные отряды гетов, которые в середине I в. до н. э. предприняли широкую военную акцию, захватив и разрушив при этом многие эллинические города Северного Причерноморья, в том числе и Ольвию.

Ошибка М. И. Вязьмитиной заключалась в том, что лепная чернолощеноя посуда чуждого Нижнему Поднепровью облика появляется здесь задолго до экспансии гетов, в закрытых комплексах II и даже III в. до н. э., что хорошо прослеживается и по материалам раскопок самой исследовательницы.

К началу 60-х годов нами были собраны данные о наличии многочисленных находок античных материалов, главным образом амфорных, на зарубинецких поселениях Среднего Поднепро-

вья [Максимов, 1963]. Тогда же было высказано мнение, что эти находки указывают на существование тесных экономических и, возможно, каких-то этнических связей между лесостепной и степной областями Поднепровья, выражением которых в равной степени являются также зарубинецкие материалы, обнаруженные Б. Н. Граковым, Л. Д. Дмитриевым, М. И. Вязьмитиной, Н. Н. Погребовой, В. П. Петровым, Э. А. Сымоновичем и другими в комплексах нижнеднепровских городищ и могильников позднекиевского времени III в. до н. э.—II в. н. э. [Граков, 1954, с. 99; Вязьмитіна, 1962, с. 232; Погребова, 1958, с. 103 и ел.; Петров, 1955, с. 47; Дмитров и др., 1961, с. 88; Сымонович, 1978, с. 94—99].

В последующие годы количество находок античных материалов этого времени на Среднем Поднепровье, и соответственно зарубинецких на Нижнем Днепре возросло, что убедило нас в правильности высказанного ранее предположения [Максимов, 1972, с. 91—97].

Эти контакты между населением приднепровской Лесостепи и степной зоны возникли, естественно, не сразу, своими корнями они уходят в дозарубинецкое время, к местным среднеднепровским племенам VI—III вв. до н. э., которые принимали участие в оживленной торговле с античным миром Северного Причерноморья [Онайко, 1970, с. 69].

В зарубинецкое время торговые связи поднепровского лесостепного населения с Югом были более скромными, но их значение не следует приуменьшать, поскольку жителям Среднего Поднепровья они открывали новый мир, знакомили с необычной и более высокой по своему уровню культурой, где античные традиции играли главную роль. Это были контакты представителей двух обществ, различных по уровню и тенденциям своего развития. Следы этого

общения отразились в некоторых чертах зарубинецкой культуры.

Античное влияние можно проследить в оформлении некоторых зарубинецких сосудов Среднего Поднепровья, например, таких, как большая чернолощенная ваза из Суботовского могильника, тулово которой было украшено вертикальными канеллюрами, широко распространенными в чернолаковых кратерах и канфарах последних веков до нашей эры, или в лепной амфоре из Корчеватского могильника, повторяющей форму и пропорции фасосских амфор (табл. III, 17, 18). Еще более заметно античное влияние проявляется в массовой зарубинецкой чернолощенной керамике, в среднеднепровских мисках с прямым, отогнутым наружу венчиком, 'валикообразно выпуклым плечом и коническим туловом. Их прототипом были эллинистические килики, широко распространенные во всем античном мире, в том числе и в городах Северного Причерноморья, расположенных в зоне контакта с областью зарубинецкой культуры (табл. X, 1—3).

О влиянии форм античной керамики на зарубинецкую свидетельствует факт появления на Среднем Поднепровье, а потом и в Верхнем Подесенье, нового типа столовой посуды — мисок с вертикальным высоким венчиком. В античном мире, в том числе в Северном Причерноморье, краснолаковые миски такой формы появились в самом конце I в. до н. э., а на зарубинецкой территории — в начале I в. н. э., причем до этого времени таких мисок здесь не было (табл. X, 4, 5).

Начало торговых отношений зарубинецкой Поднепровья с Югом относится к древнейшему периоду существования зарубинецкой культуры, который приходится на последнюю треть III в. до н. э.—именно этим временем датируются фрагменты косских амфор с двухствольными ручками и клеймами, най-

денными при раскопках Пилипенковой Горы [Максимов, 1971, с. 56].

Эти амфорные материалы III, а также II—I вв. до н. э. являются наиболее многочисленными импортами, встретившимися на зарубинецких поселениях. Меньшую по размерам группу составляют обломки амфор рубежа — начала I в. н. э. [Максимов, 1972, с. 95]. Объему торговли между областями Нижнего и Среднего Поднепровья не способствовали осложнения, вызванные военным давлением гетов и сарматских племен на Ольвию и тесно связанные с ней поселения Нижнего Поднепровья, которые в этой торговле были непререкаемыми посредниками. Именно отсюда, с пристаней Любимовки и Золотой Балки, Гавриловки и Знаменки отправлялись вверх по Днепру, к зарубинецким поселениям Тясмина, Поросья, собственно Поднепровья вплоть до Киева амфоры с вином, а также столовая посуда, изделия из стекла и бронзы. Материалы, полученные во время раскопок нижнеднепровских городищ, указывают, что из этого района ольвийской периферии начинался в позднескифское время античный торговый путь на север. Сюда же попадали товары с зарубинецкой территории.

Эти тесные и длительные экономические связи между Нижним и Средним Поднепровьем способствовали этнической инфильтрации. Только таким образом можно объяснить частые находки зарубинецкой чернолощеной посуды, отмечаемые для нижнеднепровских поселений и могильников, а также Ольвии, но совершенно неизвестной в других античных центрах Северного Причерноморья. Какая-то часть зарубинецкого населения Среднего Поднепровья переселилась на Нижний Днепр и постоянно здесь проживала. Это они изготовляли лепную чернолощеную посуду, придавая ей те традиционные формы, какие она имела на берегах среднего течения Днепра. Та-

кая версия представляется более реалистической, чем предположение, что чернолощенные горшки и миски привозились в Нижнее Поднепровье. Еще меньше оснований полагать, что эту посуду изготовляли коренные жители нижнеднепровских городищ — скифы или эллины, керамика которых отличается совершенно другими технологическими и типологическими особенностями.

Нахождение среди жителей нижнеднепровских поселений зарубинецкого контингента подтверждают материалы местных поселений, о чем упоминалось выше, и могильников, таких как Золотобалковский и Козацкий (Николаевский), (табл. XV, 10—21).

На могильнике Золотая Балка большая часть могил имела катакомбную конструкцию, характерную для местного позднескифского населения. В катакомбах-склепах находились семейные захоронения, сопровождавшиеся предметами личного пользования, украшениями, иногда — оружием. Среди вещей погребального инвентаря преобладала столовая посуда античного (ольвийского) производства, а также местная, лепная. В состав лепной керамики входили и мисочки зарубинецкого типа (в могилах № 29, 52, 79, 83) и зарубинецкие кружки с ручкой (могилы № 64, 83) (табл. XV, 1—9) [Вязьмитина, 1972, рис. 6, 1).

Отличительной особенностью зарубинецкой керамики из Золотобалковского могильника являются небольшие размеры и несовершенство изготовления. Однако такие же черты присущи некоторым сосудам из могильников Среднего Поднепровья. Это можно объяснить тем, что такие сосуды изготовлялись для погребального ритуала в спешном порядке. В могильниках Среднего Поднепровья их немного, основное количество ритуальной керамики составляют обычные, употреблявшиеся в быту, тщательно изготовленные сосуды. Другая картина наблюдается на Ниж-

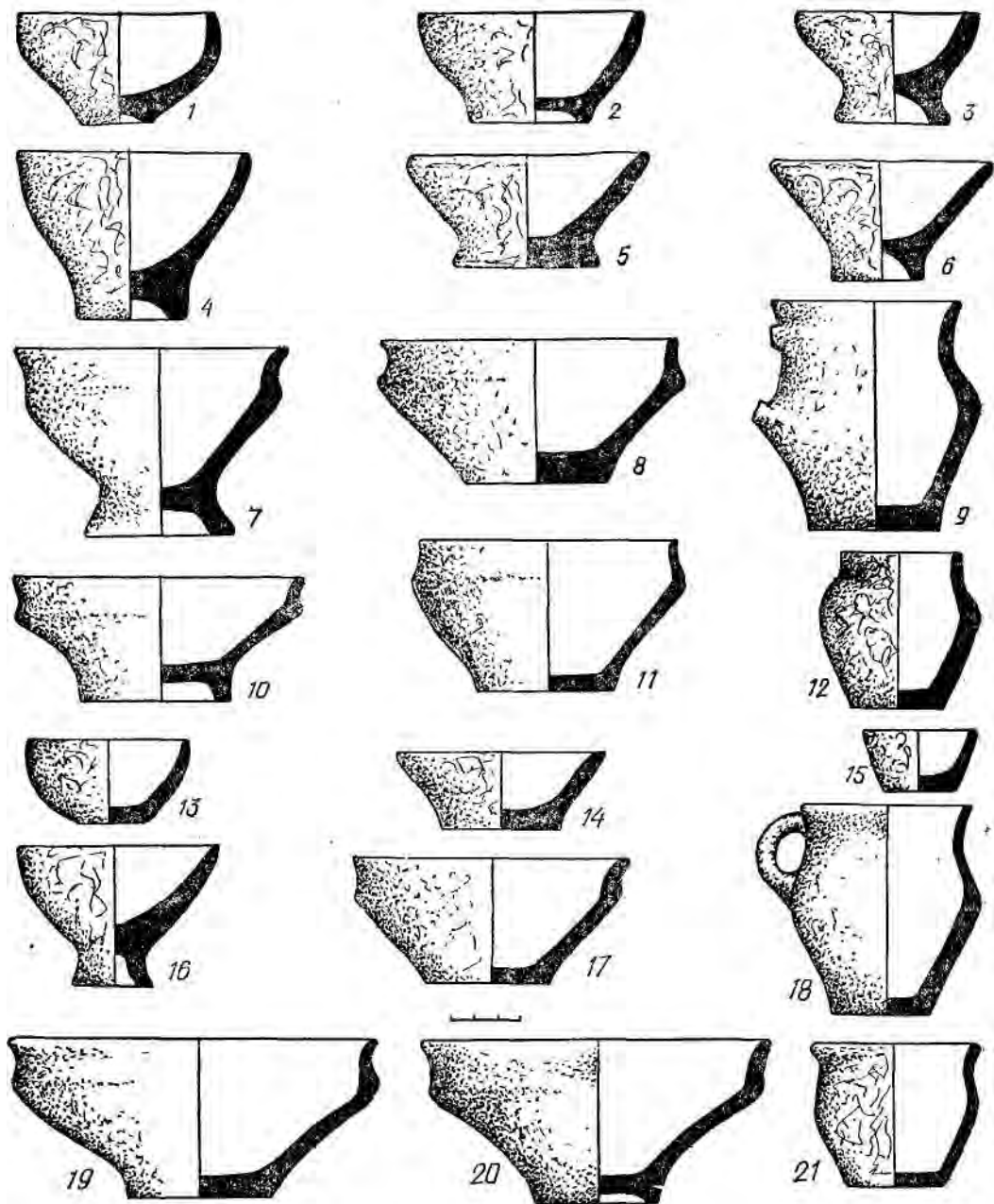

Табл. XV. Керамика зарубинецкого типа могильников Золотая Балка (1—9) и Николаевка (10—21).

лем Поднепровье, где в могилы ставили только маленькие, изготовленные наспех сосуды, но повторяющие формы больших сосудов столового назначения. Обычные же по размерам, тщательно выработанные миски здесь встречаются лишь на поселениях, но в небольшом количестве [Вязьмитина, 1962, рис. 65].

Зарубинецкая керамика из погребений Золотобалковского могильника вошла в состав инвентаря исключительно женских или же детских погребений.

Это обстоятельство вряд ли является случайным. Его следует рассматривать как важную особенность, освещающую социальную структуру местного общества, в котором носителями зарубинецкого культурного элемента выступают женщины, а также их дети от смешанных браков. Зарубинецкие женщины, находившиеся вдали от своей родины, не были многочисленны, на что указывает небольшое количество их погребений на Золотобалковском могильнике, а также редкие находки обломков чернolocенной зарубинецкой керамики среди материалов нижнеднепровских городищ. В чуждой этнической среде они не могли сохранять все обычаи своего племени, в том числе — погребальный обряд. Их хоронили по местным канонам, не выделяя от других членов семьи, в семейных склепах-катакомбах, по обряду труположения, с устоявшейся ориентацией и набором погребального инвентаря, но в могилу помещали зарубинецкую миску или кружку, которая символизировала далекую северную родину умершей.

Об этническом типе этих людей, погребенных с зарубинецким инвентарем на территории Нижнего Поднепровья, свидетельствуют их антропологические характеристики. Этих данных по материалам Золотобалковского могильника пока немного [Вязьмитина, 1972], но они целиком совпадают с важными в этом плане выводами, полученными

Т. С. Кондукторовой при изучении большой серии материала (112 погребенных) из Николаевского могильника. Здесь, как оказалось, были похоронены женщины средневропейского расового типа, имевшие мезокранный череп и средневыступающее лицо, что не совпадает с соответствующими промерами эллинского, позднескифского и сарматского этнических типов.

Поскольку наука не имеет (и, по-видимому, никогда не будет иметь) представления об антропологических особенностях носителей зарубинецкой культуры в связи с распространением у них обряда кремации умерших, нижнеднепровские сведения представляют большой научный интерес.

Критическим периодом в отношении зарубинецкого Среднего Поднепровья с позднескифским населением стали годы сарматской экспансии в Поднепровье, в ходе которой часть нижнеднепровских городищ была разрушена, а другие оказались под угрозой уничтожения. В это тревожное время Среднее Поднепровье стало пристанищем для части нижнеднепровского населения, которое обосновалось здесь в ближайшем к степи южном районе зарубинецкой территории, на поселениях типа Бабиной Горы. Такое расселение могло осуществиться только при наличии традиционных добрососедских отношений.

Данные о существовании таких зарубинецко-позднескифских связей впервые для науки были получены при раскопках могильника Дедов Шпиль. Из общего числа (44) погребений позднего периода зарубинецкой культуры здесь выделяются 20 погребений, ближайшие аналоги которым по особенностям погребального обряда и характеру сопровождающего вещевого инвентаря находят в некоторых материалах позднескифских могильников Нижнего Поднепровья, таких как Золотобалковский и Николаевский (табл. XV, 1—6, 12—16, 21). Время труположений Дедова

Шпиля — I в. н. э., па что указывает погребальный инвентарь, аналогичный предметам Золотобалковского и Николаевского могильников, найденным с фибулами позднелатенского типа и дисковидными зеркалами (Золотая Балка, могила 14, Николаевка, погребение 169). Конечно, на основании этих предметов нельзя дать более дробную датировку в пределах I в. п. э., но тот факт, что труположения Дедова Шпиля (подобно аналогичным погребениям Золотой Балки и Николаевки) не могут быть отнесены к I в. до н. э. или II в. н. э., — не вызывает сомнений.

Следовательно, мы можем утверждать, что в I в. н. э. на Каневщине, в южной части Среднеднепровской области зарубинецкой культуры появилось пришлое с Нижнего Поднепровья население, которое по происхождению было иным, чем зарубинецкие аборигены, имело свои традиции, отраженные в погребальном обряде, и, вероятно, свой язык. Это подтверждают материалы, выявленные в жилых и хозяйственных объектах городища Бабина Гора, аналогичные материалам могильника Дедов Шпиль. Возможно, с течением времени эти две группы населения Бабиной Горы и ассимилировались бы, образовав новую общность с единой духовной и материальной культурой. Однако история не дала им такой возможности, потому что вскоре, в конце того же I в. н. э., поселения (и могильники) зарубинецкой культуры на Среднем Днепре прекратили свое существование. Причиной этому явились сарматы.

Сарматы в Лесостепи. Зарубинецко-сарматские отношения являются важной темой для исследования, без разработки которой невозможно объективно оценить историческую ситуацию, сложившуюся в Восточной Европе к I в. н. э. Однако этот вопрос еще не решен, в научной литературе имеются лишь априорные и поэтому достаточно разнородные мнения о роли сарматов

в жизни и исторических судьбах поднепровского лесостепного населения.

Еще в 50-х годах Ю. В. Кухаренко, например, считал, что сарматы находились в дружественных отношениях с носителями зарубинецкой культуры и в конце концов были ими ассимилированы [Кухаренко, 1954, с. 120]. Подобным образом рассматривала этот вопрос и М. П. Абрамова, изучавшая в 60-е годы сарматские памятники Украины и более восточных территорий [Абрамова, 1961]. М. Б. Шукин, отметив агрессивный характер сарматского продвижения, высказал предположение о несовпадении во времени минимум на полстолетия памятников зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья и сарматских могильников Тясмина и Роси, что исключало возможность всякого рода контактов — мирных и военных — между ними [Шукин, 1972, с. 52].

Для освещения истинного характера сарматско-зарубинецких поселений обратимся к материалам, полученным при раскопках. Они свидетельствуют, что между сарматами и зарубинецким населением Среднего Поднепровья были несистематические экономические контакты, причем не прямые, а при посредничестве жившего между ними населения Нижнего Поднепровья. По времени эти контакты охватывают период от рубежа нашей эры или начала I в. н. э. до середины или же конца I в. н. э.

Перечислим сарматские материалы, встреченные на памятниках зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья.

В погребениях Суботовского могильника на р. Тясмин, протекающей на границе со степью, найдены: бронзовый колокольчик, реберчатые бусы из голубой пасты, амулет из голубой пасты, изображающий скарабея, бусы из горного хрусталя, сероглиняный лепной узкогорлый кувшин с ручкой (табл. X, 12), горшок с шаровидным туловом [Максимов, 1960]. Предметы аналогичных ти-

пов известны в сарматских погребениях рубежа нашей эры и I в. н. э., открытых на могильнике у р. Молочной, который находился в степном Приазовье в районе зимников на побережье Азовского моря, причем колокольчик, кувшины и горшок — это вещи сарматского производства [Вязьмитіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, 1960].

На городище Бабина Гора в засыпи рва найдена шаровидной формы чернолощенная ваза с зооморфной ручкой, изображающей медведя (табл. X, 11) [Максимов, 1978, рис. 4, 4]. Таких ручек нет в зарубинецкой керамике. Керамика с зооморфными ручками характерна для сарматов, поэтому сосуд можно отнести к предметам сарматского изготовления [Абрамова, 1969, с. 70].

Возле с. Таценки на р. Стугне, в 40 км к югу от Киева, на поселении вместе с предметами зарубинецкой культуры I в. до н. э.— I в. н. э.— керамикой, фибулами, обломками амфор — найдено небольшое бронзовое кольцо с шишечками-отростками по обводу, очевидно, принадлежность сбруи (табл. X, 7) [Максимов, 1969, рис. 5, 19]; подобные кольца встречались в сарматских погребениях Молочанского могильника [Вязьмитіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, 1960, рис. 69, 13].

В пределах Киева сарматские вещи происходят из Пироговского могильника и поселения Оболюнь. На южной окраине Киева в нескольких зарубинецких погребениях Пирогова были найдены сарматского облика глиняная курильница, кувшин с зооморфными ручками, украшение рукоятки нагайки, пряжка. Курильница (погребение 73) имела вид небольшого горшка с отогнутым наружу венчиком, расчлененным ямками [Кубишев, 1976, рис. 3, 13]. На шейке сосуда имеется 20 сквозных небольших дырочек, размещенных вдоль пяти ребристых вертикальных ручек. Сохранились лишь две ручки с противоположных сторон курильницы, ос-

тальные три были специально отбиты и в таком виде, напоминающем традиционную кружку с ручками, курильница была положена в могилу (табл. X, 10). Среди зарубинецких сосудов курильницы не встречаются, у сарматов же они были обычным ритуальным предметом [Вязьмитіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, 1960, рис. 69]. Они известны и в форме горшочков, например, на городище Золотая Валка найдены различные сарматские материалы I в. до н. э.— I в. н. э. [Вязьмитіна, 1962, с. 79]. Такие горшковидные курильницы обнаружены также в мавзолее Неаполя скифского [Шульц, 1953, т. XXI] и на Среднем Поднестровье — в одном из погребений сарматского могильника возле с. Киселов [Винокур и Вакуленко, 1967, с. 126-132].

Зооморфные ручки кувшина сильно стилизованы, однако наличие двух конусообразных выступов в верхней их части свидетельствует о том, что здесь подразумевался баран или бык. Кувшины с подобными ручками обычны для сарматской зооморфной керамики [Абрамова, 1969, с. 70]. Обломок такой же ручки (табл. X, 8) найден и на позднесарбинецком поселении Оболюнь [Шовкопляс, 1972, с. 207, рис. 1, 5].

Бронзовая пластинка от нагайки найдена в погребении № 128, которое датируется концом I в. до н. э. на основании гладкой проволочной фибулы с вогнутой ножкой северопричерноморского типа [Амброз, 1966, с. 20]. Пластинка имела вид тонкой, завитой в спираль ленты шириной 1 см, украшенной по краям точечным орнаментом. Эта металлическая лента когда-то обвивала деревянную рукоятку нагайки — непременного предмета снаряжения древнего конного воина, хорошо известную у скифов и сарматов [Археологія Української РСР, т. 2. К., 1971, с. 135]. Такая же по длине, ширине, внешнему виду и орнаменту лента, не бронзовая, а золотая обнаружена в царском кургане Тол-

стая Могила, относящаяся к поздне-скифскому времени [Мозолевский, 1972, с. 281].

Железное кольцо (погребение № 128), деформированное в огне при кремации, являлось основой округлой поясной пряжки, неизвестной среди зарубинецких древностей, зато широко распространенной у сарматов [Вязьмитина, Іллінська, Покровська, Тереножкін, рис. 26, 5].

Таковы немногочисленные находки предметов сарматского облика из поселений и погребений зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья. Уже сам их перечень указывает на крайне ограниченный и случайный характер зарубинецко-сарматских связей на рубеже нашей эры и в I в. н. э. Это обстоятельство подтверждается также единичностью предметов зарубинецкой культуры, найденных в сарматских могильниках в степной зоне Поднепровья. В качестве примера может служить сарматское подкурганное труположение в низовьях Днепра, возле Каховки, в котором, среди обычного сарматского погребального инвентаря, встретилась зарубинецкая чернолощенная миска с граненым венчиком, который указывает, что ее поздняя дата не выходит далеко за пределы рубежа нашей эры [Симоненко, 1977, с. 226].

Приведенные выше материалы свидетельствуют об опосредованном характере зарубинецко-сарматских контактов, происходивших, вероятно, при участии населения нижнеднепровских городищ, которые являлись мостом между населением Нижнего Поднепровья и зарубинецкой области на Среднем Днестре.

Между нижнеднепровскими городищами и сарматами существовали достаточно тесные связи, особенно с конца I в. до н. э., когда сарматы появились непосредственно у стен этих городищ. Не случайно, что к концу I в. до н. э.— началу I в. н. э. в обиходе нижнедне-

провского населения появляются многочисленные вещи характерного сарматского облика — мечи, наконечники копий и стрел, пряжки, фибулы, серьги, сосуды [Вязьмитина, 1962, с. 121, рис. 61].

Отсюда, с нижнеднепровских городищ могли попасть на Север, в область среднеднепровской зарубинецкой культуры, вместе с потоком античного импорта и те немногие предметы сарматского типа, которые были найдены при раскопках на Среднем Поднепровье.

Однако кроме крайне слабых торговых и культурных контактов между сарматами и населением Среднего Поднепровья фиксируются отношения совершенно иного плана. Речь идет о военной экспансии сарматов, следы которой в виде остатков сожженных зарубинецких укреплений и находок на них сарматских наконечников стрел обнаружены на многих исследованных зарубинецких городищах Среднего Поднепровья — от самых южных в Поросье, до северных, известных в районе Киева (табл. X, 9). В сарматской принадлежности найденных наконечников стрел — железных, небольших по длине, трехлопастных и черешковых — не может быть никакого сомнения [Абрамова, 1961], однако время функционирования этого оружия нуждается в уточнении.

Известно, что у сарматов подобные стрелы находились на вооружении около 200 лет — с I в. до н. э. по I в. н. э. На среднеднепровских зарубинецких поселениях они могли оказаться самое раннее лишь с середины I в. до н. э., поскольку оборонительные сооружения появились здесь в связи с гетской военной экспансией в Северо-Западное и Северное Причерноморье, в ходе которой геты разрушили также и нижнеднепровские поселения [Вязьмитина, 1962, с. 10], тесно связанные с зарубинецким среднеднепровским миром.

Более конкретно время гибели ранних зарубинецких городищ может быть

установлено на основании материалов, полученных при исследовании валов, которые были построены на месте разрушенных сарматами. Как показали раскопки Филипенковой Горы, новые эскарпы возводились в самом конце I в. до н. э.— в начале I в. н. э., следовательно, сарматское нашествие, приведшее к гибели зарубинецкие городища днепровского Правобережья от Роси до Ирпеня, произошло, вероятно, незадолго до этой даты.

О том, что это была крупная военная акция, в ходе которой укрепления поднепровских городищ были сожжены, свидетельствуют данные раскопок Филипенковой Горы, Монастырька, Бабиной Горы и Ходосовки — городищ, расположенных в различных частях Среднего Поднепровья, но удивительно однообразных по картине военного разгрома. Ярче всего она фиксируется на Ходосовке. Наконечники сарматских стрел найдены здесь с наружной стороны земляных валов, а ниже, во рву отчетливо заметны следы большого пожара — мощные завалы пережженной глиняной обмазки, которой покрывался частокол, построенный на вершине вала, где открыты также нижние части обгоревших нетолстых столбов, составлявших основу оборонительных стен.

Для зарубинецкой истории сарматское вторжение на рубеже нашей эры имело далеко идущие последствия, оно нашло свое отражение, прежде всего, в социально-экономической жизни этого приднепровского населения. Сарматы сдвинули «зарубинцев» с обжитых мест, их жестокий военный набег стал одной из причин зарубинецкого расселения, которое, создав новые регионы этой культуры, такие как Южнобугский и Верхнедеснянский, привело, в конце концов, к обезлюдению самого Среднего Поднепровья, исчезновению здесь зарубинецких поселений и могильников классического типа.

Расселение зарубинецких племен.

Уход зарубинецкого населения со своих земель, приведший к крутому перелому в жизни этого общества, может быть установлен только с помощью археологических материалов, поскольку письменные источники отсутствуют.

В 60-е годы этот вопрос стал на повестку дня нашей науки [Третьяков, 1966, с. 220-230; 1967; 1969, с. 11-14]. По мнению П. Н. Третьякова, зарубинецкое переселение имело место с территории Припятского Полесья и Среднего Поднепровья. Полесье было оставлено под давлением готов. Часть зарубинецкого населения ушла на север, остальные двинулись на восток, в сторону Днепра. Что касается Среднего Поднепровья, то отсюда расселение «зарубинцев» началось позже, его непосредственной причиной был нажим «черняховцев». В ходе его зарубинецкое население устремилось на северо-восток, продвигаясь по Десне и ее притокам, что подтверждается наличием позднезарубинецких памятников в Верхнем Подесенье, в районе городов Трубчевска и Новгород-Северского [Третьяков, 1966, с. 225].

Концепция П. Н. Третьякова относительно движения «зарубинцев» со Среднего Днепра на северо-восток получила подтверждение в ходе последующих археологических работ [Заверняев, 1970, с. 22—24]. Было установлено наличие памятников зарубинецкого облика на притоках Средней и Верхней Десны — Сейме, Неруссе, Судости, Ипути, Болтве, Ревне, Невле и др. Наиболее полно оказались исследованными памятники р. Судости, протекающей по территории Брянской области РСФСР. Здесь расположено целое их гнездо, родственная и генетическая связь этих поселений со среднеднепровскими не вызывает сомнений. Особенно отчетливо это прослеживается на материалах поселения Почеп [Заверняев, 1969].

Как выяснилось, расселение среднеднепровских «зарубинцев» шло по р. Трубеж — среднеднепровскому левому притоку, в поречье которого было открыто более десятка памятников [Савчук, 1969, с. 82—87]. Все они расположены на дюнах и характеризуются подъемным материалом, который не дает информации о размерах поселений, устройстве жилищ, погребальном обряде. Однако собранные материалы — простая и чернолощенная керамика, прясла, ножи, украшения из бронзы, фибулы — указывают на их зарубинецкое среднеднепровское происхождение, а также на близость к зарубинецкой культуре Верхнего Подесенья, хорошо известной по раскопкам Почапа.

Расселение «зарубинцев» проходило не только по Трубежу и Десне, но и по некоторым другим рекам Левобережья, например Суле, в верховьях которой открыты материалы зарубинецкого типа [Махно, 1955, с. 77—85]. Другим направлением миграции среднеднепровского населения были Юг. Еще в 1970 г. мы высказали предположение о возможности существования южного направления зарубинецкого расселения со Среднего Поднепровья, основанное на открытии памятников зарубинецкого типа в бассейне Южного Буга. Здесь, на р. Собь — левом притоке Южного Буга, П. И. Хавлюк обнаружил целое рнездо зарубинецких памятников, из которых наиболее известны Марьяновка, Носовцы, Рахны [Хавлюк, 1971, с. 84—96].

Поселения расположены на низких прибрежных склонах или на плато, но и в том, и в другом случае это поселения открытого типа, не имеющие ни природных, ни искусственных оборонительных преград. Они характеризуются слабо выраженным культурным слоем, на них встречены остатки жилых и хозяйственных сооружений. Это наземные жилища со стенками из прутьев,

обмазанных глиной. В центральной части жилищ находился очаг открытого типа.

Керамический материал из поселений р. Собь можно разделить на три группы: самой многочисленной являются обломки корчаг и кухонных горшков средних размеров с отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю насечками или пальцевыми ямками (табл. V, 18). Встречаются также глиняные диски и конические крышки с пустотелой ножкой. Ассортимент этой керамики, ее формы и технология соответствуют образцам посуды с зарубинецких поселений Среднего Поднепровья рубежа I в. н. э. [Максимов, 1972, табл. XII; XVIII].

Вторую группу составляют обломки лощеных сосудов черного и серо-коричневого цветов, принадлежащие преимущественно мискам, кувшинам, кружкам с ручкой, чашам на коническом поддоне, миниатюрным сосудикам.

Среди венчиков мисок обычного среднеднепровского профиля (табл. V, 23) встречаются экземпляры с вертикальным или даже наклонным вовнутрь прямым венчиком (табл. V, 22). Венчики, как правило, длинные и не имеют граней, то есть обладают всеми признаками сосудов позднего периода зарубинецкой культуры.

Третья группа керамики представлена античным импортом — обломками сероглиняных мисок и, главным образом, светлоглиняных с примесью пироксена в тесте и коричневоглиняных амфор. Состав глины амфор, а также формы шейки, одно- или двухствольных ручек, конического или узкоцилиндрического дна указывают на время бытования этих сосудов в I в. н. э.

На поселениях обнаружены: железные серпы с боковой ручкой, ножи с прямой спинкой, шилья, обломки жерновов, бронзовые трубочки-пронизи, бусины из стекла и пасты, сильно профилированная фибула европейского типа I в. н. э. [Хавлюк, 1971, с. 89].

Памятники Южного Буга — яркая иллюстрация заката зарубинецкой культуры на Днепре.

Передвижение зарубинецких племен в южном направлении затронуло также население Припятско-Полесского региона. Если население Среднего Поднепровья беспокоили сарматы, то стабильность в бассейне Припяти нарушали северо-западные племена Повисленья, вытесненные со своих мест германцами. О появлении их в Полесье и даже на территории далекого Левобережья свидетельствуют археологические материалы.

Одной из самых богатых и интересных находок является боевой пояс из погребения № 31 полесского могильника Отвержичи, найденный вместе с тремя зарубинецкими сосудами и несколькими фибулами конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. [Каспарова, 1969, с. 156—157]. Этот пояс состоял из многочисленных круглых и прямоугольных бронзовых бляшек, прикреплявшихся к кожаной основе, и крючка — большой железной пластины, покрытой бронзовым орнаментированным листом. В зарубинецких памятниках Поднепровья подобные вещи не обнаружены. Но аналогичный крючок найден в Молдавии у с. Лукашевка в одном из погребений могильника поенешти-лукашевской культуры [Федоров, 1957, с. 54—59], а также в погребениях ясторфской культуры I в. до н. э. на Эльбе.

На Левобережье привлекает внимание погребение на р. Сейм, у с. Пересыпки Путивльского района, случайно обнаруженное на дюне. В состав инвентаря погребения входили большой горшок-урна, железный нож с горбатой спинкой, поясная круглая железная пряжка и точильный брусок [Кухаренко, 1970, с. 34]. Форма и особенности орнамента горшка дают основание усматривать аналогии ему в памятниках ясторфской культуры, где подобные сосуды существовали вплоть до I в. н. э.

Пересыпкинскую находку дополняют несколько бронзовых шарнирных шейных гривен, обнаруженных на Десне у хут. Лески и с. Николаевка Менского района [Виноградский, 1960]. В позднелатенское время такие гривны, характерные для оксывской культуры Балтийского Поморья, в единичных экземплярах попадают в Повисленье, Западное Побужье и Поднестровье, а также Левобережье. Эти находки, вместе с другими аналогичными в культурном отношении материалами, показывают направление движения повисленских племен, которое, по-видимому, привело к отходу зарубинецкого населения Припятского региона на юг, на земли Волыни (Могиляны, Сапожин и другие памятники) и Подолии, где зарубинецкая керамика фиксируется в комплексах поселений липицкой и пшеворской культур Верхнего Поднестровья типа

Ремезовцы и Подберезцы.

Массовую волну движения в юго-восточном направлении подтверждают также и данные раскопок поселения Харьевка и Басовка, расположенных в глубинах Левобережья.

Поселение Харьевка занимало небольшую дону поймы р. Сейм. Здесь обнаружены остатки двух жилищ наземного типа со стенами из плетня, обмазанного глиной, глинобитными печами, обломками лощеной и простой посуды, античных амфор, пряслицами, железным наконечником копья, костями животных [Березовец, 1955, с. 61]. Наряду с раннезарубинецкими чернолощенными мисками и кухонными горшками среднеднепровского типа на поселении найден округлоплечий горшок с необычным горизонтально отогнутым краем венчика, лощеной поверхностью у венчика и дна и «хруповатым» туловом. Такие сосуды позднелатенского времени встречаются в Верхнем Повисленье на могильниках пшеворской культуры. С памятниками этого круга можно связать и найденный здесь железный нако-

нечник копья, а также фрагмент горшка с отогнутым наружу небольшим прямым венчиком, тулово которого от плеча до дна было сплошь покрыто вертикальными расчесами. Аналогичная керамика выявлена в Казаровичах на Ирпене (урочище Выгон).

На Басовском городище скифского времени VI—III вв. до н. э., расположенном на мысу высокого правого берега среднего течения р. Сулы, в верхней части культурного слоя обнаружен материал I в. до н. э.— I в. н. э.: небольшая проволочная фибула среднелатенской схемы, среднеднепровские миски с граненым венчиком, горшки и миски, тулово которых покрыто пучками косых расчесов или сплошными ямками, образующими рустованную поверхность, биконические крупные прясла, украшенные полосой соллярных знаков [Максимов, 1972, т. XXIII, 3].

Археологические материалы ничего не говорят о расселении зарубинецких племен Верхнего Поднепровья [Поболь, 1971, 1973, 1975]. Очевидно, здесь не происходило сколько-нибудь заметных перемещений населения и его культура развивалась, отражая этот факт, или трансформировалась без заметных посторонних включений.

Рассмотрим подробнее археологические материалы, характеризующие зарубинецкую культуру на Украине в I в. н. э.

Зарубинецкие памятники конца I в. до н. э.— I в. н. э. В середине I в. до н. э. произошли события, которые позволяют говорить о наступлении позднего периода в развитии зарубинецкой культуры. В это время на территории УССР появились новые памятники зарубинецкого типа. На Южном Буге, Волини, Подолии и в других районах возникают ранее неизвестные поселения и могильники. Подобные изменения произошли и в старой зарубинецкой области на Среднем Днепре, где сооружаются новые городища. Они не похо-

жи на старые городища, их размеры невелики, а стратегические функции значительны, их предназначение — в защите зарубинецкой территории от сарматских набегов.

Изменяется материальная культура, что, прежде всего, заметно в керамике. В этом видно расширение контактов и влияний, а также, возможно, этнической базы. Распространяются новые типы бронзовых фибул, булавок, браслетов, совершенствуется добыча железа и железообрабатывающее ремесло.

Продолжается обменная торговля с Югом. Однако в ней заметен уже определенный спад, вызванный экономическим упадком Ольвии и ее военным разгромом, учиненным гетскими отрядами Буребисты и сарматской военной экспансией в Лесостепное Правобережье.

Зато более тесными становятся контакты с Западом, с пограничными племенами пшеворской культуры и населением Повисленья.

Этот период зарубинецкой истории синхронен позднему эллинизму и началу римского времени в античном мире и соответствует позднелатенскому и раннеримскому периодам в истории племен Центральной и Средней Европы.

Среди памятников этого времени выделяются Лютеж и Оболюнь.

Поселение Лютеж находилось в 30 км севернее Киева, в болотистой пойме Днепра, недалеко от устья р. Ирпень. Оно занимало почти всю площадь невысокого песчаного холма, составляющую около 1,5 га (табл. XVI, 1). В 1962—1964 гг. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В. И. Бидзили поселение было раскопано полностью [Бидзиля, Пачкова, 1969].

Термин «поселение» к этому памятнику можно применить лишь условно, ибо Лютеж не был постоянным местом пребывания одной семьи или рода, как другие поселения Поднепровья. Здесь

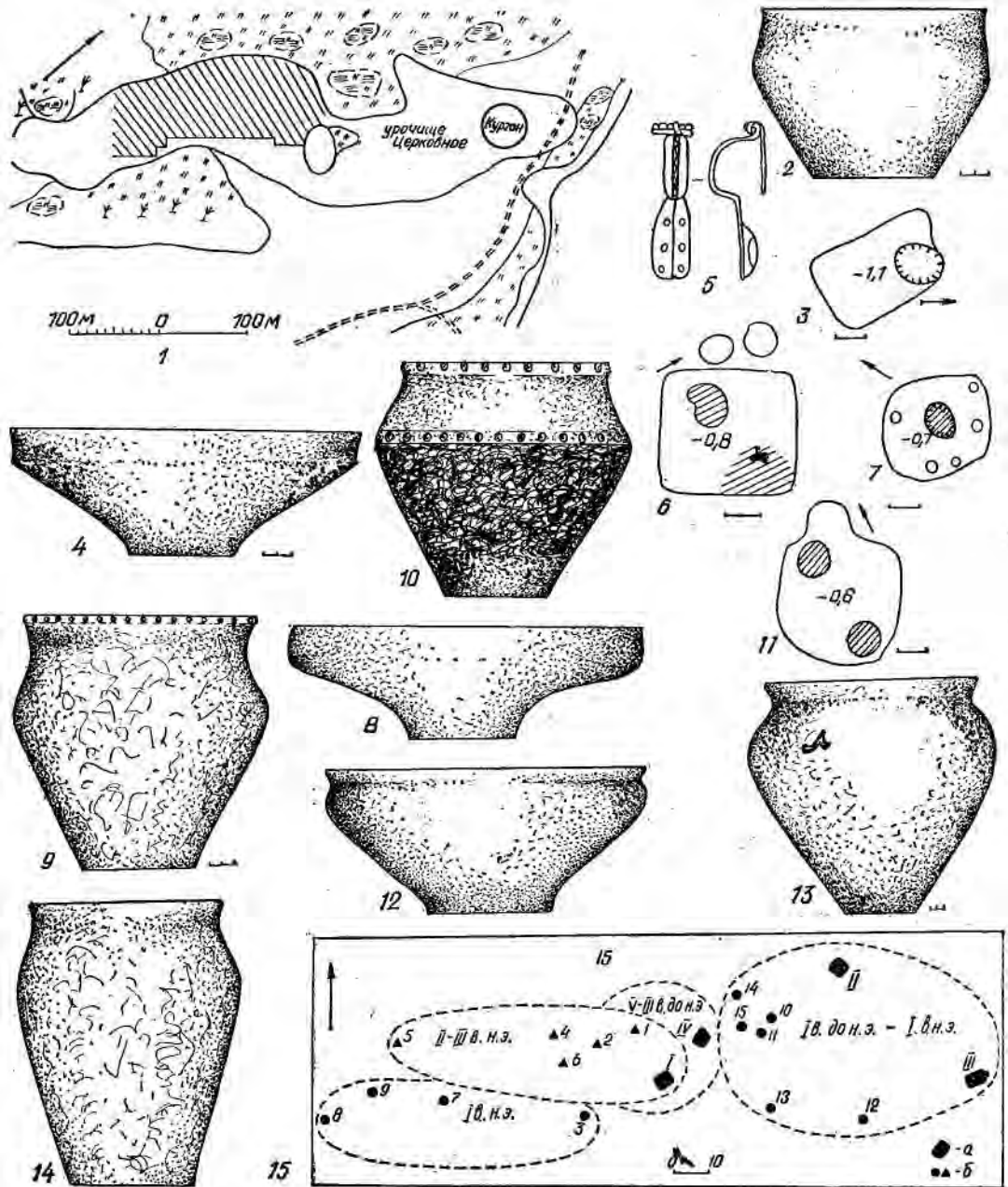

Табл. XVI. Поселение Лютеж (1—15),

обитали и работали металлурги — небольшой коллектив специалистов, которые добывали из местного сырья железо.

Топография поселения, представлявшего собой небольшой песчаный островок суши, затерянной среди проток, болот и лесов днепровской поймы, свидетельствует о его специфике. На поселении не было условий для ведения сельского хозяйства — земледелия или животноводства. Зато имелось в наличии все необходимое для добычи железа — неиссякаемые запасы болотной железной руды, водоемы, на берегах которых руду промывали, сушили, дробили, подготавливая ее для загрузки в горн; леса — источник топлива — древесного угля.

Комплекс этих особенностей способствовал созданию здесь традиционного места добычи железа, о чем свидетельствуют материалы, обнаруженные в культурном слое поселения.

Культурный слой занимал площадь около 1,5 га и имел в среднем толщину 0,3—0,6 м. Он включал, главным образом, куски железного шлака и самого металла — кричного железа, которых было собрано несколько сотен килограммов. Здесь же находили мелкие обломки керамики, кости животных, отдельные предметы из металла. Большая часть керамики и других находок встретилась среди заполнения остатков четырех жилых сооружений, 154 хозяйственных и производственных ям, а также близ остатков металлургических горнов.

Существуют заметные различия в устройстве жилищ и горнов.

По конструктивным особенностям жилища можно разделить на срубные и столбовые [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 53].

К срубным относится жилище подгорцевской культуры (№ IV), так как здесь не найдены ямки от столбов, которые могли бы составить основу стен.

Оно было ориентировано углами по сторонам света, пол правильной прямоугольной формы площадью около 10 м². В жилище не удалось зафиксировать явственных следов очага. Пол был углублен почти на 1 м от современной поверхности, поэтому жилище следует отнести к категории полуземлянок (табл. XVI, 3).

Жилище находилось в центральной части поселения, где обнаружена большая часть материалов подгорцевского типа. Это обстоятельство дало основание авторам публикации предполагать, что древнейшее Лютежское поселение подгорцевской культуры занимало самую возвышенную часть пойменного всхолмления, освоенного полностью в зарубинецкое время [Бидзиля, Пачкова, с. 74]. По данным картографирования подгорцевских материалов, площадь этого поселения не превышала 200 м² (табл. XVI, 15).

Подгорцевское поселение состояло из нескольких жилищ, разрушенных впоследствии более поздними объектами, главным образом, производственного назначения. Сохранившееся подгорцевское жилище располагалось на северо-восточной окраине поселения этой культуры, то есть несколько в стороне от центральной, наиболее интенсивно застроенной впоследствии части холма.

На полу жилища встретились обломки горшков подгорцевской культуры, украшенные по венчику жемчужным орнаментом, который считается отличительным признаком для подгорцевской керамики VI—IV вв. до н. э. [Петровська, 1971, с. 10]. Более узкую датировку этого памятника V—IV вв. до н. э. подтверждает находка здесь бронзового наконечника стрелы скифского типа — трехгранного и с внутренней втулкой.

Из четырех жилищ Лютежского поселения к зарубинецкой культуре следует отнести сооружение № 2. Оно имело почти квадратную форму (3,6 X X 3,8 м) с основательно закругленными

углами. Отличительной особенностью этого жилища является наличие остатков очага, расположенного в центре сооружения. Очаг представлял собой скопление золы и угля, находившихся в овальном в плане углублении размерами 0,7 X 1 м, это был типичный зарубинецкий очаг, хорошо известный в Среднем Поднепровье по материалам поселений раннего (Пилипенкова Гора) и позднего (Оболонь) периодов.

Но, конечно, главной конструктивной чертой этого жилища является наличие ям от столбов, расположенных вдоль линии стен. Ям насчитывалось всего пять, из них четыре равномерно размещены вдоль западной и южной стен на расстоянии около 1 м друг от друга, так же как у зарубинецких жилищ Пилипенковой Горы.

Совпадения конструктивных особенностей жилища № 2 с типично зарубинецкими жилищами Поднепровья позволяют думать, что стены лютежского жилища имели каркасную конструкцию.

В заполнении жилища, имевшего глубину 0,7 м от современной поверхности, встретился обычный зарубинецкий материал, особенно многочисленный в очажной яме и вокруг нее. Это крупные обломки кухонной и столовой керамики зарубинецкого типа, происходящей от 22 сосудов: кухонных горшков средних размеров с гладкой или шершавой поверхностью, плоских глиняных дисковсковородок, чернолощенных мисок и горшков. На полу жилища найдены железное шило и нож с горбатой спинкой. Такие ножи являются более ранними, чем ножи с прямой спинкой, которые получили распространение с рубежа нашей эры.

Жилище № 2 можно отнести к I в. до и. э. На это время указывают, прежде всего, типологические и технологические особенности чернолощенных мисок. Большая часть найденных здесь фрагментов принадлежала мискам, у кото-

рых наружная поверхность черного цвета была тщательно, до зеркального блеска, вылощена. Сосуды строго симметричны и производят впечатление обработанных на гончарном круге. Вероятно, это так и было, если принять во внимание технологию изготовления венчика с несколькими внутренними гранями, которые можно сделать лишь при помощи поворотного устройства, каким был ручной гончарный круг. Как известно, чернолощенные сосуды высокого качества работы характерны для зарубинецких памятников Среднего Поднепровья, относимых по времени к рубежу пашей эры.

С рубежа нашей эры многогранный венчик заменяется одногранным или закругленным; подобная «мода» отмечается, кроме Среднего Поднепровья, еще и среди некоторых других синхронных культур Средней Европы, имевших контакты с античным миром, иногда — прямые, иногда — опосредованные, через латенскую культуру Центральной Европы [Мачинский, 1963].

Следует также отметить особенности пропорций чернолощенных мисок, найденных в жилище № 2. Судя по фрагментам, это были достаточно низкие и широкие, с диаметром венчика около 30—35 см сосуды. Такие пропорции уже не свойственны мискам позднего времени, которые были более высокими и узкими.

На функционирование Лютежского поселения в I в. до н. э. указывают и другие материалы, найденные в восточной части поселения, в районе местонахождения жилища № 2. Это крупный чернолощенный горшок (высота и диаметр плеча 42 см) с прямым, отогнутым наружу венчиком, высоким округлым плечом и коническим туловом, предназначенный, очевидно, для хранения особо ценных продуктов (табл. XVI, 13). На шейке имеется невысокий валик, на плече — три симметрично расположенных дугообразных налипных

валика в форме буквы Л. Встречены также фрагменты других подобных лощенных сосудов.

Корчаги аналогичного типа — с вытянутым туловом, узким дном и широким устьем, с отогнутым наружу довольно высоким венчиком — появляются в последние века до нашей эры на городищах Нижнего Днепра [Погребова, 1958; Вязьмитіна, 1962]. У большей части этих сосудов диаметр плеча соответствует высоте сосуда, что присуще и корчаге из Лютежа. Орнаментация рельефная и врезная, причем известен орнамент в виде валика, обрамляющий шейку, или же в виде рельефной дужки с загнутыми кверху концами [Вязьмитіна, 1962, с. 124]. Появление этих сосудов на территории Нижнего Поднепровья исследователи объясняют наличием фракийского влияния, особенно усилившегося во II—I вв. до н. э. [Вязьмитіна, 1962, с. 127].

Следует отметить и местный источник подобной керамики. Большая и вместительная корчага с различными вариациями в профилировке венчика и тулова имела издревле большое распространение в Юго-Восточной Европе, в том числе — в Лесостепном Правобережье скифского времени. Орнаментация корчаг рельефными валиками также известна на этой территории с очень раннего времени, о чем свидетельствуют материалы Суботовского городища и некоторых курганов бассейна Тясмина (Гуляй-Город, курган № 52 и др.).

В материалах зарубинецких памятников довольно часто встречаются сосуды, близкие по форме и орнаментации корчагам из Лютежа. Они происходят из погребальных комплексов Среднего Поднепровья (Корчеватое, Пирогов, Трахтемиров, Зарубинцы, Суботов, Жаботин), но известны и на Полесье (Велемичи, Отвержичи).

Там, где эти материалы содержали фибулы или другие датирующие предметы, подобная керамика определяется

временем I в. до н. э.— I в. п. э., то есть соответствует позднему периоду развития зарубинецкой культуры на Поднепровье. Так, в погребении № 29 Пироговского могильника среди ритуального инвентаря находился большой чернолощенный горшок, украшенный по плечу валиком дуговидной формы — «подковкой». В этой могиле была также бронзовая фибула с треугольной спинкой конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. Этим же временем датируется погребение № 23 могильника Велемичи, где найден аналогичный сосуд.

Лютежские сосуды, украшенные рельефным валиком, относятся к более раннему времени, на что, в частности, указывает их сходство с материалами нижнеднепровских городищ, происходящими из датированных комплексов. Так, большая корчага с налепными дужками, очень близкими по форме лютежским, найдена в помещении № 8 комплекса IV городища Золотая Балка, время которого определяется фрагментами косских амфор II—I вв. до н. э. [Вязьмитіна, 1962, с. 79].

Таким образом, небольшая разница в датировке керамики с дуговидными валиками по тулову, по-видимому, все же существует: лютежские сосуды и близкие к ним нижнеднепровские, а также некоторые зарубинецкие (из Трахтемирова и Суботова) являются более ранними, чем сосуды с таким орнаментом из других зарубинецких могильников. Впрочем, орнаменты этих двух групп сосудов не вполне идентичны, они различаются такой деталью, как наличие загнутых концов у дуговидных валиков лютежских сосудов и им подобных. Это обстоятельство связано с различными источниками происхождения — южным, идущим в глубины скифского мира, и северным, происходящим от лужицкой традиции. Именно последнее обстоятельство объясняет появление орнамента типа подковок на полесских зарубинецких могильниках, как известно, не

имевших контактов ни со скифским, ни с античным миром, зато связанных генетическими корнями с лужицкой культурой.

На основе изложенного выше жилище № 2 можно отнести к начальной поре позднего периода зарубинецкой культуры, как и весь примыкающий с востока к этому жилищу район Лютежского поселения, то есть территорию, где были найдены сосуд с дуговидным орнаментом и обломки таких же сосудов.

Вероятно, к этому же времени, или несколько более позднему — от рубежа нашей эры и по I в. и. э. — следует относить и жилище № 3 (табл. XVI, 11). Это предположение подтверждают местоположение жилища № 3 и характер находок в нем. Оно расположено на восточной окраине поселения, в 60-ти метрах от жилища № 2, в районе размещения находок собственно зарубинецкой культуры, где почти не встречались материалы раннего или более позднего времени.

В заполнении жилища и непосредственно на его полу находилось большое количество фрагментов керамики зарубинецкого типа и два глиняных диска [Бидзпля, Пачкова, с. 55].

В плане жилище № 3, как и жилище № 2, имело почти квадратную форму, но его размеры несколько превышали размеры жилища № 2, составляя 3,8 X 4,0 м. Пол жилища находился на небольшой глубине от современной поверхности — около 0,6 м и был слегка (на 0,12 м) углублен в материковый грунт. Исследователям удалось проследить расположение входа в это жилище в северной стене в виде удлиненной выемки шириной около 1 м, углубленной в грунт на 0,2—0,25 м. Привлекает внимание ориентировка входа, обращенного к северу, что в условиях открытой поймы представляло определенные неудобства в зимнее время. Следует думать, что это обстоятельство, хорошо из-

вестное древним обитателям Лютежа, ими несомненно учитывалось. Видимо, жилище № 3 принадлежало к числу летних сооружений, что не противоречит всем другим особенностям этого поселения специального назначения, функционировавшего сезонно, в теплое время года.

В жилище не удалось обнаружить отчетливых следов очага, лишь в северном и южном его углах были найдены небольшие скопления угля и золы, что подтверждает наше предположение о летнем предназначении жилища № 3. Возможно, эта его специфика послужила причиной изменения зарубинецких домостроительных традиций, для которых было типичным сооружение стен каркасно-плетневого типа. Во всяком случае другими деталями конструкции — размерами, глубиной расположения пола, характером находок — жилище № 3 не отличается от обычных поднепровских жилищ. Нет только ямок от столбов — очевидно, потому, что жилище было летним, с особо легкими стенами, небольшие и неглубокие ямки от столбов не сохранились в связи с малой их углубленностью в материк и особенностями самого материкового грунта (здесь, в Лютеже представлявшего собой песок, легко поддающийся диффузии).

Предположение о том, что лютежское жилище № 3, наполненное обычным зарубинецким материалом, должно было, в основных своих чертах, повторять конструктивные особенности всех других известных по материалам раскопок зарубинецких жилищ Среднего Поднепровья, подкрепляется фактом отсутствия в зарубинецкой культуре этой территории жилищ срубного устройства.

Единственным жилищем, которое можно интерпретировать как срубное, является сооружение, открытое на Малой Горке близ Зарубищев [Максимов, 1964, с. 88]. Однако теперь, после публикаций материалов киевской культуры,

это жилище можно отнести к более позднему времени [Кравченко, Гороховский, 1979]. Об этом свидетельствуют остатки глинобитной печи, значительная углубленность жилища — до 1,1 м от уровня древней поверхности, и типологические особенности керамики, в частности горшка вытянутых пропорций с отогнутым наружу небольшим венчиком, украшенным пальцевыми защипами, и четко выраженным высоким плечом.

Поскольку Лютеж был поселением, где занимались производством черного металла, особый интерес представляют остатки металлургического производства — производственные ямы двух типов, куски железного шлака, кричного железа и остатки 15 сыродутных горнов.

К числу ям производственного назначения относятся те из них, которые располагались рядом с горнами и использовались металлургами для подручных целей. Такие ямы, например, находились в комплексе горна № 1. Устье этого горна выходило в большую яму овальной в плане формы размером 1,2 X 3,3 м при глубине в 0,3 м. Сам горн вмонтирован в северный длинный борт ямы, дно которой на 0,2 м ниже устья горна. Таким образом, это была предгорновая яма, куда в процессе плавки выпускали шлаковые образования [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 59].

Но таких ям на поселении было немного. Основная масса ям производственного назначения служила для приготовления древесного угля, являвшегося горновым топливом. Этим ям насчитывалось более 380 из общего количества 411, обнаруженных в Лютеже. В плане угольные ямы были круглыми или овальными, диаметром 1—1,5 м при глубине 0,4—0,6 м, с тарелкообразным дном. Иногда в них заметны следы действия огня или же углубления от столбов и жердей, служивших основанием для шалашевидной выкладки костра.

Когда такая пирамида дров загоралась, ее валили в яму и присыпали землей, под которой дерево, тля без доступа воздуха, превращалось в древесный уголь.

Ямы производственного назначения однообразны по устройству, и их дифференциация во времени возможна только по данным заполнения. Но и этим методом можно пользоваться с известными оговорками. Так, в большей части ям — 257 из 411 — керамического материала вообще не было, из остальных 154 ям в 21 найдены обломки подгорцевской и зарубинецкой посуды, а в 133 ямах встречена лишь керамика зарубинецкого типа.

Большое значение имеет топография ям с керамическими находками, позволяющая очертить площадь поселений в подгорцевскую и зарубинецкую эпохи. Так, 21 яма со смешанным подгорцевско-зарубинецким материалом занимала в основном центральную часть поселения, между горном № 1 и жилищем № 1 и горнами 4, 6 и тем же жилищем. 133 ямы с материалом зарубинецкого типа располагались равномерно по всей территории поселения. Однако, как уже отмечалось, материалы более раннего облика, относящиеся к I в. до н. э., занимали восточную половину поселения, в то время как в центральной его части обнаружены керамические и другие материалы второй четверти I тысячелетия н. э., относящиеся уже к послезарубинецкой эпохе (табл. XVI, 2, 14).

Эти данные позволяют высказать предположение о возможном выделении на территории Лютежского поселения участков, различных по времени их функционирования (табл. XVI, 15).

Если исключить поселение подгорцевской культуры из числа лютежских объектов, специализировавшихся на выработке черного металла, — такой подход к вопросу носит условный характер, поскольку в равной мере можно утверждать обратное — то тогда на основа-

ний рассмотренных материалов, восточная часть поселения — от восточной кромки холма до линии, на которой обнаружены остатки горнов № 13, 14 и 15, была местом специализированного поселка металлургов в поздний период зарубинецкой культуры. Западная окончательность поселения с горнами № 7, 8 и 9 могла функционировать в заключительную пору этого же периода, то есть преимущественно в I в. н. э.

В более позднее время, а именно во II в. н. э., горны, производственные ямы, жилые и хозяйственные сооружения занимали центральную часть всхолмления — от жилища № 1 до горна № 5 на западе (табл. XVI, 15).

Такое территориально-хронологическое разделение Лютежского комплекса обусловлено заметными различиями в типологии жилищ, горнов и керамического материала, отличительные черты которого, характерные для различных периодов зарубинецкой культуры, были описаны выше.

Так, жилище № 1, судя по сохранившимся остаткам, характеризуют иные особенности конструкции, чем у жилищ зарубинецкого типа № 2 и 3. Это было срубное сооружение квадратной формы (3,8 X 4 м), ориентированное углами по сторонам света [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 53]. Пол, опущенный в материковый грунт на 0,2 м, находился на глубине около 0,8 м от современной поверхности. На нем сохранились в центре следы обожженности (жилище погребло от пожара). Следы сильной обожженности прослеживались в восточном углу. Ее диаметр составлял 1,8 м, по видимому, здесь располагался очаг. Возле него обнаружены два куска обугленных плах, лежащих крест-накрест, которые, возможно, представляют собой остатки каких-то деревянных конструкций жилища. В его заполнении находок почти не было, встретилось лишь несколько обломков стенок кухонных горшков первых веков нашей эры. У северо-

западного угла жилища располагались две хозяйственные ямы — круглые в плане, диаметром и глубиной около 1 м (табл. XVI, б).

Особенности этого жилища — срубная конструкция его стен, углубленный пол, размещение очага в углу, позволяют сравнивать его с подобными сооружениями из Казаровичей, которые относятся к раннему периоду киевской культуры, то есть к III в. н. э.

Не менее выразительную локализацию имеют немногочисленные материалы этого времени, представленные двумя группами керамики — горшками и мисками. Привлекают внимание два целых горшка, которые отличаются необычными для зарубинецкой культуры формами [Бидзиля, Пачкова, с. 66]. Один из них имел стройные пропорции, прямой край, широкое дно и слабо биконический профиль (табл. XVI, 14). Ближайшие аналогии ему находим в материалах поселения и могильника Казаровичи, расположенных в 10 км к северу от Лютежа и относящихся к ранним памятникам киевского типа [Максимов, Орлов, 1974, рис. 3, 10].

Другой, также небольшой по размерам горшок, найденный в яме горна № 4, имеет характерную для керамики этой культуры цилиндрическо-коническую форму тулова, представленную различными вариантами, наиболее ранние из которых известны по материалам поселений Казаровичи [Максимов, Орлов, 1974, рис. 4, 1] и Обухов III [Абашина, Гороховский, 1975, рис. 7].

Отметим, что обе эти формы появляются в раннее время, на что указывают аналогичные материалы позднерубинецкого селища Почеп [Заверняев, 1969, рис. 9, 9]. Это можно применить и к Лютежу. Так, например, лютежские горшки V типа IV варианта аналогичны горшкам из погребений 14 и II могильника у с. Казаровичи, первое из которых датируется рубежом II—III вв. н. э. на основании подвзвонной

фибулы с вогнутой спинкой [Бидзиля, Пачкова, с. 66, рис. 8, 19].

К этому же времени относятся некоторые типы лютежских чернолощенных мисок. Речь идет о миске с массивным, почти вертикальным венчиком, ограниченным снизу небольшим желобком, не имеющем аналогий в зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья, но по своим особенностям совпадающей с фрагментом миски из деснянского поселения II—III вв. Колодезный Бугор [Третьяков, 1974, рис. 16, 22].

Это относится и к фрагменту миски с косо срезанным венчиком и острым ребром [Бидзиля, Пачкова, рис. 9, 19; Третьяков, 1974, рис. 16, 21].

Наконец, в самом Лютеже в центральной части поселения обнаружены точно датированные материалы, так же как глазчатая фибула, фрагмент стеклянного кубка и обломки черпяховской керамики. К ним следует причислить и обломки зернотерок.

Бронзовая фибула, найденная в верхней части одной из ям, относится к поздним вариантам глазчатых фибул и датируется по А. К. Амброзу, второй половиной — концом II вв. н. э. (табл. XVI, 5). В центральной части поселения, также в яме, найден обломок нижней части стеклянного кубка, попавший сюда несомненно в черняховское время из зоны распространения этой культуры, возможно, вместе с сосудами Черняховского производства. Датировать этот черняховский импорт можно не ранее первой половины — середины III в. н. э., то есть периодом, когда Черняховская культура распространилась и на свои северные, близкие к Лютежу, окраины.

Таким образом, материалы позднего времени, найденные в центральной части Лютежского поселения, относятся к концу II — первой половине III вв. н. э., что и соответствует поздней дате существования здесь железодельного центра.

Существовал ли хронологический разрыв между ранней зарубинецкой фазой в истории этого памятника (I в. до н. э.— I в. н. э.) и поздней фазой, совпадающей по времени с бытованием памятников киевского типа, определить трудно. Однако предположительно можно думать, что такой разрыв существовал. Он был обусловлен самим ходом событий на Среднем Поднепровье, крушением зарубинецкой культуры в конце I в. н. э. Оставшееся население не имело уже той острой потребности в черном металле, какую оно испытывало в период подъема зарубинецкой экономики. Да и сил, очевидно, было недостаточно, чтобы выделять людей для трудоемкой, требующей высокого мастерства работы металлургов. Такая необходимость возникла и соответствующие возможности появились после окончания сарматской угрозы, но это было уже в новую историческую эпоху, соответствующую расцвету киевской культуры, в конце II — III вв. н. э.

Нельзя не обратить внимания еще на одно важное обстоятельство, подтверждающее предположение о наличии двух хронологических фаз в существовании Лютежского поселения — на различия в конструкции самих железодельных горнов.

Как известно, здесь обнаружены: остатки 15 горнов, сооруженных на поверхности или в неглубоких ямах, ввиду чего горны сохранились очень плохо. Они представлены остатками топочной части, иногда углубленной в грунт всего лишь на 0,1—0,25 м; остатками древесного угля или шлаков в топке; участками сильно обожженной земли в месте расположения горнов; скоплением обломков прокаленных стенок горнов с накипью железного шлака.

Реконструируя по этим материалам устройство лютежских горнов, В. И. Бидзиля и С. П. Пачкова отмечали, что здесь господствовал полуназем-

ный колошниковый сыродутный гори с искусственным нагнетанием воздуха, в котором производилось несколько плавок руды, на что указывают многослойные накипи шлака на внутренней поверхности стенок горнов. По особенностям устройства они делят горны на две группы: с предгорновой ямой, служившей для выпуска шлака в самом процессе плавки (таких горнов оказалось пять), и без предгорновой ямы (десять горнов), хотя такая конструкция являлась менее совершенной и удобной в эксплуатации. Однако почему эти менее совершенные горны были более распространенными в Лютеже, выяснить не удалось [Бидзиля, Пачкова, с. 63]. Не установлено также никакой системы в размещении горнов на площади поселения: они обнаружены в разных местах, иногда далеко друг от друга, или, наоборот, находились рядом.

Эти выводы объективно отражают процесс и результаты исследования Лютежского поселения, если рассматривать его материалы как хронологически равнозначные. Но возможен также другой подход, заключающийся в разделении археологических материалов Лютежа на две хронологические фазы: раннюю, зарубинецкую, конца I в. до н. э.— I в. н. э., и позднюю, которая приходится на конец II—III вв. н. э., когда уже существовало поселение киевской культуры.

При таком подходе находит свое объяснение и наличие разных по конструкции горнов, и принцип их размещения на площади поселения.

Горны без шлакоотводных ям, близкие лютежским по техническим характеристикам, хорошо известны на территории Средней Европы, а именно в верховьях Вислы — в Свентокшиских горах. На нашей территории, в Закарпатье, такие горны обнаружены у с. Новоклиново. Датируются они последними веками до нашей эры [Бидзиля, Пачкова, с. 63], что позволяет отнести лютежские

горны к этому же времени, то есть к зарубинецкой эпохе.

На плане Лютежского поселения эти ранние по конструкции горны, а именно № 10—15, располагаются в его восточной части, а горны № 7—9 — в западной, оставляя центральную часть поселения горнам другой конструкции. Лишь такой же по устройству горн № 3 несколько выпадает из этой в основном законченной топографии, поскольку расположен на периферии центрального участка, но эта отдаленная периферия никак не связывает его с более поздними комплексами центрального участка (табл. XVI, 15).

Здесь, в районе находок археологических материалов II — III вв. и. э., господствующее положение принадлежит горнам № 1, 2, 4, 5 и 6, важнейшей конструктивной особенностью которых было наличие шлакоотводной ямы. Горны такого принципа действия, датируемые первыми веками нашей эры, имели широкое распространение, известен, например, комплекс с аналогичными горнами в Желиховице (Чехословакия).

Материалы Лютежа имеют большую научную ценность для освещения важнейшей стороны зарубинецкого хозяйства — железоделательного ремесла, которое в период расцвета зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье достигло значительной степени концентрации на этом специализированном поселении. Наличие железоделательного центра ставит зарубинецкое ремесло на тот уровень техники, который был присущ населению различных областей Центральной и Средней Европы.

Материалы Лютежа освещают также состояние железоделательного ремесла в последующую историческую эпоху, относящуюся к II — III вв. п. э., демонстрируя несомненный прогресс в этой отрасли хозяйства и наличие преемственности, тесных технологических связей этого ремесла с предшествую-

щим ему по времени зарубинецким, которое выступает как необходимое звено в цепи древней истории культуры населения Поднепровья.

Оболонь представляет собой большое и долговременное поселение позднего периода зарубинецкой культуры. Поселение находилось в северо-восточной части территории современного Киева, в местности, издревле называемой Оболонью, то есть болотом. Оно занимало возвышенность на юго-западном берегу озера Печань — старицы летописной речки Почайны, которая протекала по низине правого берега Днепра. Возвышенность окружали заболоченные участки поймы и луга.

Археологические материалы зарубинецкого типа собирали на Оболони В. Н. Даниленко и П. П. Амбургер (1947 г.), А. П. Савчук (1950 г.), Д. Я. Телегин (1952 г.). В Киевском историческом музее имеется небольшая коллекция 1938 г., происходящая отсюда же. Но все эти, несомненно важные и интересные, материалы буквально потонули в огромной коллекции, полученной во время раскопок 1966—1974 гг. Раскопки велись экспедицией Киевского государственного исторического музея под руководством А. М. Шовкопляс, краткие сведения о них содержатся в информационных сборниках Института археологии АН УССР («Археологические исследования на Украине») и Института археологии АН СССР («Археологические открытия») за соответствующие годы, а также докладах А. М. Шовкопляс на археологических совещаниях, отраженных в соответствующих тезисах. Эти краткие данные не позволяют уловить все специфические черты этого уникального поселения зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья. Однако даже на основании опубликованных материалов можно выделить характерные черты, свойственные этому поселению как позднезарубинецкому памятнику.

Установлены особенности планировки поселения [Шовкопляс, 1975, с. 35]. Жилища и хозяйственные ямы занимали почти все прибрежное невысокое всхолмление, площадь которого превышала 20 000 м². Во время раскопок создавалось впечатление исключительно плотной застройки, поскольку жилища иногда вплотную примыкали друг к другу. Но это представление было иллюзорным, а рядом стоящие жилища на поверку оказались разновременными, в связи с чем расстояния между синхронными сооружениями увеличилось до обычных размеров — 4—5 м, известных по другим зарубинецким памятникам Поднепровья.

На Оболони можно отметить наличие определенной системы в размещении жилищ. Подобно раннезарубинецкому городищу Пилипенкова Гора, здесь жилища также размещались небольшими группами, каждая из которых состояла из 4—5 сооружений. Но в отличие от Пилипенковой Горы, где жилища концентрировались вокруг больших внутренних дворов, на Оболони таких дворов не было. По-видимому, эти отличия следует отнести за счет изменений в структуре зарубинецкого общества, которые произошли за 150—200 лет, отделявших Пилипенкову Гору от Оболони. Суть этих изменений состояла в том, что хозяйственные связи большой семьи, имевшие в раннезарубинецкий период достаточно прочные традиции, которые выражались, в частности, в наличии большого хозяйственного двора, общего для группы родственных семей, претерпели определенную трансформацию и были утрачены. В результате — исчезли за ненадобностью большие хозяйственные дворы. Однако семейные контакты еще имели определенную силу, поэтому жилища Оболони размещались небольшими группами.

В этом усматривается генетическая связь Оболони с Пилипенковой Горой. Подобно последней, Оболонь представ-

ляла собой родовой поселок, состоящий из приблизительно двух родственных семейных коллективов. Структура Оболони проливает свет на характер и направленность социальных изменений, происшедших в зарубинецком обществе к рубежу нашей эры.

На поселении открыто более 60 жилых сооружений зарубинецкого времени — больше, чем на каком-либо другом поселении этой культуры. Все жилища оказались прямоугольной в плане формы, размером 2,8—4 X 3,6—5,0 м. Пол их был углублен на 0,3—0,65 м от современной поверхности. Очаг представлял собой небольшое линзовидное углубление в полу округлой или овальной формы площадью около 1 м², обычно заполненное древесным углем и золой, обломками посуды и костей животных. В большинстве случаев очаги находились в углу жилища, как и во многих жилищах Пилипенковой Горы. В некоторых жилищах встретились очаги в виде вымосток из глины и камней, которые возвышались над уровнем пола до 0,2 м [Шовкопляс, 1972, с. 357]. По мнению А. М. Шовкопляс, эти сооружения более поздние [Шовкопляс, 1973, с. 362]. Выказанное мнение представляется справедливым и заслуживает подробной аргументации, основанной на разборе материала, происходящего из указанных жилищ (табл. XVII, 11), где действительно найдена керамика, характерная для конца II—III вв. [Шовкопляс, 1968, рис. 10], имеющая аналогии в материалах Казаровичей [Максимов, Орлов, 1974, рис. 4, 1, 3, 4]. Однако наряду с такой керамикой здесь есть и материалы, типичные для I в. н. э., к их числу относится бронзовая фибула (табл. XVII, 1) позднелатенского типа с прямым корпусом и сплошным приемником [Шовкопляс, 1972, рис. 1, 4].

Отличительной особенностью Оболонского поселения следует считать также наличие многочисленных ям хозяйст-

венного назначения — их обнаружено более 900. В плане они были круглой, диаметром до 1 м или, реже, овальной формы размерами 1,2 X 1,8 м, глубиной до 1 м от современной поверхности, имели отвесные стенки и ровное дно. Эти и подобные ямы считают погребями — местом хранения сельскохозяйственных продуктов [Третьяков, 1959, с. 132]. Часть ям использовалась, вероятно, и для хранения туш домашних и диких животных или рыбы [Максимов, 1972, с. 74], на что указывает огромное количество обломков костей, представивших собой пищевые отходы. По определению специалистов, эти кости принадлежали свинье, быку домашнему, лошади, овце, козе, оленю и лосю, сазану, осетру, судаку, щуке и сому. Расположенные рядом водоемы — Почайна, Днепр и многочисленные озера создавали идеальные условия для рыболовства.

Нет никакого сомнения в том, что эти ямы, неглубокие и выкопанные в песчаном грунте, не могли служить в качестве хлебных ям, хорошо известных по материалам более южных областей и относящихся к культурам развитого земледелия, к числу которых зарубинецкую отнести нельзя [Максимов, 1969, с. 96—101]. Небольшие запасы зерна здесь хранились в объемных горшках-зерновыках, обломки которых находят на поселениях.

Отличие хозяйственных ям Оболони от таких же ям других зарубинецких поселений — в их количестве. Но это отличие, как показывают подсчеты, скорее кажущееся, чем действительное. Густота (плотность) размещения ям (одна яма приблизительно на 25 м²) на Оболони ничуть не выше, чем на Пилипенковой Горе, где на Восточном раскопе размером около 2500 м² было обнаружено 112 ям. Правда, здесь соотношение ям и жилищ не отвечает цифрам Оболони, где на каждое жилище приходится по 15 ям, а на Пилипенковой

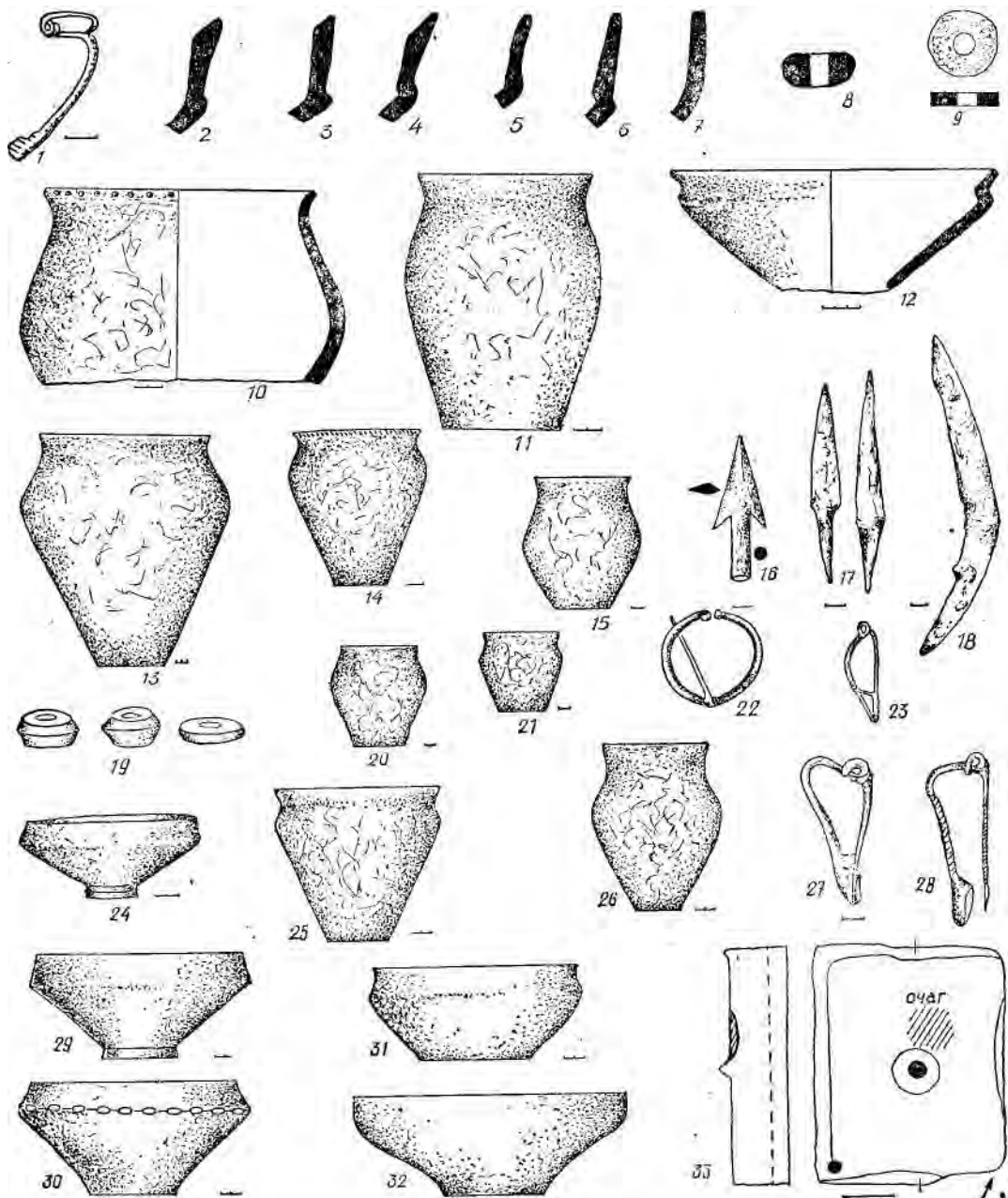

Табл. XVII. Материалы поселений Оболонь (1—12) и Почеп (13—33).

Горе — всего лишь по три. Но необходимо иметь в виду, что почти треть Оболонского поселения была разрушена двумя огромными промоинами по 3—4 тысячи м² каждая, причем уничтожена центральная и южная части поселения, где застройка была, вероятно, наиболее плотной. Если предположить возможность размещения здесь еще 20—40 жилищ, тогда разница в ямах между Оболонью и Пилипенковой Горой уменьшится на треть или даже половину. И все же на каждое жилище Оболони хозяйственных ям приходится больше, чем на Пилипенковой Горе. Видимо, в действительности так оно и было, поскольку на Оболони имелись более благоприятные хозяйственные возможности, чем у жителей труднодоступной, лежащей на высоком холме Пилипенковой Горы.

Многочисленные материалы раскопок освещают важнейшие стороны жизни обитателей поселения. Больше всего найдено фрагментов керамики. Сосуды с шершавой поверхностью — кухонные горшки, хозяйственные корчаги, конусообразные с цилиндрической ручкой крышки — повторяют с небольшими вариациями формы и пропорции этих групп сосудов, известных по раннезарубинецким памятникам типа Пилипенковой Горы и Пироговского могильника. Правда, уже появляются в небольшом количестве горшки вытянутых пропорций, с высоким плечом и слабо отогнутым венчиком, которые в последующую эпоху, в ранний период киевской культуры, становятся одной из господствующих форм (табл. XVII, 11).

Видоизменяется чернолощенная посуда. По-прежнему встречаются, как и в раннезарубинецком периоде, широкие миски хорошего лощения с небольшим отогнутым наружу подгранным венчиком и четко выраженным валиковидным плечом (табл. XVII, 2, 4). Но преобладают высокие миски с мягким эсо-

видным профилем и длинным, поставленным почти вертикально венчиком (табл. XVII, 3, 5—7). Эта керамика имеет значение для определения хронологии, поскольку такая чернолощенная керамика с вертикальными венчиками найдена на хорошо датированных поселениях Почеп [Заверняев, 1969, рис. 10, 11, 18] и Марьяновка [Хавлюк, 1971, рис. 4, 7].

Важны также находки железных предметов, которых обнаружено более 40. Это — ножи с прямой спинкой, гарпун, обломки серпов, шилья, фрагменты позднелатенских фибул, рыболовный крючок, фрагмент шпоры, бритва, кольца. Обнаружены скопления железной руды и шлака — свидетельства существования местного железоделательного производства. Металлографический анализ показал, что они изготовлены из плохо прокованного кричного железа, содержащего большое количество шлака [Гопак, 1976, с. 16]. Лишь бритву и шпору отличает металл высокого качества — сталь, причем бритва изготовлена из пакетного металла и подвергнута термообработке. По-видимому, бритва и шпора являются импортными изделиями, поступившими сюда с территории Средней Европы.

Изделия из бронзы обнаружены в небольшом количестве (11 экз.). Это фрагмент проволочной фибулы и одночленная целая фибула позднелатенской схемы с широкой спинкой и почти прямым туловом, относящаяся к I в. н. э., фрагмент проволочных браслетов, кольца и заходящими друг за друга концами, спиральные и трапециевидные подвески. Находки бронзовых изделий являются датированными предметами. Кроме того, они позволяют проследить направление торгово-обменных контактов, которые вели на юг. По данным спектрального анализа, оболонские бронзы представляют собой, в основном, медно-оловянистые сплавы, свойственные

южному, причерноморскому ареалу распространения этих изделий [Черных, Барцева, 1970, с. 101].

Коллекция находок Оболони содержит еще много других групп предметов, важных в качестве исторических источников. Это — обломки костяных изделий, вообще редко встречаемых на зарубинецких памятниках; разные по форме глиняные прясла, которые, вместе с отпечатками тканей на днищах сосудов, могут осветить конкретные вопросы ткацкого ремесла [Шовкопляс, 1975, с. 373]; обломки греческих амфор — позднесинопских и позднекосских типов, узкогорлых светлоглиняных и других хорошо датированных по античным аналогиям. Приведенный далеко не полный перечень материалов Оболони еще раз показывает, какую острую необходимость испытывает наука в публикации этого памятника.

Существование зарубинецкого поселения на Оболони А. М. Шовкопляс отнесла ко времени от рубежа нашей эры до II—III вв. н. э. [Шовкопляс, 1975, с. 35]. Наиболее важными для вопросов хронологии следует считать фрагменты синопских амфор раннеримского времени, которые ввозились в греческие центры Северного Причерноморья в короткий период, ограниченный концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. [Зеест, 1960, рис. 2]. Поскольку в область зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья греческое вино шло транзитом через Ольвию и ее нижнеднепровскую периферию, которые к рубежу нашей эры переживали тяжелый кризис, связанный с недавним гетским нашествием, начало поступления гераклеийских амфор следует отнести к последним десятилетиям I в. до н. э.

Немногочисленные фибулы позднелатенской схемы датируются более широко, в пределах I в. н. э. [Амброз, 1966, с. 24]. Правда, фибулы аналогичной конструкции, найденные в Почепе, исследователи относят ко II в. н. э., что

оставляет возможность для подобной датировки наиболее поздних экземпляров фибул Оболони, найденных с горшками II—III вв., известными по памятникам киевского типа.

Тот факт, что в нескольких жилищах здесь обнаружены керамические материалы зарубинецкого облика и материалы с чертами памятников киевского типа, подчеркивает большое научное значение Оболонского поселения, подтверждающего генетические связи зарубинецкой культуры позднего периода и киевской культуры.

Аналогичное заключение позволили сделать и рассмотренные выше материалы позднезарубинецкого облика на Лютетжского поселения. К этим двум памятникам следует присоединить поселение Обухов III [Абашина, Гороховский, 1975, с. 61—71] и поселение в: устье Тетерева — Грини [Максимов., 1972, с. 20, 21]. Эти памятники свидетельствуют о том, что киевская культура действительно формировалась здесь, в северной части Среднего Поднепровья, где для этого имелись необходимые предпосылки.

Что касается поздней даты собственно зарубинецкой Оболони, то ее, вероятно, можно определить последними десятилетиями I в. н. э. На это указывают находки керамических материалов, которые позднее этого времени в датированных комплексах зарубинецких памятников не встречаются. Это — миски среднеднепровского типа с вертикальным венчиком, а также округлобокие (типа 1,1) горшки и корчаги. Позднюю дату Оболони подтверждают и материалы поселения Таценки, которое по особенностям своей топографии, размерам, основному материалу очень напоминает Оболонское поселение. В Таценках среди находок позднего периода функционирования поселения встречены в небольшом количестве обломки мисок с вертикальным венчиком, а на могильнике, синхронном поселению, четыре фи-

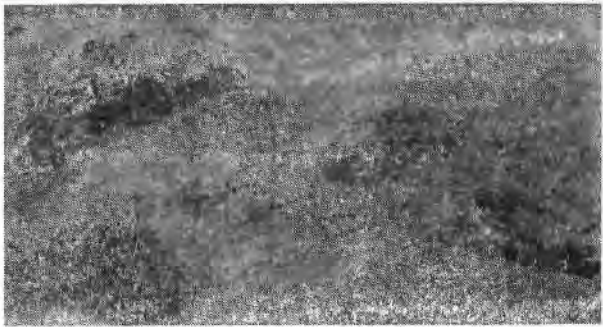
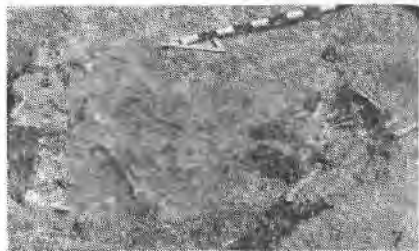
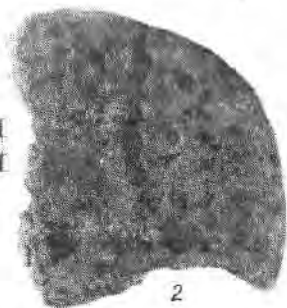

Табл. XVIII. Поселение Бабина Гора (1—4), могильник Дедов Шпиль (5—9).

булы позднелатенских типов I в. н. э. [Максимов, 1969, рис. 5].

Городище Бабина Гора. Это городище, вместе с принадлежащим ему могильником Дедов Шпиль, представляет собой комплекс памятников зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье, имеющих важное значение для освещения отличительных черт ее нозднего периода.

Исследованные экспедицией Института археологии АН УССР в 1971—1975 гг. Бабина Гора и ее могильник дали большое количество материалов.

Бабина Гора представляла собой высокий, до 70 м, изолированный со всех сторон холм, расположенный у реки, на правом берегу Днепра, в 20 км к северу от Пилюпенковой Горы и современного города Канева (табл. XVIII, 2). Склоны холма имели большую крутизну, а со стороны Днепра подымались к площадке почти вертикально. Сама площадка шириной от 5 до 12 м и длиной около 100 м имела небольшие размеры, ее площадь не превышала 800 м², из них на 600 м² были произведены раскопки (табл. XIX, 3).

Здесь удалось обнаружить остатки семи жилищ, которые на основании амфорного материала, фибул и других данных датируются от середины I в. до н. э. по I в. н. э.

Культурный слой имел в среднем толщину до 0,6 м, ниже располагался материал эпохи меди — бронзы. В южной части площадки встречено погребение позднетрипольского времени — трупоположение на спине, ориентированное головой на запад, с медным шилом у правой руки. На северной оконечности горы открыто скопление раковин диаметром 0,9 м, толщиной 0,15 м, также относящееся к эпохе энеолита.

Особенности почвы Бабиной Горы не способствовали выявлению контуров зарубинецких жилищ — грунт, сверху черноземный, на глубине 0,2—0,25 м приобретал темно-серую или же темно-

коричневую окраску, которая по цвету не отличалась от заполнения углубленной в землю части жилища. Поэтому жилища можно было фиксировать лишь по наличию остатков очага, расположению хозяйственных ям-погребов, скоплению археологического материала, в том числе — обожженной обмазки стен. Например, остатки жилища № 7 обнаружены в центральной части площадки в виде скопления культурных остатков. Очертания жилища установить не удалось, но пол фиксировался на глубине 0,6 м от современной поверхности и располагался на песчанистом сероватом материке, насыщенном мелким камнем.

На площадке жилища встречены завалы глиняной обмазки различной степени обожженности, которая указывает на конструктивные особенности строения жилища и причину его гибели от пожара. Самые крупные скопления печины имели площадь до 0,5 м² и находились на глубине 0,4 м. С внутренней стороны на некоторых фрагментах обмазки видны отпечатки дерева, по структуре они похожи на расколотые неширокие бревна. Внешняя сторона таких фрагментов тщательно заглажена.

К площади жилища примыкали с севера две хозяйственные ямы диаметром 0,9 и 1,0 м, глубиной 0,85 и 1,1 м от дневной поверхности. В ямах находились обломки кухонных горшков и корчаг, кости животных, рыба чешуя. Третья хозяйственная яма располагалась внутри жилища. Ее диаметр 0,65 м, глубина 0,4 м от уровня пола, содержимое — обломки амфорной и столовой керамики, угольки. Близ ямы отмечены следы очага, размещавшегося на полу, площадью около 0,6 м². Здесь, у очага, найдена чашечка конической формы (табл. XIX, 13) — предмет, редкий для Среднего Поднепровья.

На площадке жилища обнаружено также 186 экземпляров обломков керамики. Большую их часть составляют

фрагменты кухонных горшков зарубинецкого типа. Найдены крупные обломки двух горшков биконической формы с круто отогнутыми венчиками диаметром 18 и 20 см, один из них украшен по краю пальцевыми защипами (табл. XIX, 2). Распространенной формой являлись и округлобокие горшки с вертикальным венчиком, край которого был гладким или же украшенным защипами, иногда — насечками.

Корчаги представляли собой толсто-стенные (около 1 см) сосуды больших размеров. Это подтверждают и толстые, до 2 см, их днища диаметром 15—18 см. Встречены обломки стенок корчаг с хрупчатой поверхностью. В качестве примеси в керамическое тесто этих групп сосудов — горшков и корчаг — употребляли крупнотолченый шамот.

Лощеная керамика представлена обломками мисок и кружек. Лощение среднего качества, хотя встречаются и отдельные экземпляры среднеднепровских мисок с граненым венчиком и округлым плечом. Цвет мисок и других сосудов столовых типов преимущественно черный, темно-серый, а также темно- и светло-коричневый. Много, более четверти, обломков мисок представлены остросереберными формами, среди которых около 10% имеют эсвидный профиль, господствующий в раннеримское время с рубежа нашей эры (табл. XIX, 14).

Обломки амфор в количестве более 30 экземпляров принадлежали сосудам малоазийских центров раннеримского времени. Они датируются I в. до н. э.— I в. н. э. Интересен крупный фрагмент стенки амфоры из розовой глины с обломком двухствольной ручки середины I в. до н. э.— один из наиболее ранних датирующихся предметов Бабиной Горы. Встречен венчик тонкостенной красноглиняной миски.

Из других находок следует отметить фрагмент глиняного диска толщиной около 1 см, три обломка бронзоплавиль-

ных тиглей, глиняные, круглые, плоские и пирамидальные грузила, глиняные обожженные шары диаметром 3—35 см, которые служили в качестве снарядов для пращи (табл. XVIII, 3), 64 обломка костей животных, преимущественно домашних (бык, свинья, овца, коза, лошадь), а также диких (лось, олень, вепрь), кости рыб (судак, осетр, сом, щука).

Сохранность других шести жилищ, открытых на вершине Бабиной Горы, примерно такая же. Они размещены вдоль узкой и длинной площадки холма, ориентированы длинными стенами к Днепру, то есть по линии север — юг, возле жилищ и внутри них располагались хозяйственные ямы.

В жилищах, хозяйственных ямах и вокруг них найдено много разнообразного археологического материала, почти не отличающегося от материала из жилища № 7. Это изделия из железа, в том числе отличной сохранности коса-горбуша длиной 37 см (табл. XIX, 20), куски железного полуфабриката — криц, ножи (табл. XIX, 18) с прямой спинкой (11 экз.), пять железных наконечников стрел (табл. XIX, 8), железные кольца с заходящими друг за друга расширяющимися концами (табл. XIX, 9), стержни круглые (табл. XIX, 15) и прямоугольные в сечении, служившие в качестве проколов и напильников, два отличной сохранности серпа длиной 17 и 19 см типа, изображенного на табл. XIX, 19, с крючком на конце для прикрепления рукоятки, два обломка таких серпов.

Встретились также обломки бронзоплавильных тиглей и каменных формочек для литья каких-то мелких украшений, три фибулы среднелатенской схемы (табл. XIX, 17), обломки каменных зернотерок, шары каменные и глиняные, глиняные диски с орнаментом в виде пальцевых (ногтевых) вдавлений с одной стороны (табл. XVIII, 2), конические с шершавой поверхностью

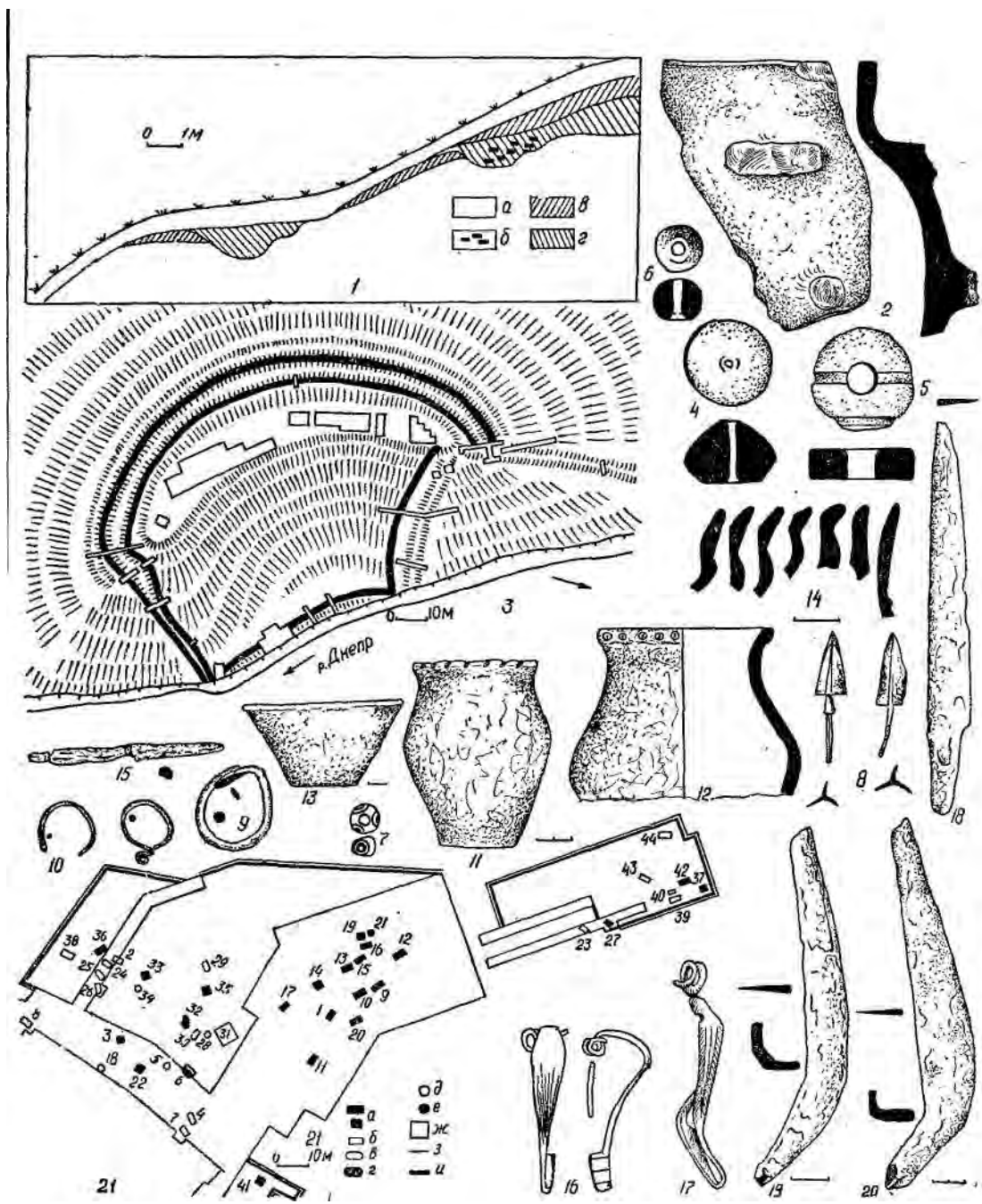

Табл. XIX. Поселение Бабна Гора (1—20) и могильник Дедов Шпиль (21).
 Легенда 1а — пахотный слой; б — уголь; в — остатки валов; г — засыпь рвов
 Легенда 21. а -- боупсожжения, б - труположения, в -- расчлененные скелеты, г - могилы эпохи
 бронзы, д - черепа, е — кенотафы; ж - раннескифский склеп; з, и — границы раскопов 1972, 1973 г.

крышки для горшков, пряслица плоские из стенок амфор и биконические, с узким отверстием (табл. XIX, 4—6), обломки красноглиняного кувшинчика античного производства (табл. XIX, 2) и амфор I в. до н. э.— I в. н. э., в том числе фрагмента амфоры с желудевидной ножкой из «коричневой глины», обломки костей животных — больше всего домашнего быка, затем овцы и козы, свиньи, лошади, а также лося, оленя, зубра, дикого кабана, бобра, барсука, рыб.

Интересные результаты дали исследования фортификационных сооружений городища Бабина Гора, которые в различных местах были перерезаны 14 поперечными траншеями общей длиной более 100 м (табл. XIX, 5).

Как отмечалось, Бабина Гора имела форму полумесяца, обращенного вогнутой стороной к Днепру. Вершина горы представляла собой ровную, но небольшую по размерам (5—10 X 100 м) площадку. Все склоны были достаточно крутыми, а восточный склон являлся недоступным для подъема обрывом.

Несмотря на созданные природой препятствия, вершина горы была укреплена сложной системой деревянно-земляных сооружений, возведенных в I в. до н. э., во времена сарматской и гетской экспансии в Северное Причерноморье и Нижнее Поднепровье, с которым, как уже отмечалось, зарубинецкая среднеднепровская область была связана тесными экономическими и культурными узами.

Площадку горы окружали две линии валов и рвов, которые шли под площадкой по западному склону от северной до южной оконечности холма. На восточном склоне такие укрепления построить было невозможно, да, собственно, в этом не было особой необходимости из-за большой крутизны склона, делавшей его неприступным. Тем не менее и с этой стороны укрепления были построены: от южной и северной око-

нечности их круто повернули на восток, они прошли по северному и южному склонам, а затем — по краю неширокой площадки, примыкавшей к подножью горы с востока. Такие же ровные и удобные для жилья площадки, но значительно большие по размерам, возвышавшиеся над поймой до 10—12 м, примыкали к Бабиной Горе с юга и запада. Так же, как и восточная площадка, они были в древности заселены, но укреплений не имели (табл. XIX, 5).

У вершины городища верхний и нижний ров имели ширину в 3 м при глубине 1,5 м. Что касается валов, то верхний вал, судя по сохранившимся и расплывшимся размерам его насыпи, имел высоту до 3 м, нижний же — около 1 м. По вершине верхнего вала проходил деревянный или плетневоглиняный частокол, от которого в верхнем рву удалось зафиксировать скопления угля, обгоревших плах и печины (табл. XIX, 1). Эти материалы указывают, что частокол сожгли сарматы, ибо при исследовании валов и рвов найдены железные трехлопастные черешковые наконечники стрел — основное оружие сарматов I в. до н. э.— I в. н. э. (табл. XIX, 8). Корреляция этих находок с другим датированным материалом, в частности античной керамикой, позволяет отнести это событие к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э.

При сооружении фортификационных устройств учитывались задачи обороны и конкретные условия местности. Так, валы и рвы, опоясывая вершину, сближались друг с другом на крутом южном склоне и отдалялись до 5 м на более пологом западном склоне. Подобный прием повторялся и на крутом юго-восточном склоне. А по гребню северного склона проходил земляной вал длиной 75 м, в который близ площадки упирались вершинные валы и рвы. Отсюда отходил в юго-восточном направлении еще один вал, оканчивавшийся у се-

верного конца восточной площадки (табл. XIX, 3). Так полностью был использован рельеф местности для постройки укреплений на Бабиной Горе.

После сарматского нашествия оборонительная система на Бабиной Горе была коренным образом перестроена, причем не только здесь, но и по всему Среднему Поднепровью, где наличие старых сожженных сарматами и построенных на их месте новых укреплений документально зафиксировано путем раскопок на Пилипенковой Горе, на городище Монастырек у с. Зарубинцы, на городище у с. Ходосовка близ Киева, то есть на всем пространстве, занятом правобережными зарубинецкими племенами.

Сооружение новых укреплений означало засыпку старых валов и рвов и постройку на их месте новых, более мощных насыпей типа эскарпов. На Бабиной Горе, так же как и на других городищах, земля для насыпки эскарпов бралась с близлежащих участков когда-то застроенной территории, культурный слой которой сносился иногда до основания. Его содержимое оказалось в заполнении зарубинецких рвов, нижний из которых стал фундаментом для эскарпа (табл. XVIII, 4); его ширина теперь составила 8—10 м при значительной крутизне, даже в настоящее время достигающей 35° (табл. XIX, 1).

Определить время сооружения эскарпов помогают находки из засыпи рвов. Здесь обнаружено много обломков чернолощенной посуды I в. до н. э. и I в. н. э., обломки амфорной керамики рубежа нашей эры — из коричневой глины и светлой глины с примесью черных частиц пироксена, обломки краснолаковых античных чашечек рубежа нашей эры. К этому же времени относится несколько погребений, открытых на расположенном рядом могильнике Дедов Шпиль.

Основным местопребыванием населения Бабиной Горы была не крепость, а

ровные, расположенные у воды, удобные для жизни площадки у подножья холма — южная, западная и восточная. Здесь везде зафиксированы следы жилищ и археологический материал зарубинецкого времени — в переотложенном виде на западной площадке в результате ее распашки под виноградник и в ненарушенном виде на южной и восточной площадках.

Из этих зарубинецких комплексов лучше сохранилось жилище № 8. Его остатки открыты в центральной части восточной площадки на глубине 0,5—0,8 м от современной поверхности. Хорошо прослеживались контуры северо-восточной стены длиной 3,6 м и северный прямой угол, жилище ориентировано углами по сторонам света (табл. XX).

В центре жилища обнаружена яма, выкопанная в песчаном желтом материковом грунте, забитая глиной. Диаметр ямы 0,3 м, глубина 0,4 м от уровня пола. Вероятно, это была столбовая яма. От северо-восточной стены до нее расстояние 1,6 м по перпендикуляру. К противоположной юго-западной стене расстояние составляло 1,8 м, поскольку здесь за пределами стены проходила граница хозяйственной ямы № 6, а известно, что в зарубинецкое время на Каневщине такие ямы-погребя чаще всего примыкали снаружи непосредственно к стенам, если не располагались внутри жилищ. Таким образом, длина северо-западной и юго-восточной стен составляла около 3,4 м, то есть жилище было почти квадратной формы.

Внутри жилища находились (близ северо-восточной стены) две хозяйственные ямы (№ 4 и 5) овальной формы длиной около 1 м, глубиной 0,45—0,5 м от уровня пола. Снаружи жилища возле стен располагалось еще три таких же ямы (№ 3, 6, 7). В яме № 3, примыкавшей к северо-западной стене, обнаружен большой сосуд для хранения продуктов — диаметр плеча 35 см, дна — 13 см,

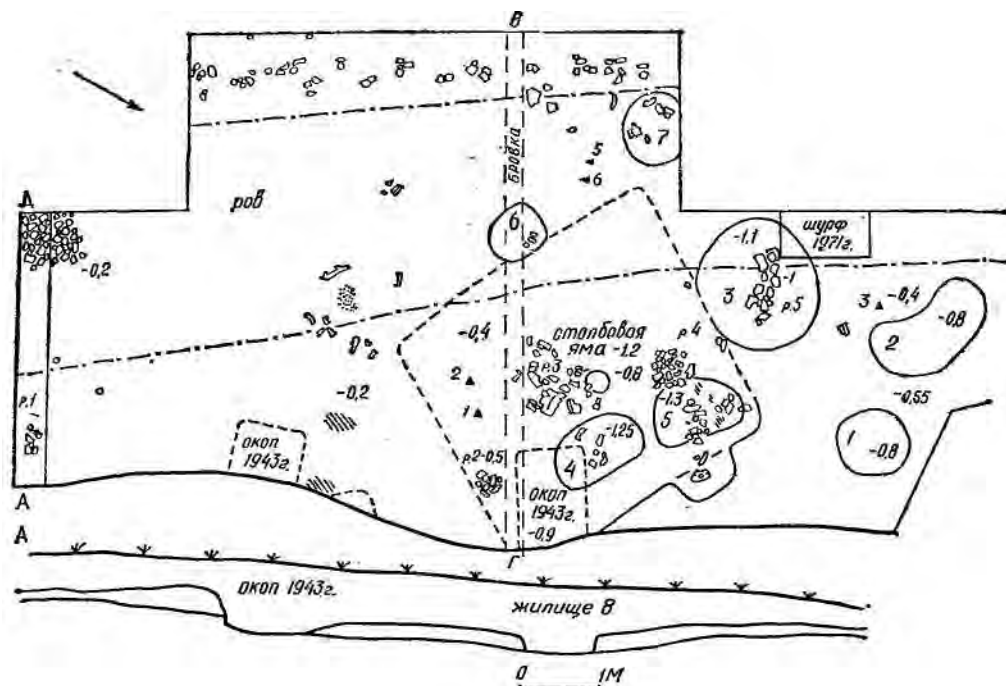

Табл. XX. Остатки сооружений на восточной площадке Бабиной Горы.

и верхняя часть тонкостенного горшка со средневысоким плечом и слабо отогнутым длинным венчиком диаметром 14 см, украшенным по краю насечками. Здесь же встретились обломки амфор и столовой чернолощеной керамики, кости животных. Из сосудов с шершавой поверхностью типа корчаг привлекает внимание обломок стенки, орнаментированный глубокими бороздками. В яме № 6 находилась нижняя часть округлобокого кухонного горшка небольшого размера, в яме № 7 — такой же примерно горшок и кости животных.

В центральной части жилища, близ столбовой ямы, на полу найдено четыре раздавленных горшка и корчаги со следами действия огня. Участок пола здесь также носил следы обожженности, он покрыт золой и углем. Вероятно, тут располагался очаг. Из найденных сосу-

дов следует выделить сильно деформированную корчагу с диаметром плеча около 30 см и высотой около 40 см. Венчик по краю украшен пальцевыми защипами, тулово — «хрповатое», с горизонтальными канавками, проведенными пальцами. Такой принцип обработки поверхности отмечается для первых веков нашей эры, а в более раннее время здесь неизвестен.

Другая корчага по плечу украшена валиком, расчлененным пальцевыми защипами, а тулово ниже валика покрыто штриховкой в виде вертикальных глубоких линий. Подобная обработка поверхности сосудов на зарубинецких памятниках до сих пор не встречалась.

Выделяется верхняя часть горшков с вертикальными очертаниями. Обнаружены обломки конических крышек для горшков с пустотелыми ручками и дис-

ки-лепешницы со сглаженной поверхностью, неширокие (диаметр венчика 16—18 см), но довольно высокие подлощенные миски с загнутым во внутрь краем. Миски такой формы появились в Среднем Поднепровье на рубеже нашей эры (Юрковица и Киселевка в Киеве, Корчеватский могильник, городища Монастырек и Пилипенкова Гора, поселение Завадовка). Бытовали они и в районах Ольвийской периферии (Золотая Балка), где прообразом для них послужили краснолаковые античные формы [Вязьмитина, 1962, рис. 65, 45; 75, 3, 5, 6].

В жилище № 8 найдены также обломки чернолощеной посуды — мисок диаметром 30—36 см по венчику, горшков и кружек. Типологически эта керамика близка находкам из жилищ верхней площадки Бабиной Горы, в частности жилища № 7.

Отметим находки индивидуального характера из жилища № 8. Это железный серп с рукояткой в виде крючка, перпендикулярного к плоскости лезвия, длина серпа 11,5 см, лезвие, шириной 1,5 см, имело слабую кривизну (табл. XIX, 19); плоская костяная пластинка трапецевидной формы с бронзовой заклепкой на одном конце (второй конец обломан), представляющая собой фрагмент накладки; фрагмент серебряного проволочного браслета, диаметр сечения 3,5 мм; железный сарматский трехлопастный черешковый наконечник стрелы со срезанными перпендикулярно к черешку лопастями. Такие наконечники стрел, встреченные в закрытых комплексах могильника Золотая Балка, датируются I в. н. э. [Вязьмитина, 1972, с. 31]. Аналогичные наконечники стрел найдены на верхней площадке Бабиной Горы, среди остатков сожженных укреплений, по-видимому, наконечник из жилища № 8 им современен (табл. XIX, 8).

Представляет интерес миниатюрный горшочек (высота 5 см), глина кото-

рого содержит много толченого гранита. Эта примесь к керамическому тесту не свойственна ранней зарубинецкой среднеднепровской керамике. Форма горшочка типична для зарубинецкой кухонной посуды и сочетание этих двух факторов — зарубинецкой формы и незарубинецкой керамической массы — указывает на рубеж нашей эры.

В заполнении жилища встретились также три прашевых каменных шара диаметром 5—7 см (типа табл. XVIII, 3) и обломки амфор светлой и розовой глины раннеримского времени.

Таким образом, жилище № 8 функционировало на рубеже нашей эры. Это сооружение было разрушено вместе с укреплениями Бабиной Горы во время сарматского набега в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э.

Здесь же, на восточной площадке, частично раскопано жилище № 9, погибшее во время пожара. В этом жилище, ориентированном стенами по сторонам света (пол находился на глубине 0,7 м от современной поверхности или 0,2 м от уровня материка), найдено много крупных и сильно обожженных кусков глиняной обмазки стен с отпечатками дерева на внутренней стороне и гладко оштукатуренных снаружи, обломки костей и керамики, в том числе фрагмент ребристого горшка, украшенного ямками по плечу. Керамика аналогична найденной в жилище № 8, что свидетельствует об их одновременности.

Зарубинецкий могильник Дедов Шпиль. Могильник, расположенный на берегу Днепра рядом с поселением Бабина Гора, составляет с ним единое целое в хронологическом и культурно-историческом отношении. Эти два памятника, дополняя друг друга, "дают представление о зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья в поздний период ее существования.

Сам Дедов Шпиль представляет собой, подобно Бабиной Горе, изолированную, но значительно более крупную го-

ру овальной формы, длиной по вершине около 200 м, а со склонами 470 м, шириной по центральной части 420 м. Холм вытянут по направлению СЗ — ЮВ, то есть параллельно берегу Днепра, имеет довольно крутые западный и южный склоны и более пологие северный и особенно — восточный, обращенный к реке. Вершина холма узкая, до 20 м и довольно ровная. В настоящее время склоны холма покрыты густыми рядами траншей, в которых в 1970 г. высажена сосна; траншеирование разрушило часть погребений и затруднило исследования могильника.

Нами здесь было открыто 52 погребения, размещавшихся в юго-восточной части холма на площади около 3600 м². В других его частях, как показала шурфовка, захоронений не было.

Зарубинецких трупосожжений оказалось 20. Из них 13 располагалось компактной группой по середине юго-восточного склона, занимая центральную часть могильника (табл. XIX, 21); 4 погребения находились в 70 м к западу от них, а 3 — в 120 м к востоку.

Трупоположения зарубинецкого времени обнаружены на окраине могильника: в западной его части (19 погребений) и восточной (5 погребений). Несмотря на сравнительно большое расстояние, отделявшее каждую группу друг от друга, между этими погребениями было много общего — в деталях обряда, ориентации и размерах могильных ям, составе погребального инвентаря, хотя имелись и некоторые различия, возможно, обусловленные небольшой разницей во времени захоронений.

Восемь погребений выходили за рамки зарубинецкой эпохи — пять из них относились к черняховскому времени, одна могила представляла собой семейный склеп раннескифского времени, VI в. до н. э., ограбленный и разрушенный в I в. н. э., на что указывает потерянная бронзовая фибула позднелатенского типа (табл. XIX, 16), два

погребения принадлежали скорченникам эпохи поздней бронзы.

Зарубинецкие трупосожжения представляют собой захоронения, близкие по обряду к погребениям известных среднеднепровских могильников — Пироговского и Корчеватского. На Дедовом Шпиле могильные ямы этих погребений имели прямоугольную или овальную форму при ширине 0,6—0,8 м, длине 1,2—1,7 м и глубине 0,3—0,6 м от современной поверхности. Отличительной особенностью трупосожжений была стабильность ориентировки ям — все они длинной осью направлены на ЮЗ — СВ, то есть перпендикулярно к береговой линии, к направлению течения Днепра.

Почти все трупосожжения по обряду оказались ямными захоронениями, лишь три из них были урновыми (№ 13, 41, 42).

В ямных могилах кости ссыпались непосредственно на дно ямы, занимая западную, удаленную от реки ее половину. Такое расположение останков погребенного отличает Дедов Шпиль от трупосожжений киевской группы зарубинецких памятников, хорошо известных по раскопкам Пироговского могильника. Здесь, на Пирогове, где могилы также располагались перпендикулярно к реке, кости размещались в противоположном конце могилы, то есть в восточной части ямы, а инвентарь — в западной.

На Дедовом Шпиле погребальный инвентарь находился, в основном, в восточной части ямы, ближе к Днепру. Кроме различных вещей, в центральной части девяти погребений (45% общего количества трупосожжений) обнаружены несожженные кости домашних животных — быка (в пяти погребениях) и свиньи (в четырех), представляющие собой остатки жертвенной мясной пищи.

Погребальный инвентарь представлен глиняной посудой (22 экз.), фибулами

(6 экз.), бронзовыми булавками (4 экз.). По ассортименту и пропорциональному количеству он не намного отличается от вещей, найденных в погребениях Пироговского и Корчеватского могильников.

Шесть горшков биконической формы имеют плечо на середине высоты сосуда, устойчивое дно, равное диаметру венчика, который у сосудов с лощеной поверхностью (4 экз.) прямой, почти цилиндрический, а у кухонных горшков отогнут наружу. Высота горшков 21—26 см (табл. XVIII, 5; XIX, 1, 3, 4).

Из девяти мисок семь имели все особенности, характерные для среднеднепровской столовой посуды этого времени — поверхности были лощеные, диаметр венчика 12—21 см, высота вдвое меньше (табл. XXI, 10—15). Две миски отличались небрежным изготовлением, шершавой поверхностью бурого цвета. Это были небольшие сосуды со слабо выраженным плечом и венчиком (табл. XXI, 16, 17). Их отличие от обычных лощеных столовых мисок указывает на изготовление специально по случаю погребения. Подобные мисочки известны в небольшом количестве среди материалов Корчеватского могильника, найдены они и в Пирогове.

Отличительной особенностью чернолощенных мисок Дедова Шпиля является наличие остроплечих сосудов и сосудов с кольцевым доньшком цилиндрической или конической формы, которые становятся известными на Среднем Поднепровье со второй половины I в. до н. э. Так, в погребении № 8 Пироговского могильника чернолощенная миска среднеднепровского профиля с граненым венчиком — хронологическим признаком, указывающим на время до рубежа нашей эры, уже имеет цилиндрическую ножку [Кубышев, Максимов, 1969, рис. 5, 10].

Аналогичная миска из погребения № 11 Дедова Шпиля датируется тем же

временем на основании найденных здесь двух проволочных фибул среднелатенской конструкции I в. до н. э. (табл. XXI, 23, 24).

Из шести кружек Дедова Шпиля три имеют прямой отогнутый наружу венчик и небольшую петлевидную ручку, которая соединяет его край с плечом (табл. XXI, 5, 7, 8); у трех других кружек прямой венчик отогнут лишь слегка или же вовсе не отогнут, а ручка начинается ниже края (табл. XXI, 6, 9). Отметим, что подобная кружка являлась урной в погребении № 42. Она была прикрыта большой фрагментированной конической крышкой и эта особенность указывает на связи с северо-западом, с Полесско-Припятским регионом или даже с областью поморской культуры, где накрытые урны были ритуальной нормой [Каспарова, 1969, с. 136].

Привлекает внимание уникальный для зарубинецкого керамического комплекса сосуд из погребения № 16 (табл. XXI, 21). Здесь найдена сероглиняная чаша античного производства с плавно отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и невысоким кольцевым доньшком. Плечо чаши опоясывали три рельефных канавки. Точную аналогию этой находке подыскать не удалось, но сероглиняные чаши этого типа с полусферическим туловом на кольцевой ножке, с тремя канавками по плечу, были распространены в Северном Причерноморье на рубеже эллинистического и раннеримского периодов. Их обломки известны на нижнеднепровских городищах, в том числе в Золотой Балке, где они встречены с материалами I в. до н. э. — I в. н. э. [Вязьмитина, 1962, рис. 76, 17].

В погребениях найдено шесть фибул среднелатенской схемы — четыре бронзовых и две железных. Бронзовые фибулы отлично сохранились, три из них — проволочные, причерноморского типа, I в. до н. э. (табл. XXI, 22—24),

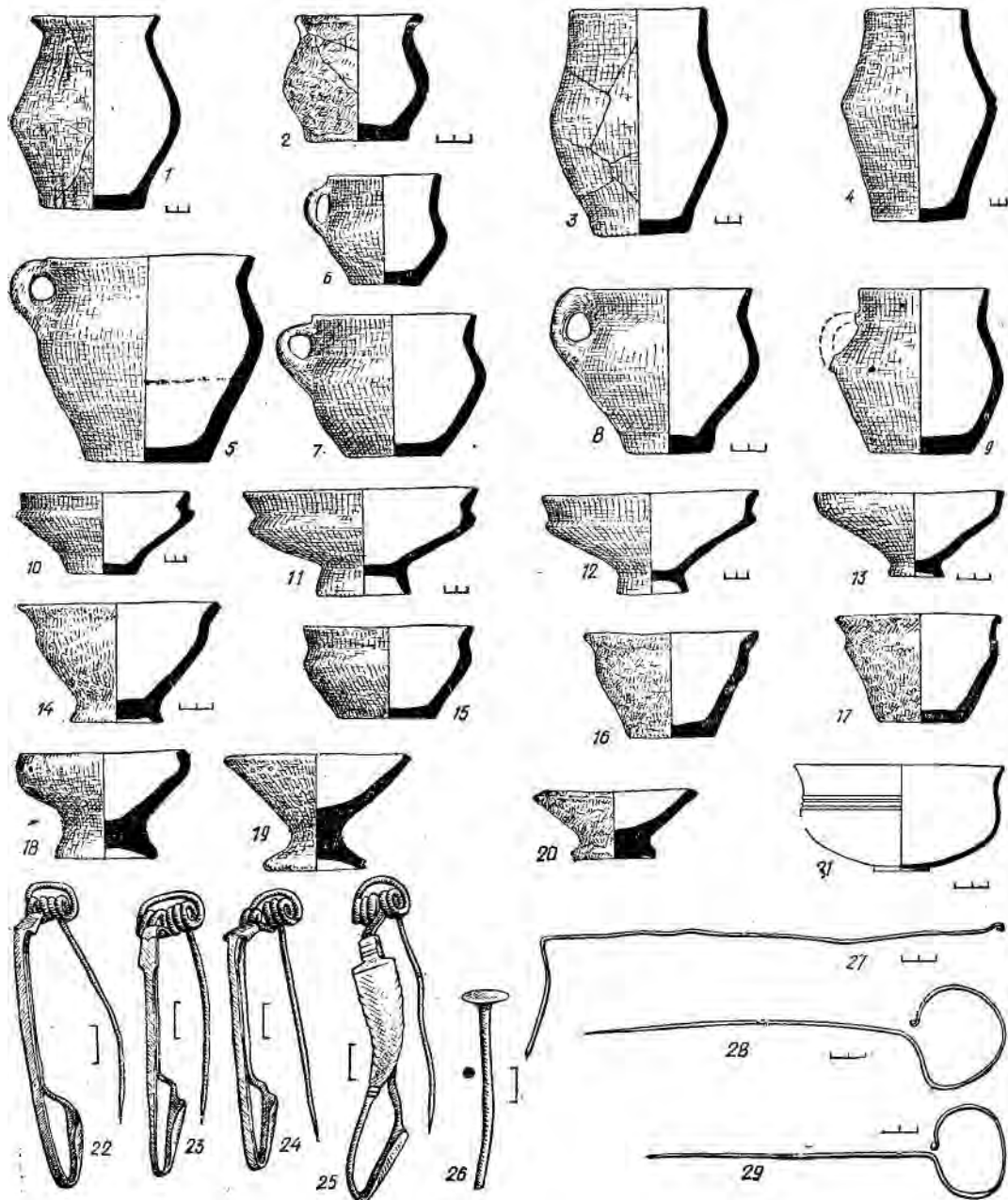

Табл. XXI. Инвентарь погребений Дедова Шпиля (1—29).

четвертая фиоула — заруинецкого типа, с загнутой на спинку ножкой в форме вытянутого треугольника, с орнаментальными косыми насечками по краю, последней трети I в. до н. э. (табл. XXI, 25) [Амброз, 1966, с. 17].

В составе погребального инвентаря найдены также четыре бронзовые булавки, из них три — однотипные, длиной 20—25 см, из тонкой, круглой в сечении проволоки, с кольцевидной головкой диаметром 5—6 см, причем конец проволоки, формирующей головку, загнут в маленькую наружную петельку (табл. XXI, 27—29). Четвертая булавка представлена лишь верхней частью, она имела плоскую гвоздевидную головку диаметром 1 см (табл. XXI, 26).

Булавка с кольцевидной головкой, аналогичная найденным на Дедовом Шпиле, обнаружена в одном из погребений зарубинецкого могильника в с. Триполье, на Девич-Горе, вместе с бронзовой фибулой III варианта зарубинецкого типа, двумя бронзовыми подвесками и биконическим лощеным горшком с низким плечом [Куза, Кубишев, 1971, с. 89].

Таким образом, датирующие материалы, найденные в зарубинецких погребениях с трупосожжением, позволяют определить время этих захоронений — в широких пределах I в. до н. э. — I в. п. э., а в качестве узкой даты ограничиться последней третью I в. до п. э. — первой половиной I в. н. э. Принимая во внимание небольшое количество этих чисто зарубинецких захоронений, узкая датировка зарубинецкой части могильника Дедов Шпиль представляется достаточно обоснованной.

Для более полного представления отличительных черт трупосожжений Дедова Шпиля приведем описания нескольких из них.

Безурновое (ямное) погребение № 11 находилось с Ю-З стороны группы зарубинецких трупосожжений. Могиль-

ная яма имела подпрямоугольную форму, углы были закруглены, по длинной оси ориентирована на ЮЗ — СВ. Длина ямы 1,5, ширина 0,75 м, глубина от поверхности 0,3—0,4 м. В центре ямы находились кальцинированные кости, а погребальный инвентарь занимал северо-восточную, то есть ближнюю к Днепру половину могилы (табл. XVIII, 9). Здесь найдены: чернолощенная миска с характерным для Среднего Поднепроятья профилем, граненым венчиком, на широком кольцевом поддоне цилиндрической формы (табл. XVIII, 5; XIX, 11). На миске лежала длинная бронзовая булавка с кольцевой головкой, которая, однако, еще в древности была распрямлена, сохранилось лишь ушко на конце. Ближе к центру стоял лепной кухонный горшок плохой сохранности, разрушенный бульдозером лесопосадки. Рядом с горшком лежала длинная проволочная бронзовая булавка с большой кольцевидной головкой и ушком на конце головки, а также хорошей сохранности бронзовая проволочная среднелатенская фибула причерноморского типа. Еще одна такая же по типу, размерам и сохранности фибула находилась рядом с костями. Время погребения — последняя треть I в. до н. э., скорее всего — конец I в. до н. э., если принять во внимание местоположение могилы (выше остальных по склону) и особенности чернолощенной миски (граненый венчик).

Урновое погребение № 42 находилось в восточной части участка, на котором располагались зарубинецкие трупосожжения. Могильная яма имела овальную форму с диаметрами 0,6 и 0,95 м. Глубина ямы составляла 0,45 м от современной поверхности. Кальцинированные кости лежали в чернолощенной кружке с ручкой, которая стояла в центре ямы. Кружка была накрыта обломками крупной, толстостенной конической крышки красного цвета с добавлением шамота в глине (табл. XVIII, 8).

Кружка крупная, отличного лощения (высота 12,5 см, диаметр венчика 17 см). Венчик высотой 6 см был почти вертикальным, плечо — высокое, небольшая кольцевая ручка соединяла середину венчика с верхней частью тулова.

Указанные особенности этих сосудов свидетельствуют о времени бытования не ранее рубежа нашей эры — начала I в. н. э.

Кроме типично зарубинецких трупосожжений, на могильнике исследована большая группа трупоположений зарубинецкого времени, наличие которой выделяет Дедов Шпиль среди других известных некрополей зарубинецкой культуры.

Как отмечалось выше, трупоположения располагались двумя группами на западной и восточной окраинах могильника (табл. XIX, 21). Более компактной была восточная группа, состоявшая из пяти погребений, совершенных в неглубоких (0,3—0,7 м) ямах прямоугольной формы размером 0,7—1,0 м X 1,7—1,9 м, ориентированных СЗ — ЮВ, что соответствует направлению береговой линии Днепра. Погребенные лежали на спине, головой на северо-запад, ноги вытянуты, руки в женских захоронениях часто согнуты в локтях и положены на живот и таз. В могилах похоронены: младенец с матерью, молодой мужчина и две женщины возраста 35—60 лет (табл. XVIII, 6).

В этих могилах-трупоположениях встречены немногочисленные предметы погребального инвентаря: в погребении № 23 — лепная миска небольших размеров (табл. XXIГ, 18) и бисер голубоватого цвета, синие бусы, украшенные белым зигзагом, в погребении № 39 — бронзовая серьга в виде незамкнутого кольца со спиральным завитком на конце (табл. XIX, 10), в погребении № 44 — серебряная проволочная подковообразная серьга (табл. XIX, 10).

В западной части обнаружено 19 тру-

положений, которые по особенностям обряда можно разделить на три группы: 1) полные трупоположения (одиночные или парные) типа встреченных на восточной окраине — таких здесь было девять; 2) расчлененные трупоположения (четыре могилы); 3) шесть захоронений черепов (табл. XIX, 21).

Примером трупоположений, размещенных на западной окраине могильника, может являться погребение № 8, которое находилось на вершине Дедова Шпиля. Неглубокая (0,5 м) могильная яма имела размеры 1,25 X 2,1 м и была ориентирована на СЗ—ЮВ. В могиле похоронены двое умерших, по-видимому, женщины, они лежали на спине, головой на СЗ, с вытянутыми ногами и согнутыми в локтях одной или двумя руками. Кости сохранились очень плохо, мелкие и тонкие кости не сохранились вовсе. У головы более рослого скелета стояла небольшая красноглиняная мисочка конической формы с кососрезанным венчиком и плоской ножкой (табл. XXI, 20). Наружная поверхность этого сосудика шершавая, а внутренняя — лощеная. У правой голени второго покойника стояла чернолощенная мисочка на небольшой пустотелой ножке с коническим туловом и прямым венчиком (табл. XXI, 13). Оба этих сосуда типологически близки мисочке из трупоположения № 23, открытого на восточной окраине могильника.

В парном погребении № 46 обнаружен фрагмент аналогичной коричневой подлощенной мисочки. Она имела полную коническую рюмковидную ножку. В одиночном погребении № 47 находился лепной округлобокий горшочек (высота 5,5 см) со слегка отогнутым наружу венчиком и грубым тестом с примесью крупного шамота, аналогичный найденному в жилище № 8 I в. н. э. (табл. XXI, 19). В погребении № 24 обнаружена мисочка с коническим туловом и пустотелой ножкой (табл. XXI, 19).

Отсутствие бус позволяет считать труположения в западной части могильника более бедными по сравнению с расположенными на восточной его окраине.

Расчлененные труположения (№ 4, 25, 29, 45) располагались на окраинах западной группы погребений. Представление об их виде дает описание погребения № 45. Его яма имела ту же ориентацию на СЗ—ЮВ, что и могильные ямы обычных труположений. Глубина могилы около 1 м от современной поверхности. В юго-восточной части могилы обнаружены череп, тазовая кость и кости рук, принадлежавшие женщине 18—20 лет. В центре ямы находились нижняя челюсть и длинные кости ног, а в северо-западной ее половине — остальные кости ног и ребра (табл. XVIII, 7). У дна могилы обнаружена небольшая лепная мисочка конической формы на невысоком поддоне, аналогичная найденным в погребениях с труположениями, а также бусы типа бисера из бледно-розового коралла, бронзовая трехлепестковая бляшка-розетка, янтарная бусина-подвеска.

Последнюю группу труположений составляют погребения черепов (№ 5, 18, 28, 34, 49, 50). Расположены эти могилы в различных местах западной группы погребений — как на периферии, так и в центре. Отличительной их особенностью является очень небольшая глубина захоронений (0,3—0,4 м), в связи с чем не удалось зафиксировать контуры могильных ям. В этих погребениях также не было ритуального инвентаря — за исключением глазчатой бусины янтарного цвета из захоронения № 34 (табл. XIX, 7). Все шесть черепов оказались младенческими, до 1 года, что позволяет предполагать естественный путь образования таких захоронений, когда другие косточки скелета, менее стойкие, чем черепные, попросту не сохранились.

Как известно, отдельные погребения

черепов встречались и на других зарубинецких могильниках. Одно время их рассматривали как отражение влияния в зарубинецкой культуре широко распространенного у кельтов кельта головы. Однако материалы Дедова Шпиля не подтверждают эту версию.

Характерные черты инвентаря труположений Дедова Шпиля позволяют отнести их ко времени рубежа нашей эры — I в. н. э. Аналогии найденной здесь керамике — мисочкам на пустотелой конической ножке и горшку, в большом количестве дают нижнеднепровские поселения и могильники позднескифского времени, такие как Золотая Балка, Любимовка, Гавриловка и Николаевка (табл. XV, 1—21). В частности^ небольших размеров лепные конические мисочки на ножке, с подлощенной поверхностью встречены во многих позднескифских женских и детских труположениях Золотобалковского могильника (могилы № 1, 9, 14, 70, 76, 90 и др.), которые датируются I в. до н. э.— I в. н. э. на основании совместно найденных фибул позднелатенского типа и дисковидных зеркал [Вязьмитина, 1972, с. 12—90]. Здесь же встречаются подобные по размеру и форме бусы и серьги [Вязьмитина, 1972, рис. 67, 68, с. 147]. Такие же мисочки из погребений Николаевского могильника относят к I в. н. э. [Сымонович, 1978, с. 98].

Особенности погребального обряда этих труположений могильника Дедов Шпиль указывают на их источник. Это поселения позднескифского времени на Нижнем Днепре. Появление на Дедовом Шпиле нижнеднепровских погребений было вызвано сарматской экспансией, в результате которой часть населения степного Поднепровья переселилась на север, на территорию современной Каневщины, занятой в то время зарубинецкими племенами.

Могильник Пуховка. Большой интерес представляют материалы из с. Пуховка, расположенного на правом бе-

регу Десны, у ее устья. В. В. Хвойка, по-видимому, раскопал здесь несколько погребений, из которых в Киевском историческом музее сохранилось пять сосудов [Петров, 1959, рис. 10]. Найденные в Пуховке сосуды можно сравнивать с формами, известными по другим зарубинецким памятникам. Это небольшая (диаметр венчика 11 см, высота 5 см) чернолощенная остроплечая миска, характерной особенностью которой, кроме эсвидного профиля, является еще и цилиндрическая форма придонной части. Эти же особенности отличают и другую чернолощеную миску, имеющую более вытянутые пропорции — ее высота составляет 8 см при диаметре венчика 11 см. У чернолощенной биконической кружки (высота 9 см) была сравнительно крупная ручка, а у чернолощенного с биконическим туловом кувшина, имевшего высокий и отогнутый наружу венчик, проходил по шейке слабопрофилированный валик. Аналогии этим сосудам можно найти в материалах Корчеватского могильника и других памятников Среднего Поднепровья [Максимов, 1972, табл. 6; 8]. Но горшок из Пуховки таких аналогий не имеет. Этот чернолощенный горшок приземистых очертаний отличало широкое и плавноокруглое плечо, расположенное посередине высоты сосуда, и, главным образом, ногтевой орнамент. Он образовывал шесть симметрично расположенных вертикальных полос, которые шли от плеча к днищу, причем каждая полоса состояла из трех линий параллельных защипов. Верхнюю часть тулова украшали восемь фестонов полукруглой формы, сделанных также при помощи защипов. Фестоны были обращены выпуклой частью вверх и имели вертикальную полосу из защипов внутри. Горло отделено от тулова горизонтальной канавкой. Подобные приемы орнаментации наружной поверхности сосудов можно найти в керамике памятников раннеримского времени Пови-

сленья и более западных областей.

Могильник Вишенки. Кроме Пуховки, на Среднем Поднепровье известно еще несколько памятников с материалами среднеевропейского облика. К их числу относится могильник с трупосожжением у с. Вишенки, расположенного в левобережной днепровской пойме в 20 км южнее Киева. Материалы из Вишенек не производят впечатления одновременных, по-видимому, они происходят из различных объектов как зарубинецкого *, так и более позднего времени. Ко II в. н. э. относится чернолощенный остроплечий горшок с прямым крупным венчиком, слегка отогнутым наружу, и четырьмя симметрично расположенными массивными ручками остроугольных очертаний (табл. III, 20). Подобные горшки-вазы характерны для памятников пшеворской культуры Юго-Восточной Польши [Nadaczek, 1909, т. R]. Аналогичные вазы найдены в Таценках и Рахнах.

Материалы из с. Грищенцы. Как известно, керамику и фибулы зарубинецкого типа В. В. Хвойка обнаружил у с. Грищенцы Каневского района Черкасской области. Кроме этих предметов, отсюда происходят три сильнопрофилированные фибулы западных типов с бусиной на дужке, относящиеся к первым векам нашей эры [Петров, 1959, с. 55]. Такая же фибула найдена в г. Ржищеве на Днестре, а две — в с. Хмельна у г. Канева [Петров, 1959, с. 55].

Большое количество таких фибул (24) происходит с территории Поднепровья, которое, как свидетельствуют археологические материалы других типов, было основным направлением продвижения пшеворских и иных северозападных племен к Югу в первые века нашей эры.

В это время на Среднем Поднепровье

* В 1979—1982 гг. в Вишенках было обнаружено более 60 зарубинецких погребений I в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки С. П. Пачковой.

появляются поселения и могильники небольших размеров, со слабо выраженными признаками оседлой жизни. Вероятно, эти памятники отражают состояние нестабильности зарубинецкого общества, образовавшееся в период кризиса I в. н. э. — накануне, во время или непосредственно после сарматского нашествия.

Другой отличительной чертой этих памятников следует считать наличие в их материальной культуре элементов западного или северо-западного типа, о которых речь шла выше, причем степень концентрации этих элементов на различных памятниках бывает разной, отражая конкретные условия времени и места события, особенности исторической обстановки.

На Среднем Поднепровье хорошо известны около двух десятков таких памятников, большая часть которых находилась в пойме Днепра. Это могильники Лыбедь (Караваевы Дачи) и Трахтемиров, поселения Вита Литовская, Чапаевка, Койлов, Стретовка, Мошны, Свиदेвок, Черкассы. Такие же памятники известны на р. Тетерева — возле Житомира, на р. Десне — Хотяновка, Погребы, Киселевка, на малых реках, впадающих в Днепр, например на Бобринце (Пищальники, Куриловка, Тростянец).

В действительности, подобных малых поселений и могильников было в это время во много раз больше, на что указывают сообщения о результатах разведок, проводимых специалистами и краеведами, материалы которых еще не введены в научный оборот. Так, например, сотрудниками Института археологии АН УССР, вузов, краеведческих музеев и местными краеведами [открыты] новые поселения зарубинецкого типа в Черкасской (Орловец, Даховка, Деренковец, Бабурина гора), Киевской (Гребени, Барышевка, Песчаное), Винницкой (Пархомовка), Черниговской (Еловщина, Александровка,

Белоус, Радичев), Полтавской (Редуты, Соловка) областях — список этот несомненно будет пополняться.

При таком подходе к изучению положения, сложившегося на Среднем Поднепровье в поздний период зарубинецкой культуры, представляется очевидным, что на этой территории создавались новые формы как в сфере материальной культуры, так и в области социально-экономических отношений.

Более подробную информацию о таких небольших зарубинецких памятниках этого времени дают поселение Тетерева и могильник Хотяновка.

Поселение Тетерева находилось на левом берегу р. Тетерев, в Коростышевском районе Житомирской области, у с. Тетерева, на небольшом мысу площадью до 1 га, образованном крутой излучиной реки и возвышавшемся над водой всего на 2—3 м.

Площадь поселения была перерезана двумя поперечными двухметровыми траншеями длиной в 100 и 92 м [Куза, 1964, с. 34]. Культурный слой здесь совпадает с пахотным, имеет толщину до 0,2 м и очень слабую насыщенность. На участках с наиболее мощным культурным слоем произведены раскопки на площади около 1150 м². Здесь удалось обнаружить шесть ям и собрать около 1000 обломков керамики, которые концентрировались, главным образом, вокруг этих ям. Ямы оказались различными по размерам и форме, круглыми и подпрямоугольными в плане, глубиной до 0,6 м, заполненными песком, золой, мелкими угольками. Определенного порядка в расположении ям не установлено. Возможно, ямы входили в состав жилых сооружений наземной конструкции, контуры которых уничтожены разливами рек и многолетней распашкой грунта.

На раскопанной части поселения собран материал, который может дать представление о памятнике.

Керамику можно разделить на две

группы. Первую группу — до 20 % общего числа находок — составляли лощенные сосуды, вторую — сосуды с бугристой, шероховатой поверхностью. Однако примесь в глиняном тесте у них была единая — дресва. Только лощеная керамика изготовлена намного тщательней — из хорошо отмученной глины, с добавлением измельченной примеси, хорошо обожжена.

Лощеная керамика представлена мисками с хорошо выраженным плечом и прямым, а также плавно отогнутым наружу небольшим венчиком. На Среднем Поднепровье таких мисок нет, аналогии им следует искать в северных памятниках, например, в керамике могильника у с. Погост Гомельской области, открытого на правом берегу Припяти, близ устья Ствиги. Два исследованных здесь захоронения относятся к поздним по времени памятникам полесской группы зарубинецкой культуры и могут быть датированы на основании трапецевидной бронзовой подвески и железной подковообразной пряжки I в. н. э. [Поболь, 1968, с. 126—128]. Чернолощеных обломков мало, преобладает серо- и красно-коричневое лощение, что косвенно указывает также на время после рубежа нашей эры.

Среди обломков кухонной посуды выделяется небольшая группа — всего несколько процентов — керамики с заглаженной поверхностью. Для остальных же характерно очень низкое качество работы: примесь крупная, обжиг плохой, что привело к расслаиванию черепков, стенки очень толстые — до 2,5 см. Горшки имеют отогнутый венчик, профилированную или прямую шейку, широкое отверстие, раздутое тулово и плоское дно. Некоторые венчики украшены защипами. Один из фрагментов принадлежал ребристому сосуду с пальцевыми вдавлениями по плечу, обнаружено несколько обломков глиняных дисков — гладких или орнаментированных ямками. Найдена также бронзовая

булавка из круглой в сечении проволоки с петлевидной головкой, кусок шлака и обломок льячки.

Могильник у с. Хотяновка находился на первой надпойменной террасе правого берега Десны, в 15 км от ее устья. Высота террасы небольшая, около 2—3 м над уровнем воды. Могильник занимал небольшое всхолмление размерами 150X200 м, где и располагались погребения, которых оказалось шесть. Однако, по-видимому, их было больше, поскольку часть центральной территории могильника, занятая постройками и огородами, не была исследована.

Могильник обнаружен во время хозяйственных работ на огороде, при этом два погребения были разрушены, но, к счастью, инвентарь поступил в коллекцию Института археологии АН УССР. Затем автором были проведены шурфовка и небольшие раскопки, в ходе которых удалось установить площадку, занятую могильником, и исследовать еще четыре погребения, не отличавшихся по обряду от первых двух. Погребения располагались в западной части всхолмления на расстоянии от 3 до 14 м друг от друга [Максимов, 1969, с. 49].

Глубина захоронений составляла 0,65—1,0 м от современной поверхности. Удалось установить контуры лишь одной могилы (№ 4), у других погребений они не прослеживались, однако, судя по расположению костей и погребального инвентаря, эти погребения, по ориентации и размерам ям, не отличались от № 4 (табл. XXII, 5).

Все они были трупосождениями на стороне с последующим захоронением остатков кремации на дне могильной ямы. Количество костей небольшое, кости чистые, без следов погребального костра. Размеры могильных ям — ширина 0,5—0,7 м, длина 1,0—1,6 м, обычны для зарубинецких могильников Среднего Поднепровья, обычна и ориен-

тация погребальных сооружений — по линии восток — запад, то есть перпендикулярно направлению течения Десны. Ритуальный инвентарь помещен в восточной части ямы (могилы № 4 и 5), ближе к реке, а кости — в западной, отдаленной части (табл. XXII, 5). Этой деталью погребального обряда упомянутые погребения отличаются от захоронений Пирогова. Впрочем в погребении № 2 ритуальное расположение костей и сосудов было аналогично пироговским. Во всех могилах набор инвентаря одинаков — горшок и миска. Горшок ставили у края могилы, миску же — ближе к ее центральной части (табл. XXII, 5).

Привлекает внимание отсутствие сосудов с ручками — явление, вероятно, также хронологического порядка, на что указывает, например, отсутствие такой керамики в Суботовском могильнике — одном из наиболее поздних могильников Среднего Поднепровья [Максимов, 1960], в памятниках I в. н. э. на Южном Буге и Верхней Десне.

Сосуды Хотяновского могильника, составляющие погребальный инвентарь, представляли собой предметы бытового назначения, имели обычные размеры, выглаженную поверхность черного или серо-коричневого цветов. Горшки по форме относятся к биконическим, плечо высокое или среднее (табл. XXII, 5, 7). Венчик средних размеров отогнут наружу. Под венчиком, на шейке у одного из горшков проходил слабо выступающий валик (табл. XXII, 5), у другого горшка по плечу шли симметрично расположенные налепы в виде буквы Л, выполненные невысоким валиком [Максимов, 1972, табл. III, 7]. Ближайшей аналогией этих видов орнамента является чернолощенный горшок, найденный на Лютежском поселении (табл. XVI, 13). Оба эти сосуда по характеру орнамента отражают влияния, восходящие своими истоками к культурам Юго-Запада, которые на По-

Табл. XXII. Могильник Хотяновка на Десне (1-7).

днепровье наиболее отчетливо представлены в материалах нижнеднепровских городищ [Вязьмитина, 1969, с. 119 и ел.]. Распространение этого влияния на керамику зарубинецкой культуры следует относить, главным образом, к периоду, наступившему после появления в Северном Причерноморье гето-дакийских отрядов Бурбисты, то есть к концу I в. до н. э. и рубежу нашей эры, что косвенно подтверждает позднюю

дату сосудов с таким наклепным орнаментом, найденных на зарубинецких памятниках Поднепровья, в том числе и на могильнике у с. Хотяновка.

Что касается четырех мисок из хотяновских погребений, то все они — и две широкие, но низкие, и другие две — узкие и высокие — своими особенностями не похожи на миски среднеднепровского типа, распространенные в период расцвета здесь зарубинецкой культуры. Три миски имеют острое плечо (табл. XXII, 1, 3, 4), которое появляется в керамических комплексах Среднего Поднепровья лишь в римское время. Керамика такого профиля в этот же период распространяется и в культурах более западных территорий.

Истоки этой новой формы мисок мы видим в античной керамике. Именно в конце I в. до н. э. — на рубеже нашей эры здесь появляются в массовом количестве миски с вертикальным венчиком, а также столовая посуда с острым профилем плеча и венчика. Эти новые формы широко и быстро распространились в культурах европейских племен, более или менее связанных с античностью. Поэтому такая керамика повсюду в I—II вв. н. э. встречается повсеместно не только на поселениях Северного Причерноморья типа городища Козырка близ Ольвии [Бураков, 1976, табл. 7; 9], но и в далеком от Причерноморья Почепе [Заверняев, 1969, рис. 10] и не менее удаленной Германии [Die Germanen, 1976, Abb., 107, 113].

Определить дату Хотяновского могильника можно лишь по типологии керамики и особенностям орнамента — острорезной профилировке мисок и паленному подковообразному орнаменту горшка. Однако и эти аргументы представляют нам достаточно вескими, чтобы отнести Хотяновку к рубежу нашей эры — I в. н. э.

Культурная принадлежность Хотяновского могильника не вызывает сом-

нении. Памятник своими корнями уходит в зарубинецкую культуру Среднего Поднепровья, по обряду и керамике он аналогичен могильникам киевской группы — Пироговскому и Корчеватскому. На последнем также обнаружены высокие миски острорезной профилировки и хотяновским мискам из погребений № 4 и 5 (табл. XXII, 1, 2) [Максимов, 1972, табл. VIII, 18; Самойловский, 1959, табл. III, 65].

Небольшие памятники, подобные Хотяновскому могильнику, хорошо известны на Среднем Поднепровье. Это Трахтемиров и Ходоров на Днестре, Новоселовка и Казаровичи-Цегельня на Ирпене, Райки на Тетере, Богуслав на Рось [Максимов, 1972, табл. 11, 10, 11; XIV, 4]. Примечательно, что эти позднерубинецкие поселения и могильники не содержат материалов, которые бы указывали на наличие какого-либо постороннего этнокультурного включения. Здесь не встречены сарматские материалы, как в Суботове, или профилированные фибулы европейского типа, как в Грищенцах, или глазчатые фибулы, как в Таценках или Лютеже. На обширной зарубинецкой территории Среднего Поднепровья в конце I в. до н. э. — в I в. н. э. сосуществовало, очевидно, зарубинецкое население и смешанные по культуре и, вероятно, этносу группы. В этой связи большой интерес представляют памятники Южного Буга и Днестра.

Памятники Южного Буга и Днестра. Изучение поселений и могильников зарубинецкого типа времени рубежа и первых веков нашей эры в бассейне верхнего течения Южного Буга относится к послевоенному времени, когда в 1947 г. Д. Т. Березовец провел здесь археологические разведки, во время которых было открыто десять памятников [Березовец, 1952, с. 209].

Количество этих памятников значительно возросло в результате планомер-

ных исследований П. И. Хавлюка, начатых им в 1950 г. Исследователь открыл здесь около 30 поселений и могильников [Хавлюк, 1971, с. 84].

О наличии памятников рассматриваемого типа в Верхнем и Среднем Поднестровье стало известно из публикации Б. А. Тимощука и И. С. Винокура, относящейся к 1962 г. [Тимощук, Винокур, 1962, с. 73]. Тогда же ими и Д. А. Мачинским было высказано мнение о принадлежности этих памятников (типа Круглик) к зарубинецкой культуре [Мачинский, 1965, с. 71].

Большое количество материалов зарубинецкого типа получено в результате археологических работ на территории водохранилища Могилев-Подольской ГЭС, а также вследствие выделения материалов этого времени на многослойных и меоокультурных памятниках, произведенного Г. И. Смирновой, В. Н. Цыгиликом, В. Д. Бараном, Л. И. Крушельницкой [Смирнова, 1970, с. 30; Цыгилик, 1971, с. 18].

Важные сведения дали также многолетние разведки и раскопки в районе междуречья Днестра и Западного Буга, проведенные Д. Н. Козаком и В. К. Воляником [Козак, 1977, с. 71; Воляник, 1972].

Накопленный материал дает интересную информацию, связанную с этнокультурной историей Побужья и Поднестровья на рубеже нашей эры. На р. Собь — левом притоке Южного Буга П. И. Хавлюк обнаружил «гнездо» зарубинецких памятников этого времени, из которых наиболее известны поселения Марьяповка, Носовцы, Рахны [Хавлюк, 1971, с. 84-96].

Поселение Марьяновка расположено в 2 км к югу от с. Марьяповка Гайсинского района Винницкой области, на левом берегу р. Собь. Оно находится в низине, на первой надпойменной террасе [Хавлюк, 1971]. Культурный слой лишь вблизи жилищ и хозяйственных сооружений достигает мощности 0,5 м.

В восточной, удаленной от реки, части поселения были исследованы остатки четырех жилых и шести хозяйственных сооружений. Жилища сохранились очень плохо, контуры их проследить не удалось, они определялись по наличию частично сохранившихся очагов и концентрации археологического материала. В жилище № 1 на глубине около 0,5 м найдено много керамики, обнаружены под очага площадью 1 м², железный серп с боковой ручкой, нож и шпора (табл. XXIII, 4). Вблизи этого скопления материала найдены две глазчатые бусины, пирамидальная ажурная бронзовая подвеска (табл. XXIII, 3), два железных ножа, фрагмент струга и серпа, бронзовое колечко с шпечками (табл. XXIII, 5), бронзовые пронизи, миниатюрные сосудики, пряла из стенок амфор и глины.

Вблизи этого жилища находилось шесть круглых в плане хозяйственных ям глубиной до 1 м, с вертикальными стенками, где встретились обломки простой и лощенной керамики, амфор, куски древесного угля, кости животных, фрагмент каменного жернова диаметром 0,5 м, фибула с высоким прорезным приемником, обломки античной столовой посуды (табл. XXIII, 1, 6—14).

П. И. Хавлюк датировал это поселение I в. до н. э. — I в. н. э. Здесь действительно встречены материалы I в. (шпора, жернов, узкогорлая амфора), что дает основание отнести возникновение Марьяновки к самому рубежу нашей эры. Эта датировка подтверждается чернолощенным материалом. Здесь найдены остроплечие миски и миски с вертикальным венчиком, появившиеся на рубеже нашей эры. Миски с утонченным краем и простая керамика, среди которой имеются образцы с отогнутым наружу утолщенным венчиком [Хавлюк, 1971, рис. 1, 4], характерны также и для памятников юго-восточного региона пшеворской культуры [Козак, 1977, рис. 6, 5]. Западное

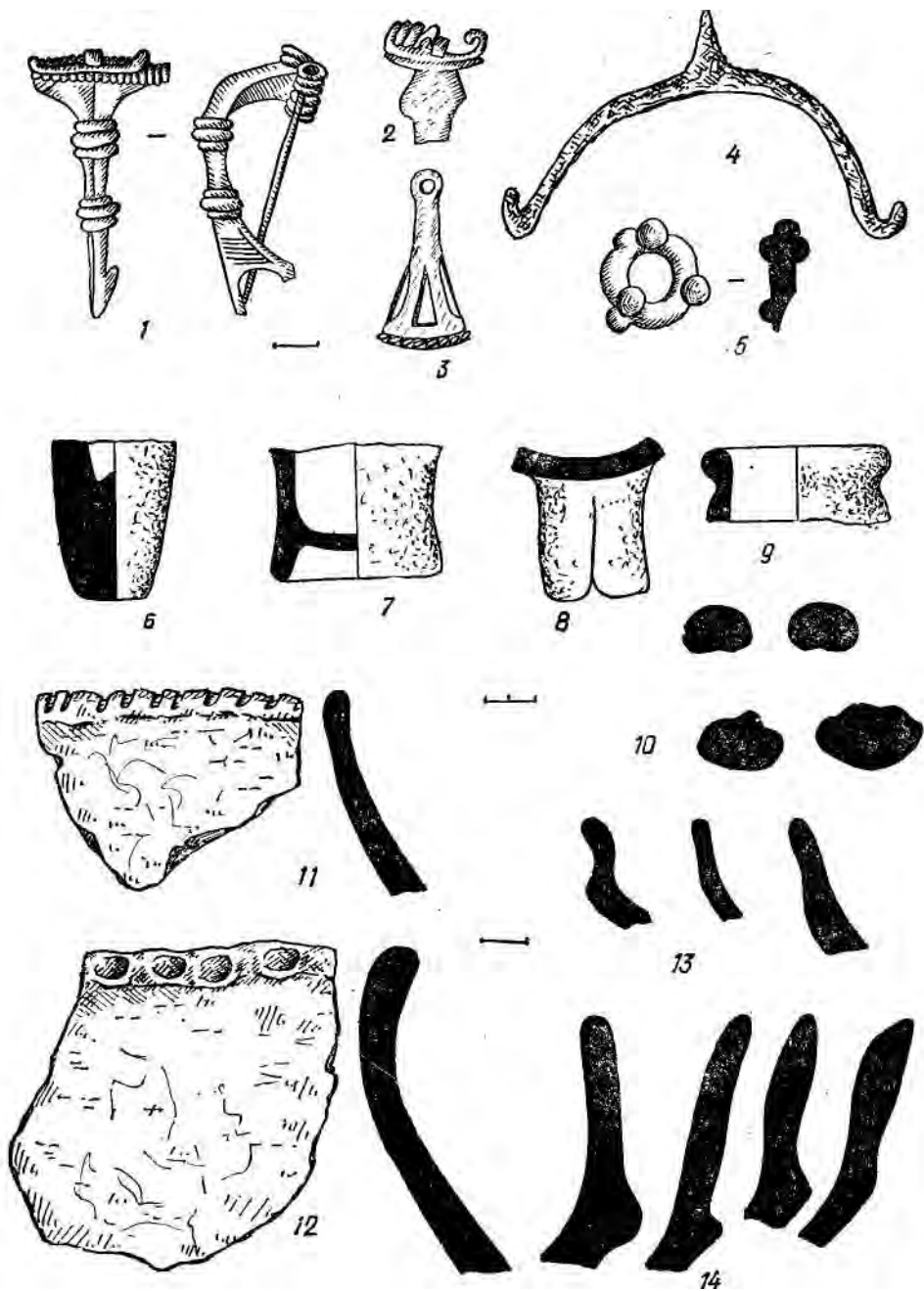

Табл. XXIII. Поселение Марьяновка па Южном Буге (1—14),

происхождение имеет одночленная фибула с двумя валиками на дужке и очень высоким приемником (табл. XXIII, 1). *Поселение Носовцы* расположено на плато правого берега р. Собь близ с. Носовцы Гайсинского района Винницкой области. На вспаханной поверхности четко фиксировались пятна жилищ и остатки очагов [Хавлюк, 1971, с. 88]. При исследовании одного из таких пятен выявлены разрушенный под очага и "обломки керамики. Второе пятно дало возможность установить уровень пола, на котором лежали куски глиняной обмазки стен с отпечатками прутьев. Однако контур жилища зафиксировать не удалось. На остатках пола находились обломки керамики, аналогичной найденной в Марьяновке. Возле жилища была хозяйственная яма с керамикой и костями животных в заполнении. Жилище дало довольно много находок: обломок ножа, пастовую подвеску в виде сидящего льва, обломки амфор из коричневой глины с широким горлом и овальными в сечении ручками, обломки светлоглиняных амфор I в. до н. э. — I в. н. э., которые и определяют время этого поселения.

Это подтверждает подвеска из пасты в виде сидящего льва — предмет александрийского изготовления; распространение подобных изделий в глубинные области Северного Причерноморья, по мнению специалистов, относится к началу I в. н. э. [Пиотровский, 1957].

Таким образом, эти поселения характеризуются слабо выраженным культурным слоем, остатками жилых и хозяйственных сооружений.

Жилища позднезарубинецкого времени размещались на различном расстоянии друг от друга и без определенного плана в застройке, хотя можно заметить стремление селиться у обрыва плато или вдоль берега реки (Марьяновка). Глубина пола редко превышала 0,5 м от современной поверхности, форма жилищ — квадратная или прямо-

угольная (4x4 м). Часть жилищ, подобно среднеднепровским, имела каркасную конструкцию обмазанных глиною стен, открытый очаг, хозяйственные ямы-погребца, соорудившиеся в одном из углов (Носовцы). Однако в этом регионе, главным образом, на поселениях II в. н. э. (Рахны, Слободка) зафиксированы жилища другой, не каркасной конструкции. По-видимому, их стены представляли собой бревенчатые срубы. Обычно они были неглубокими (0,5 м) с небольшой купольной печью в центре, появление которой также указывает на позднюю дату памятника [Хавлюк, 1975, с. 7, 8].

Керамический материал поселений пар. Собь можно разделить на три группы: самой многочисленной являются обломки кухонной шершавой посуды серого цвета с отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю насечками или пальцевыми ямками. Это — корчаги, кухонные горшки средних размеров, глиняные диски, конические крышки с пустотелой ножкой (табл. V, 18—21). Ассортимент этой посуды, ее формы и технология — все это полностью и целиком соответствует образцам посуды с зарубинецких поселений Среднего Поднепровья конца I в. до н. э. — I в. н. э. [Максимов, 1972, табл. XII, XVIII].

Вторую группу составляют обломки лощеных сосудов черного и серо-коричневого цветов, принадлежащие в основном мискам, кувшинам, чашам на коническом поддоне, миниатюрным сосудикам (табл. V, 22—25).

Среди венчиков мисок обычного профиля, то есть отогнутого наружу, с выраженным в разной степени четкости ребром, встречаются экземпляры с вертикальным или даже наклонным вовнутрь прямым венчиком. Венчики, как правило, длинные и не имеют грани, они обладают всеми признаками сосудов, характерных для позднего периода зарубинецкой культуры.

Третья группа керамики представлена античным импортом — обломками сероглиняных мисок и, главным образом, светло-желтых и красноглиняных амфор с примесью пироксена в тесте. Это обстоятельство, а также формы шейки, одно- или двухствольных ручек, конического или узкоцилиндрического дна определяют время бытования этих амфор в основном концом I в. до н. э.— I в. н. э.

На поселениях встречены: железные серпы с боковой ручкой, ножи с прямой спинкой, шилья, обломки жерновов, бронзовые трубочки-пронизи, бусины из стекла и пасты, профилированная фибула европейского типа I в. н. э. [Хавлюк, 1971, с. 89].

На Поднестровье материалы зарубинецкого облика обнаружены на поселениях Бронница и Григоровка [Хавлюк, 1975, рис. 1].

Поселение Бронница находится непосредственно на левом берегу Днестра. Найденные здесь обломки керамики во многом аналогичны материалам Южного Буга из Марьяповки и Носовцев.

С площади известного памятника Скифии — Григоровского городища — происходят керамика и вещи из металла зарубинецкого типа, полученные при раскопках М. И. Артамонова в начале 50-х годов [Артамонов, 1955, с. 104].

Григоровское городовище расположено в 10 км от Бронницы и между керамикой двух этих памятников фактически различий нет. Железный псалий, однако, аналогий не находит. Зато григоровские серпы с вертикальными шипами для крепления, булавки, пронизки соответствуют найденным па Южном Буге таким же предметам, что дает основания эти два поднестровских памятника сопоставлять по времени и историко-культурным особенностям с памятниками бассейна Южного Буга типа Марьяновка.

Вольнь. На основании небольшого количества материалов западного об-

лика трудно доказать, что приход сюда нового населения вынудил древних обитателей Полесья оставить обжитые места. Видимо, правильное рассматривать эти материалы как свидетельство начала движения северо-западных племен, которое позднее, в конце I в. н. э., привело к обезлюдению Полесья и появлению в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э. на Волини и Подолии памятников зарубинецкого типа.

Эти немногочисленные памятники в районе правых притоков Припяти, по размерам они невелики, недолговременны, а поздняя их хронология и близость к припятским показывают, где следует искать их истоки.

Могильяны. Одним из таких наиболее известных памятников является могильник возле этого села, открытый в 1953 г. при сооружении школы. Могильник раскапывали в 1955 г. М. Ю. Смишко и в 1970 г. К. В. Каспарова, на нем обнаружено 13 погребений [Смишко, 1957, с. 54—57; Каспарова, 1973, с. 65—72].

Могильник располагался на невысокой доне правого берега Горыни, его площадь составляла около 6000 м², но исследовать удалось лишь небольшую ее часть, остальная же оказалась занятой школой.

Материалы семи наиболее достоверных погребений дают представление об особенностях погребального обряда этого могильника. Здесь обнаружены трупосожжения ямного и урнового типа, совершенные на глубине 0,5—0,8 м от современной поверхности. В ямных погребениях остатки кремации размещались в восточной части могилы. Берег реки здесь имеет направление восток — запад, следовательно, могильные ямы, контуры которых не просматривались, были ориентированы параллельно течению реки — как на Припяти. Западную часть могилы

занимали сосуды, которые, как правило, образовывали типичный для зарубинецкой культуры набор из трех предметов — горшка, миски и кружки. Иногда эти сосуды заменялись миниатюрными модельками. Кроме керамики, лишь в одном погребении была найдена большая бусина овальной формы с цветными разводами, в другой могиле встретился обломок железного предмета.

Все сосуды, найденные на могильнике, кроме трех миниатюрных и одной кружки, лощеные. Формы сосудов достаточно разнообразные. Это три типа горшков, аналогичных известным из погребения Е 1969 г. (табл. XXIV, 1, 2), а именно I, II и III типы, выделенные К. В. Каспаровой на материалах Отвержичей [Каспарова, 1969, с. 140—144; 1973, с. 69-70]. Это миска ' на высокой ножке со сплошным поддоном (табл. XXIV, 3), повторяющая формы, распространенные на Полесье [Каспарова, 1969, рис. 6, 15; 10, 12, 13 и др.]. Кружки с крупными кольцевыми утонченными ручками (табл. XXIV, 5, 6) и конические мисочки также повторяют полесские формы [Каспарова, 1969, рис. 13, 16, 17].

Однако формы трех сосудов можно сравнивать не только с полесскими, но и со среднеднепровскими. Это горшок из погребения Е. 1969 г. (табл. XXIV, 2), который по своим пропорциям и изгибу шейки аналогичен керамике, известной из Корчеватского могильника [Максимов, 1972, табл. VII, 3], Или миска из найденных в 1954 г. (табл. XXIV, 4), которая повторяет профилировку поздних вариантов среднеднепровских типов, известных по Пироговскому могильнику [Максимов, 1972, табл. X, 10]. Найденная на территории могильника кружка с небольшой, изломанной под острым углом ручкой в деталях повторяет форму подобных сосудов из Корче-

ватского могильника [Максимов, 1972, табл. VIII, 19].

Приведенные примеры со всей очевидностью доказывают, что в могилах преобладали как в деталях погребального обряда, так и в керамическом комплексе полесские черты. А некоторые признаки, характерные для среднеднепровской зарубинецкой культуры, говорят скорее о наличии днепровско-полесских связей, чем днепровско-волынских.

На припятскую группу зарубинецкой культуры как на первичную базу волинских памятников зарубинецкого типа указывал и М. Ю. Смишко, опубликовавший их обзорную сводку [Смишко, 1976, с. 8]. Сводка содержит сведения о десяти таких памятниках!, разместившихся очень неравномерно на огромной по размерам территории.

Большая часть их обнаружена в нижнем течении р. Стырь. Это поселение Бышляк, Великие Толковичи, Мульчицы, Муравин, а также Гнедава — в среднем течении р. Стырь. В районе упомянутых выше поселений находятся и нижнестырские могильники Зеленица и Иванчицы. На Стоходе расположены могильник Черск и, в верхнем течении этой реки, поселение Подрижье, давшее материалы смешанного культурного облика, в котором есть и полесско-зарубинецкие черты [Воляник, 1972].

Кроме Могильянского могильника на Горыни к этой группе волинско-полесских памятников I в. до н. э. — I в. н. э. следует отнести и могильник Сапожин в междуречье Горыни и Случи. Поселения этого района не раскапывались, известно только, что, подобно припятским, они располагались вблизи рек, на невысоких всхолмлениях и не имели оборонительных сооружений.

Подолье. Особую группу составляют материалы более южного района — Подолья, обнаруженные в верховьях

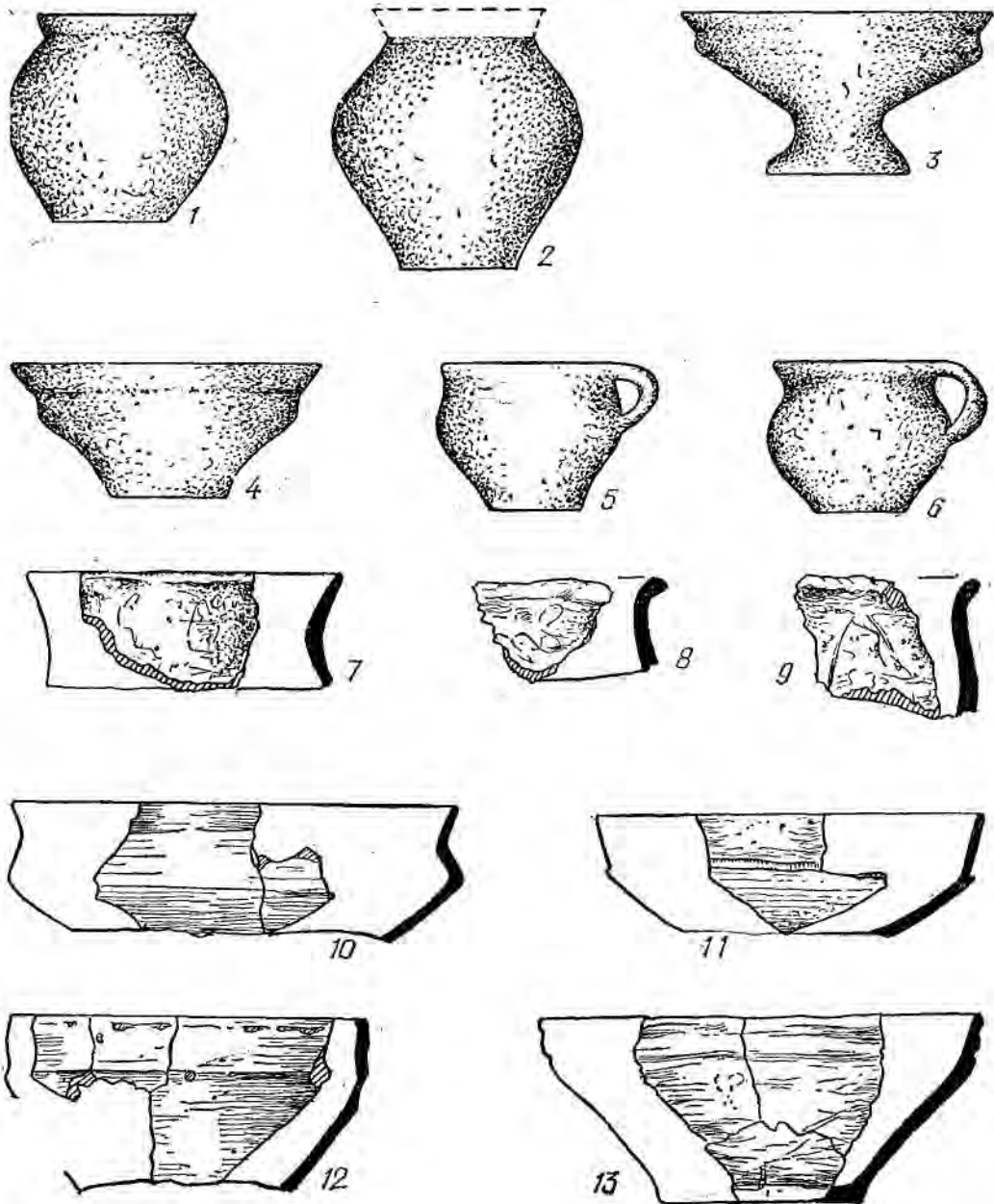

Табл. XXIV. Материалы из памятников Могиляны на Горыни (1—6), Ремезовцы на Верхнем Днестре (7—13).

левого притока Днестра — р. Золотая Липа. Здесь, на поселениях Вороняки, Майдан Гологорский, Ремезовцы, исследованных В. Д. Бараном, В. Н. Цыгиликом, М. Ю. Смишко, обнаружена зарубинецкая керамика полесского типа, встреченная совместно с керамикой липицкой и пшеворской культур, сочетание которых отражает передвижения племен и возможную их интеграцию, характеризующую возникновение новой исторической обстановки начального периода эпохи Великого переселения народов.

В эту эпоху Поднестровье представляло собой важную артерию, соединяющую юг и север Европы, Балтику и Черное море. Неудивительно, что здесь обнаружены различные археологические культуры — пшеворская, лужанская, липицкая, сарматские погребения, материалы зарубинецкого типа.

Первые данные о наличии в Поднестровье таких материалов относятся к началу 60-х годов, когда раскапывался Круглик [Винокур, Тимошук, 1962; Мачинский, 1965]. Д. А. Мачинский представил тогда поселение Круглик как наиболее ранний памятник зарубинецкой культуры, центр возникновения которой находился, по его мнению, в Поднестровье. С Поднестровья зарубинецкое население к рубежу II—I в. до н. э. расселилось на Припять, Верхнее и Среднее Поднепровье.

На поселении Круглик были обнаружены остатки двух наземных жилищ столбовой конструкции, обломки местной керамики и фрагменты античных амфор (до 5%) IV—III вв. до н. э. Однако керамика Круглиша не похожа на зарубинецкую. Это миски серого цвета, тщательно выглаженные, с очень коротким, отогнутым наружу венчиком, отделенным перехватом от бочка, который плавно изогнут сначала наружу, а затем, у дна, вовнутрь. У кухонных горшков с шершавой по-

верхностью слабо профилировано тулово, имеются налlepные украшения-шишечки, плоские выступы, слабо расчлененные валики по тулову. Аналогичная керамика, как лощеная, так и лепная, известна по раскопкам Г. Б. Федорова и М. А. Романовской на могильнике и поселении Лукашевка [Федоров, 1960, табл. 8, 4, 12; Романовская, 1968]. Поэтому немногочисленные памятники Среднего Поднестровья, подобные Круглику (Кодын, Сокол, Гринчук и др.), являются памятниками культуры Лукашевка-Поенешти, относить которую к собственно зарубинецким древностям нет достаточных оснований.

Исследования С. П. Пачковой Круглика подтверждают высказанное мнение [Пачкова, 1977].

Гипотеза Д. А. Мачинского не получила широкого признания, хотя и оставила в литературе свой след [см. Винокур, 1972, с. 20].

Однако на Поднестровье имеется определяемая зарубинецкая керамика, найденная на памятниках конца I в. до н. э.—I в. н. э. Это материалы из поселений Оселовка, Майдан-Гологорский, Доробаны и Ремезовцы, исследованных В. Н. Цыгиликом, Черепин (раскопки В. Д. Барана), Глубокая (раскопки Л. В. Вакуленко) и др.

На поселении возле с. Ремезовцы открыто 15 жилых сооружений, железоделательная мастерская, различного рода хозяйственные постройки и керамика липицкого и зарубинецкого типов, позволяющая ставить вопрос о наличии здесь памятников смешанного и липицко-зарубинецкого типа.

На поселении найдены кухонные горшки и корчаги зарубинецких форм и пропорций, преимущественно с округлобким туловом и средним плечом, отогнутым гладким или орнаментированным по краю ямками венчиком (табл. XXIV, 7—9), [Цыгилик, 1975, рис. 29].

Чернолощенная керамика представлена фрагментами горшков такой же, как у кухонной посуды, формы и мисок.

Значительное количество керамики зарубинецкого типа найдено на поселении в с. Майдан-Гологорский. Здесь, как и в Ремезовцах, в жилищах было много обломков мисок. Подобно горшкам, они имели ровную, тщательно выглаженную поверхность коричневого или черного цвета.

Выделяется несколько типов: с резко отогнутым наружу венчиком, с загнутым вовнутрь венчиком, с ребристым, острым плечом, которые находят свои аналогии, главным образом, на памятниках Полесья [Цигилик, 1975, с. 102].

Зарубинецкая керамика Поднестровья типологически близка керамике полесских памятников, таких как могильники Велемичи-II [Кухаренко, 1966, табл. 4, 6] и Отвержичи [Каспарова, 1976, рис. 4, 1, 4; 5, 9, 11; 6, 2, 5, 7]. Именно с этими материалами можно сравнить керамику поселений Среднего Днестра — Оселовки и Доробаны и Верхнего Поднестровья — Ремезовцев, Майдана-Гологорского [Цигилик, 1975, рис. 25, 29, 39].

Подобная керамика, обнаруженная в среднем течении р. Стыри (Луцк, урочище Гнидава) и на берегах пра-

вых притоков Днестра, берущих начало близ истоков Стыри и Горыни, отмечает путь, пройденный группами припятских зарубинцев, вынужденных в I в. н. э. оставить родные места. О том, что в Поднестровье находились лишь отдельные группы зарубинецкого населения, свидетельствует отсутствие здесь зарубинецких погребений. Очевидно, зарубинецкое население растворилось в более стабильной и многочисленной среде носителей липицкой и пшеворской культур.

Следует заметить, что в материалах этих днестровских поселений (типа Оселовки — Ремезовцы) встречаются и пшеворские элементы, такие как орнаментирование стенок оттиском ногтя и вдавлениями, а также широкими углублениями. Заметно здесь некоторое количество пшеворских форм среди горшков и мисок и пшеворско-зарубинецких форм в виде мисок с загнутым вовнутрь высоким и прямым венчиком, с утолщенным и отогнутым наружу венчиком (табл. XXIV, 13, 14) [Цигилик, 1975, рис. 41, 7, 15].

По-видимому, процессы взаимовлияний, а также интеграции здесь, на Поднестровье, происходили энергичнее и результативнее, чем в местах собственно зарубинецкой территории или такой ее периферии, как Южный Буг.

Глава IV

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исчезновение на Среднем Поднепровье зарубинецких оседлых поселений в конце I в. н. э., причиной которого были набеги сарматов, привело к полному изменению всей жизни этого региона. Коренным образом изменились ее формы, ритм, интенсивность. Исчезли достаточно многолюдные и многочисленные поселения, заброшенными стояли прибрежные крепости-городища, протянувшиеся цепочкой вдоль Днепра по всему пространству зарубинецкой поднепровской территории — от устья Ирпеня до Роси.

Носители зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья уже в конце I в. до н. э., после первых набегов сарматов, уходили в Подесенье, в глухие, но спокойные Брянские леса; другая их часть переселилась на юго-запад, в Побужье, где появились археологические памятники типа Марьяновки, культура которых своими истоками уходит в Среднее Поднепровье. Новые поселения возникли на берегах верхнего течения Десны. По данным Ф. М. Заверняева, проводившего в этом районе археологические разведки в 1955—1958 гг., поселений типа Почеп насчитывается здесь 12, а по течению р. Судость — небольшого правого притока Десны — девять [Заверняев, 1970, рис. 1]. Поселения здесь располагались на краю первой надпойменной террасы или в пойме, в их культурном слое встречена кухонная керамика с шершавой поверхностью и примесью дресвы в тесте, орнаментированная насечками или вдавлениями по краю венчика, а также гладкостенная чернолощенная посуда, большую часть которой составляли ребристые миски с прямым венчиком. Встречены железные ножи с горбатой спинкой и различные бронзовые украшения, фибулы позднелатенской схемы и фибулы с подвижным приемником, многочисленные железные шлаки в кости домашних животных.

Жилища Верхнего Подесенья представлены тремя типами сооружений. Это — углубленные жилища, сходные по своей конструкции со среднеднепровскими; длинные в плане жилища, похожие на жилища юхновской культуры; полуземлянки с бревенчатыми стенами и толстым центральным столбом, державшим кровлю, явившиеся прообразом жилищ памятников киевского типа III—V вв. (табл. VIII, б). Датируются эти поселения от I, по II в. н. э. Видимо, этот хронологический диапазон охватывает период существования всех или, по крайней мере, большей части поселений бассейна Верхней Десны.

Среднее Поднепровье, лишившись в конце I в. н. э. большей части своего населения, не обезлюдело вовсе. Здесь продолжали жить, но уже в новых условиях, остатки зарубинецких аборигенов, переселенцы с Запада и Севера, причем этих пришельцев, судя по археологическим материалам, было не больше, чем оставшихся зарубинцев. Поэтому ассимиляционные процессы, естественные для средневропейских родо-племенных обществ того времени, проходили ровно, без заметных преимуществ какой-либо из сторон, что фиксируют археологические материалы таких упоминавшихся выше памятников, как Вишенки, Таценки, Триполье. Элементы местной культуры выступают в это время здесь, на Среднем Поднепровье, отчетливее, чем пришлые, хотя последние фиксируются вполне отчетливо.

Особенности жизни населения территории Украины освещают археологические памятники Трубежа, Южного Буга, берегов Днестра, многочисленные находки римских серебряных монет II в. н. э. [Кропоткин, 1971]. В них отчетливо прослеживаются черты не только зарубинецкой культуры (поселения Трубежа), но и направления

контактов жителей и элементы других культур (Рахны и др.), которые способствовали процессу образования новых общностей, в том числе киевской (Грини, Обухов, Казаровичи, Лютеж, Оболонь и др.), а также Черняховской культур.

Некоторые памятники I—II в. н. э.
Река Трубеж представляет собой небольшой, до 100 км длины, левый приток Днестра, протекающий по лесостепной равнине от широты Киева до Переяслав-Хмельницкого, где он впадает в Днепр напротив с. Зарубинцы.

Обследовании Трубежа в последние годы проводили А. П. Савчук и Ю. В. Костенко [Савчук, 1969, с. 82 и ел.]. Им удалось собрать разнообразную керамику — лощеную и простую — зарубинецкого типа, украшения и предметы личного убора из бронзы, пряслица, бусины. В различных местах открыты следы очагов и ям, указывающих на существование здесь остатков поселений.

В отличие от Среднего Поднепровья, где зарубинецкие памятники располагались преимущественно на возвышенных местах, все позднезарубинецкие материалы Трубежа собраны в пойме. Ширина речной долины здесь довольно значительная. В начале 50-х годов на Трубеже производились большие мелиоративные работы, сейчас часть поймы распахивается и среди полей заметны дюнные всхолмления, примыкающие к надпойменной террасе или стоящие островами в пойме. Зарубинецкие материалы встречались обычно по краям этих дюн.

В каждом местонахождении большую часть материалов составляли обломки сосудов. Лощеной керамики было значительно меньше.

Кухонная посуда изготовлена очень грубо. В глине много примесей — песка и дресвы, но обжиг хороший, вследствие чего черепок твердый, плотный.

На многих фрагментах заметно характерное вертикальное выглаживание наружной поверхности пальцами, в результате чего образовывались неглубокие канавки — «каннелюры». Обнаружены обломки «хроповатых» сосудов типа корчаг и гладкостенных, с диаметром венчика до 50 см. Орнаментированные насечками по краю венчика встречаются редко.

Лощеная керамика представлена обломками кружек с ручками и мисок с загнутым вовнутрь венчиком или же поставленным вертикально [Савчук, 1969, рис. 2, 13].

Одно из наиболее богатых поселений Трубежа расположено недалеко от с. Селище Барышевского района Киевской области. Это среднее течение Трубежа. На ответвлении огромного донного массива — в урочище Бирки, на площади 100x150 м собран значительный по количеству археологический материал. Жилищ и ям, однако, здесь обнаружить не удалось. Найдено много мелких бронзовых украшений — колечек с неспаиваемыми концами, колечек с тремя ребрышками типа, известного по Межигорскому кладу, пронизок, подвесок — трапециевидных из листа и очковидных из проволоки [Савчук, 1969, рис. 1, 1, 2], два бронзовых пинцета, бронзовые иглы, ольвийская бронзовая монета середины I в. н. э. Обнаружены также разнообразные бусы — из красной пасты в форме плоского параллелепипеда, имеющие аналогии среди памятников киевского типа, например Казаровичей, а также Абидни в Белоруссии и Мощинского клада; мелкие и крупные бусы из зеленого стекла и др. Большой интерес представляют низкие прясла биконической формы с широким отверстием, аналогии которым дают Почепское поселение II в. н. э. и поселение киевской культуры Казаровичи, а также все другие памятники этого типа [Заверняев, 1969, рис. 11,

2—5; Максимов, Орлов, 1974, рис. 6, 9-17].

Ниже по Трубежу, близ с. Пасечное, на песчаном мысу встретились обломки зарубинецкоп керамики, двулученная фибула с гребнем на дужке и высоким приемником, бусина из красной пасты со вставкой из зеленого стекла. Фибула — изделие редкое. На Поднепровье аналогичный предмет происходит из окрестностей левобережного приднепровского села *Рудяки*, где, по данным В. В. Хвойки, был могильник зарубинецкого типа [Максимов, 1972, табл. XI, 13]. Упомянутая фибула найдена Е. А. Петровской в урочище Старый Завод вместе с обломками простой и чернолощеной керамики. Центром производства таких фибул была территория Паннонии во II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 38]. Подобные фибулы находят также в Поднепровье [Федоров, 1960, с. 145].

Еще ниже по р. Трубезь, у с. Коржи обнаружено в аналогичных топографических условиях позднерубинецкое поселение в урочище Рыбцы. Здесь на площади 150x200 м собрана керамика зарубинецкого типа, в том числе обломки лощеных с вертикальным венчиком мисок на поддонах, найдена фибула позднелатенского типа с приемником, имеющим круглые отверстия, со скрученной спинкой, четырехвитковой пружиной, задней тетивой [Савчук, 1969, рис. 1, 22]. Фибула эта аналогична фибулам из поселения Почеп на Верхней Десне, местное производство которой сомнений не вызывает [Заверняев, 1969, рис. 15, 5]. Здесь же в Коржах собраны бронзовые колечки, пронизки, иглы, стеклянные бусины, встречены железные прямые ножи.

Подобные материалы найдены и в нижнем течении Трубежа, около с. Волчков. Из обнаруженных здесь предметов (обломки керамики, плоские биконические прясла, бронзовые подвески, бусины) особого внимания

заслуживают две фибулы позднелатенской схемы со сплошным приемником и сильно изогнутой спинкой. Одна из них — маленькая, литая, бронзовая, вторая — железная, крупная, которая имеет аналогии в почепских материалах. Время бытования этих фибул, которые именуют «воинскими», — вторая половина I — II вв. н. э. [Амброз, 1966, с. 24].

Аналогичные найденным на Трубеже материалы известны в небольшом количестве на левобережье Днепра — от устья Трубежа до устья Десны. Кроме упоминавшегося выше с. Рудяки, они встречены у с. *Бортнички* (Красный Хутор) — это трапецевидные подвески, биконические прясла с широким отверстием, очковидная подвеска и, конечно, обломки керамики зарубинецкого типа. Еще одно поселение этой культуры открыто у с. *Староселье*, близ устья Десны — керамика позднезарубинецкого облика, трапецевидная бронзовая подвеска.

По всей вероятности, к числу этих памятников следует отнести расположенные на левом берегу Днепра упоминавшиеся выше Вишенки, где был найден четырехручный сосуд пшеворского типа, и поселение Кийлов. Здесь, в Кийлове на песчаной гумусированной дюне у протоки Днепра Е. А. Петровская собрала обломки простой и лощеной керамики, бронзовые булавки с гвоздевидной и кольцевидной головками, обломки амфор римского времени, вместе с петельчатой ручкой железной бритвы [Максимов, 1972, табл. XI, 1-6].

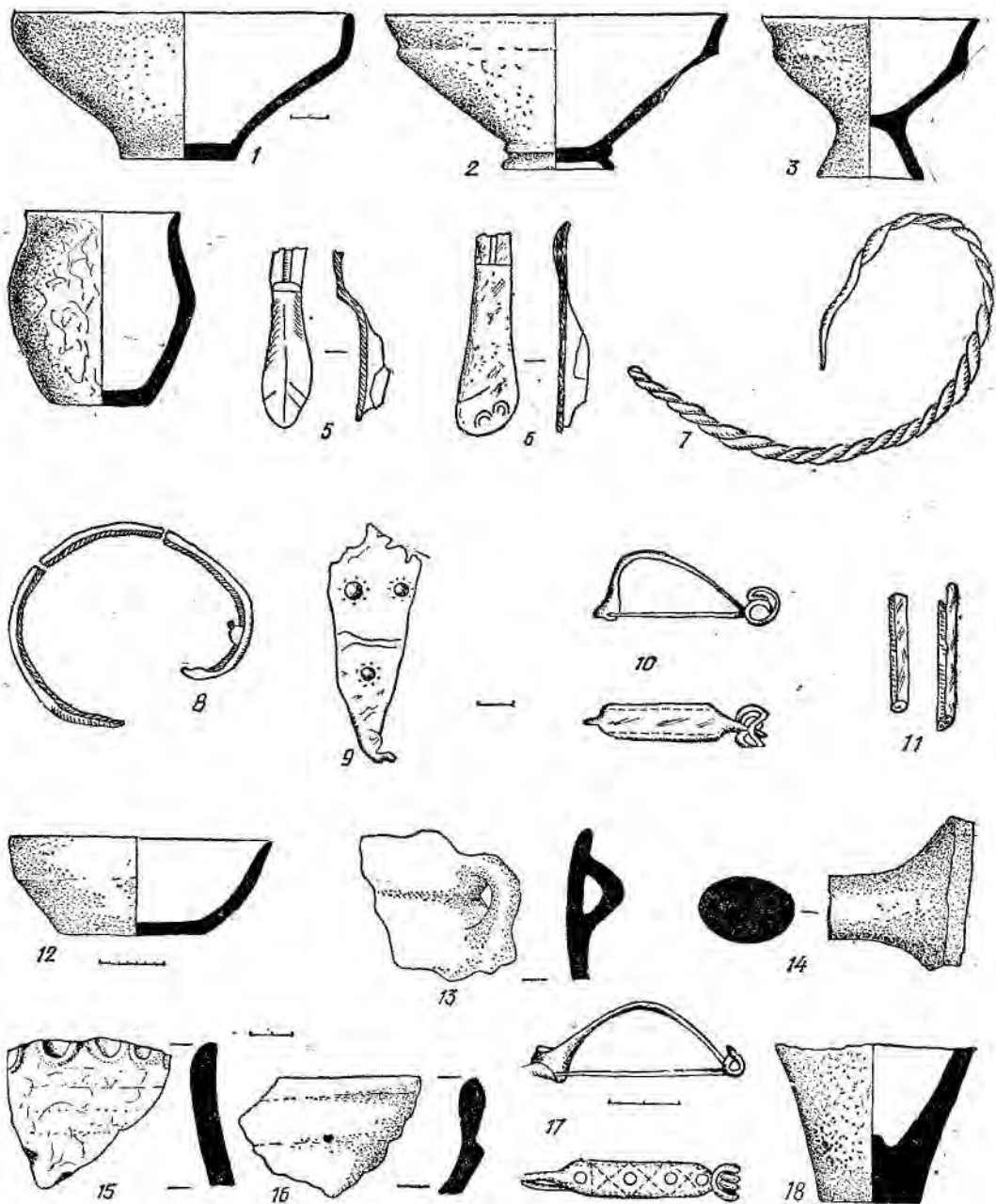
Можно, следовательно, сделать вывод, что на лесостепной территории Днепровского Левобережья, охватывающей поречье Трубежа и простиравшейся вдоль Днепра до устья Десны, в конце I и во II в. н. э. жило зарубинецкое население с культурой, близкой верхнедеснянской, известной среди памятников почепского типа.

Здесь, однако, имеются в наличии также материалы западного облика, к числу которых относятся чернолощечная ваза с четырьмя ручками, миски высоких пропорций с загнутым вовнутрь венчиком, бронзовые пинцеты, фибулы паннонского и «воинского» типов, булавки из сплава меди с цинком (Кийлов), характерным для северных изделий, железные сильноизогнутые бритвы с петлевидной головкой. Эти находки, указывают на смешанность культурных зарубинецких традиций с пришлыми, западного повисленского облика. Следовательно, картина, сложившаяся здесь, мало чем отличалась от наблюдаемой на памятниках Правобережья Днепра (Таценки, Триполье), Южного Буга и Днестра.

Поселение и могильник Рахны находятся близ с. Рахны Собоьве Гайсинского района Винницкой области на мысу плато правого берега р. Сось и ручья Вербовка.

На поселении жилые и хозяйственные сооружения определялись по скоплению археологического материала, а также по темным пятнам гумусированного грунта, заметным на пашне [Хавлюк, 1971, с. 94].

Одно из жилищ, линза которого просматривалась в отслоении глинища, было раскопано. По своему устройству оно было полужемлянкой, с углубленным в материк полом на 0,7 м от современной поверхности. Жилище ориентировано параллельно речной долине. На полу в центре отмечены остатки очага или глинобитной печи в виде скопления обожженной глины площадью 1X1,2 м, здесь же находились фрагменты сосудов. В юго-западном углу была хозяйственная яма диаметром 1 м, глубиной 0,3 м, в заполнении которой встречены древесный уголь, обломка местной и амфорной керамики (табл. XXV, 18), кости животных [Хавлюк, 1975, рис. 2, 2]. В заполнении жилища обнаружены обломки кухонных горш-

Габж. XXV. Материалы могильника и поселения Рахны на Южном Буге (1—18),

ков (табл. XXV, 15), чернолощенных мисок (табл. XXV, 12, 13—16), дисков с лощеной поверхностью. Возле очага найдена бронзовая одночленная фибула с широкой спинкой, орнаментированной перекрещивающимися пунктирными линиями, создающими форму ромбов. Внутри каждого ромба имеется круг (табл. XXV, 17). Такие фибулы датируются II в. н. э., главным образом, концом этого столетия. Ареалом их распространения считается Северное Причерноморье [Амброз, 1966, с. 26; табл. 4, 16]. Фибула определяет время существования поселения Рахны.

Могильник исследовал П. И. Хавлюк в 1968—1969 гг. Здесь было раскопано около 300 м² площади и обнаружено 12 трупосожжений [Хавлюк, 1971, с. 90—94]. Все они находились на глубине 0,4—0,6 м от современной поверхности в неглубоких ямах овальной формы площадью до 2 м². Расстояние между могилами составляет 6—7 м. На дне могил находились кальцинированные кости — остатки кремации на стороне, причем кости черепа лежали сверху. Здесь же находились бронзовые украшения и предметы личного убора, бусы, прясла, керамика. Из 12 погребенных 11 были кремированы на стороне, а один — в могиле. Последнее обстоятельство следует считать отступлением от традиционных особенностей зарубинецкого погребального обряда на Среднем Приднепровье и в других областях распространения зарубинецкой культуры. Впрочем все погребения этого могильника имеют свои характерные черты, отличающиеся от обычных зарубинецких погребений.

Так, погребение № 2 находилось в неглубокой (0,4 м), довольно большой по размерам яме (1,5X2 м), на дне которой обнаружено три крупных скопления кальцинированных костей на расстоянии около 0,5 м одно от другого, в каждом из которых были небольшие горшки с выпуклым туловом и

широким дном (табл. XXVI, 1). Среди костей найдено 17 бусин из светлого камня, 11 цветных пастовых бусин, сильно деформированных огнем, два прясла из стенок гончарного горшка, обычное биконической формы прясло из глины, бронзовая проволочная спираль-пружина фибулы, три трубочки-пронизи (табл. XXV, 11), железное кольцо с незамкнутыми краями диаметром около 4 см, вилкообразная железная подвеска и фрагмент железного украшения в виде спирали длиной более 5 см, посередине которой имеется кольцо диаметром 2 см. [Хавлюк, 1971, рис. 7].

Погребение № 3 находилось в круглой яме (1,8X1,9 м) глубиной 0,2 м. Тут встретилось несколько пережженных костей, кусочки обожженной земли и неполностью сгоревших плах, среди которых была частично поврежденная небольшая кружальная миска, по-видимому, античного производства — серого цвета, конической формы, с загнутым вовнутрь венчиком, диаметром 15 см [Хавлюк, 1971, рис. 6].

П. И. Хавлюк определил это погребение как трупосожжение в могиле, но, видимо, в нем следует усматривать трупосожжение на стороне с привнесением поленьев с погребального костра. Такой обряд встретился в единичных случаях на Чаплинском могильнике [Кухаренко, 1959, с. 156] и широко — в пшеворской культуре Польши [Никитина, 1974, с. 92 и сл.].

Погребение № 4 занимало площадь около 2 м². В верхней части могилы находились три больших лощеных горшка, причем у одного из них ручка была у венчика. Ниже располагался сплошной слой кальцинированных костей, среди которых находился небольшой (высота 7 см), черный с вертикальным краем горшочек (табл. XXV, 4), на; крытый песчаником; чернолощенная ваза на коническом высоком поддоне (табл. XXV, 3), большая миска с коль-

Табл. XXVI. Могильник Рахны, погребения № 2 и № 6 (1, 2),

цевой ножкой и коричневой шершавой поверхностью (табл. XXV, 2). Среди костей найдена одночленная фибула с высокой и широкой спинкой, орнаментированной по краям рядом пунктирных линий (табл. XXV, 10), фрагменты двух глазчатых фибул (табл. XXV, 5, 6), щиток фибулы зарубинецкого типа (табл. XXV, 9), два бронзовых проволочных браслета, один из которых орнаментирован по краям насечкой (табл. XXV, 8), обломок плетеной из проволоки гривны (табл. XXV, 7), два плоских и одно биконическое прясло, 15 каменных, 3 стеклянных и 3 голубых пастовых реберчатых бусин.

Погребение № 6 (табл. XXVI, 2) находилось на глубине 0,35 м, поэтому плуг повредил скопление кальцинированных костей, отмеченных на значительной площади 0,8X0,9 м. Среди костей обнаружено днище красноглиняной амфоры остроконической формы. От нее же происходит овальная в сечении ручка, найденная в нескольких метрах от могилы в пахотном слое (табл. XXV, 14).

Погребение № 7 находилось на глубине 0,35 м, сразу же под пахотным слоем. Кальцинированные кости занимали площадь 1,1X1,4 м. В южной их части лежала глазчатая фибула, восточнее — пружина еще одной фибулы с железным стержнем [Хавлюк, 1975, рис. 7, 7]. Тут же была нижняя часть коричневого выпуклобокого горшка с ручкой. В самом слое костей встретилось также несколько фрагментов горшка или миски.

Погребение № 9 обнаружено в 20 м к северу от погребения № 3. Оно находилось в верхней части материкового слоя, будучи углубленным в него на 0,1 м. Очевидно, могильная яма имела овальную в плане форму — на это указывает распространение вещей и костей, занимавших площадь около 2X2 м. Кости лежали не сплошной массой, а четырьмя отдельными скоплениями,

что, по мнению автора раскопок П. И. Хавлюка, указывает на наличие здесь коллективного одновременного захоронения. Первое скопление занимало юго-западную часть могилы. Среди костей здесь находились лепной горшок со слегка отогнутым наружу венчиком и крупная глазчатая фибула без пружины и иглы, а также каменная бусина [Хавлюк, 1975, рис. 7, 12]. Во втором скоплении выявлена сильно профилированная одночленная фибула причерноморского типа с двумя валиками на спинке и конической бусиной на конце головки и крючком для тети-вы начала II в. н. э. [Хавлюк, 1975, рис. 7, 5]; а также прясло из стенки амфоры, обломки бронзовых иголок и спиральных проволочных пронизок, два небольших горшка: а) коричневатого-черный подлощенный, тюльпановидной формы со слегка отогнутым венчиком и овальными ручками; б) черного цвета, с широким дном и шейкой, также с ручкой. Возле третьего скопления костей лежали: банковидный горшок с прямым венчиком и выразительным поддоном и небольшой, черного цвета горшочек с ручкой. Среди кальцинированных костей найдены десять стеклянных и пастовых бусин деформированных огнем, небольшая трубчатая и проволочная спиральная пронизки. Четвертое скопление сопровождалось двумя горшками. Один из них был деформирован при трупосожжении, второй имел шероховатую поверхность со следами сглаживания, с вытянутым венчиком, орнаментированным слабой насечкой. Погребение № 10 находилось в 6 м от предыдущего, на глубине 0,3 м, сильно повреждено распашкой. Фрагменты большой корчаги найдены на поверхности пахотного слоя и в самом слое, в нескольких метрах от погребения. Остатки сожжения выявлены в двух кучках на расстоянии 0,3 м. В первом скоплении было всего несколько косточек и фрагментов керамики, глазчатая

фибула и проволочная гривна с замком в виде двух шариков [Хавлюк, 1975, рис. 7, 11]. Второе скопление размером 0,4x0,4 м оказалось почти без вещей — лишь дно большого горшка и бронзовая ромбовидная подвеска лежали среди костей.

Поскольку верхняя часть некоторых могил оказалась разрушенной при вспашке, на поверхности встречались кальцинированные кости, бусины, обломки керамики. Здесь же обнаружена шарнирная фибула типа «Авцисса» I в. н. э.

Фибулы же, найденные непосредственно в погребениях, относятся к более позднему времени, например фибула с широкой орнаментированной спинкой, распространенная в Северном Причерноморье, датируется II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 43]. Аналогичная фибула происходит из поселения, поэтому Рахновский комплекс с уверенностью можно отнести ко II в. н. э., полагая, что начальной датой мог быть и конец I в. н. э. Этой же датой — II в. н. э. определяются и глазчатые фибулы, которые, как известно, имели широкое распространение в области пшеворской культуры. Точную аналогию глазчатой фибуле из Рахнов дают фибулы из пшеворских могильников Дрогичан и Лайска II — III вв. н. э. [ср. Хавлюк, 1971, рис. 7, 7].

Кроме фибул, северо-западные элементы заметны в керамике. Так, небольшие по размеру горшки из погребений № 2 и 7, не имеющие аналогий в керамике зарубинецкой культуры, известны в некоторых пшеворских памятниках Восточной Польши. Видимо, найденные в Рахнах горшочки, являются их местной трансформированной переработкой.

Подобное явление наблюдается и при рассмотрении столовой чернолощеной посуды. Некоторые миски очень близки своей профилировкой к пшеворским. Это касается остроплечих сосудов (табл.

XXV, 2). и мисок со слегка отколоченным наружу небольшим и утонченным венчиком.

Остальные формы, а также технологические и другие особенности керамики Рахнов естественным образом вытекают из зарубинецких материалов. Так, здесь достаточно много чернолощенох мисок с прямым, поставленным вертикально или немного наклоненным в ту или другую сторону венчиком, ребристым плечом, широких пропорций, аналогии которым известны по материалам поздних погребений среднеднепровских могильников Корчеватое, Пирогов, Дедов Шпиль, а также такого деривата зарубинецкой среднеднепровской культуры, как Почеп (табл. XXV, 1).

Можно, следовательно, сделать вывод, что Рахны показывают наличие здесь во II в. н. э. населения, культура которого представляла собой определенное смешение зарубинецких и пшеворских элементов. Такое смешение просматривается и в погребальном обряде. В Рахнах все погребения оказались ямными, подавляющее большинство (11) представлено захоронением чистых кальцинированных костей и лишь в одном погребении в могилу были положены остатки погребального костра, что свидетельствует о влиянии пшеворской культуры.

Погребальный инвентарь в большинстве случаев не имеет следов пребывания в огне, что соответствовало зарубинецкой традиции. Вместе с тем в могилах найдено некоторое количество украшений — бус и подвесок, а также сосудов, обожженных и деформированных при кремации умершего. Подобный обычай повсеместен на территории распространения пшеворских могильников [Никитина, 1974, с. 92—95], известных также на Верхнем и Среднем Поднестровье, где, как и на Южном Буге, встречаются зарубинецкие материалы.

Процессы контактов зарубинецких и

пшеворских племен, особенно в первые века нашей эры, имеют важное значение для понимания хода исторического процесса в Восточной Европе. Даже на основании имеющихся в научном обиходе небольших материалов становится ясно, что такие контакты имели место с конца I в. до н. э. В последующее время они усиливаются как по линии заимствований в области материальной культуры, так, вероятно, и в области этнической интеграции.

Естественно, что на других территориях эти явления могли иметь иной нюанс, чем на Южном Буге, где зарубинецкие элементы оказались превосходящими. Примером могут служить памятники Львовщины — поселение Подберезцы, исследованное Д. Н. Козаком, где керамика зарубинецкого типа значительно уступает пшеворской [Козак, 1977, с. 76], подтверждая ведущую роль здесь пшеворского элемента, а также факт расселения зарубинецких племен в их участия в сложении новых

этнокультурных образований на территории Украины в первые века нашей эры. На это обстоятельство указывают и памятники зарубинецко-липицкого типа на Среднем Днестре, а также Подрижье на далеком Стоходе, где на вскрытой площади более 1500 м² обнаружены жилые и хозяйственные постройки углубленного типа, ямы-погребка, в которых найдено значительное количество обломков лепной посуды, аналогии которой имеются в позднезарубинецких памятниках Полесья и Поднепровья и в памятниках пшеворского типа I—II вв. н.э. [Воляник, 1972, с.361]. Изложенное выше не исчерпывает всей многогранности отношений, которые складывались на территории бывшей зарубинецкой культуры. В это время, во II в. н. э., появляется еще один ее наследник, представленный памятниками киевского типа. Населению этой культуры суждено было сыграть заметную роль в передаче зарубинецких традиций раннеславянскому времени.

Глава V

НАСЛЕДИЕ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

На краю ойкумены. Археологические памятники Черняховского времени, но совершенно иного культурного облика, занимавшие обширные пространства лесостепной и лесной зон Поднепровья и имевшие генетические связи с зарубинецкими древностями, впервые выделил В. Н. Даниленко в 1949—1950 гг. [Даниленко, 1953]. Эти памятники исследователь назвал киевским типом и определил как поздний, заключительный этап зарубинецкой культуры, продолжавшийся в течение II—IV вв. н. э. и давший основу памятникам колочинского типа (раннеантским), которые, в свою очередь, явились основой пеньковских, собственно раннеславянских памятников [Даниленко, 1976, с. 66, 89, 90].

В 60-е и последующие годы гипотеза В. Н. Даниленко была принята таким крупным исследователем раннеславянской проблемы, как П. Н. Третьяков, энергично занявшимся поиском и исследованием подобных памятников в Верхнем Подесенье. По мнению П. Н. Третьякова, открытые им деснянские древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. по всем основным элементам культуры оказались очень близкими синхронным им древностям Северной Киевщины, Гомельского и Могилевского Поднепровья. Под материалами Северной Киевщины П. Н. Третьяков понимал памятники киевского типа, а говоря о верхнеднепровских древностях имел в виду поселение и могильник Абидня на р. Адаменке и более поздние памятники типа Колочицкого городища и Новобыховского могильника. Он считал, что эти памятники характеризуются теми же основными чертами в расположении поселений и форме жилищ, в облике керамики, в погребальном обряде, что и памятники Десны, ибо население Подесенья и Верхнего Поднепровья происходило от одних и тех же предков — зарубинецких племен, пришедших сюда

со Среднего Поднепровья на рубеже и в начале нашей эры [Третьяков, 1966, с. 254-273; 1974, с. 48].

Эта стройная концепция о киевском типе как позднем этапе зарубинецкой культуры была поколеблена, когда подтвердилось предположение, высказанное еще в конце 60-х годов, что классическая зарубинецкая культура на Среднем Поднепровье оканчивается в I в. н. э. [Максимов, 1969а]. Это подтвердили материалы как Среднего Поднепровья (раскопки Е. В. Максимова, А. М. Шовкопляс и др.), так и Полесья, зарубинецкие памятники которого прекращают свое существование примерно в это же время, то есть в конце I в. н. э. [Каспарова, 1976 с. 53].

Образовалась столетняя, по меньшей мере, хронологическая лакуна между зарубинецкой культурой Среднего Поднепровья и памятниками киевского типа, которые, таким образом, не могли стать поздним этапом зарубинецкой культуры.

Кроме того, в процессе раскопок Абидни и других памятников Белоруссии, а также поселений Верхнего Подесенья становилось ясно, что эта новая археологическая культура по своим основным данным — устройству жилищ, погребальному обряду, керамическому комплексу — ие образуется непосредственным образом из зарубинецких древностей.

Очевидно, ход исторического процесса был более сложным и опосредованным, чем это казалось при открытии памятников киевского типа.

Нужны были новые материалы, чтобы подтвердить старые предположения или рассеять новые сомнения. Нужны были раскопки, в первую очередь на территории Среднего Поднепровья, родины зарубинецкой культуры. Рассмотрим некоторые из них.

Поселение Грини находилось на левом берегу надпойменной террасы р. Тетерева, недалеко от устья этой реки.

Во время раскопок неолитической стоянки здесь были обнаружены остатки жилища первых веков нашей эры [Телегин, Круц, 1963]. Форма жилища — квадратная, размеры 3,1—3,2 м (табл. XXVII, 1). Его контуры отчетливо просматривались уже на глубине 0,4 м, в верхней части материка, в который жилище было углублено еще на 0,3 м. Таким образом, его земляной утрамбованный горизонтальный пол находился на глубине 0,7 м от современной поверхности. Крыша поддерживалась столбом, от которого сохранилась яма в центральной части жилища, в его юго-западном углу было заметно место входа — покатый дромос шириной 0,7 м. В противоположном — северо-западном углу зафиксированы остатки глинобитной печи или очага в виде скопления печины толщиной 0,2 м, занимавшие площадь 1X1,2 м. Под печи толщиной 5 см был выложен из обломков сосудов.

В заполнении жилища, состоявшего из темного песчаного грунта, встретились обломки кухонных горшков и корчаг, лощеных мисок, кости животных.

В количественном отношении первое место принадлежало фрагментам лепных горшков с гладкими стенками, их тесто содержало примесь толченого камня. По формам горшки можно разделить на два типа. Это: 1) сосуды с широким отверстием и узким дном, слабо выраженным плечом и отогнутым наружу или вертикальным венчиком, изредка украшенным по краю ямками (табл. XXVII, 8, 11, 13, 15). Аналогию этой форме дают Казаровичи — могильник и поселение [Максимов, Орлов, 1974, рис. 1, 1; 4, 11]; 2) сосуды, аналогичные по пропорциям и размерам, но с отогнутым венчиком и отчетливо выраженным высоким плечом. Такие формы горшков характерны для зарубинецких памятников Среднего Поднепровья рубежа и I в. н. э. (поселения Таценки, Жаботин — Завадовка и др.).

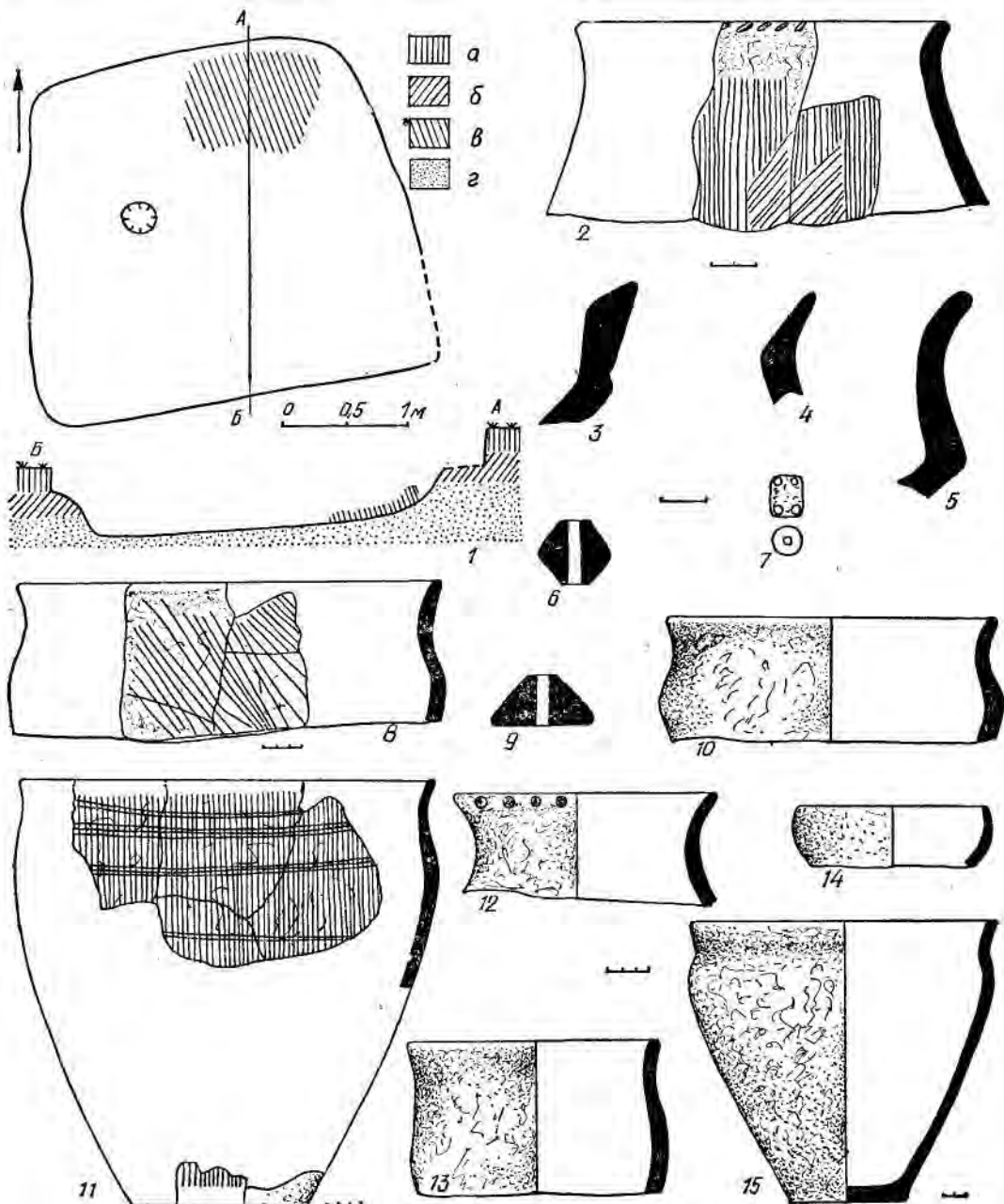

Табл. XXVII. Поселение Грини на Тетереве (1—15):
 а — пахотный слой; б — предматериковый слой; в — очаг; г — материк.

Довольно много обломков горшков и корчаг обоих типов имели стенки, сплошь покрытые штрихованными расчесами, выполненными при помощи палочки или гребня (табл. XXVII, 2, 8, 11). Подобная керамика на территории Среднего Поднепровья в первые века нашей эры не имела распространения, можно назвать лишь единичные памятники, где она была найдена (Хлепча, Лютеж, Завадовка, Вовки). Истоки ее находятся, как можно думать, на территории культуры штрихованной керамики первых веков нашей эры, где такой орнамент имел древние традиции [Митрофанов, 1970, с. 8—83].

Лощеная керамика представлена семью обломками мисок темно-коричневого цвета, с выглаженной поверхностью. Они относятся к позднему типу остроплечих сосудов с отогнутым наружу небольшим венчиком, а один фрагмент принадлежал миске среднеднепровского типа с отогнутым наружу граненым венчиком (табл. XXVII, 3-5).

В культурном слое выявлены обломки горшков и мисок, аналогичные найденным в жилище, несколько конических прясел с широким отверстием и высоким, как у пряслиц зарубинецкой культуры, туловом, стеклянная бусина, обломок железного и три обломка бронзовых предметов, фрагмент краснолаковой мисочки типа терра сигиллата (табл. XXVII, 6, 7, 9, 14).

Материалы Гриней, сохраняя еще некоторые черты позднезарубинецкой культуры, содержат небольшое количество северных элементов, но по сути они представляют собой уже новую культуру — киевскую — в наиболее раннем ее выражении.

Комплекс поселения Грини на основании фрагмента античной мисочки датируется концом I в. н. э. — первой половиной II в. н. э.

На Среднем Поднепровье памятники киевского типа известны от р. Тетерева

па севере до р. Орели на юге, однако, как далеко распространяются они в широтном направлении, определить трудно, необходимы новые раскопки. Во всяком случае эти памятники имеются на притоках Днепра, это — Оболонь на Почайне, Белгородка, Казаровичи и Лютеж на Ирпене, Хлепча и Новые Безрадргчи на Стугне, Глеваха на р. Боярке, Ходосовка на р. Вите, Обухов на р. Стучне и др. Создается впечатление, что население киевской культуры Среднего Поднепровья селилось не столько на берегах Днепра, сколько на его притоках — больших и малых, что было обусловлено, надо думать, в первую очередь хозяйственными и социальными потребностями этого общества. Аналогичная картина наблюдается в топографии синхронных киевским черняховских памятников. Этим обусловлено и малое количество памятников киевского типа непосредственно на днепровских берегах (Бортничихи и Червоный Хутору Киева, Решетки у Канева).

Следует отметить, что и в других двух областях распространения памятников киевского типа — в Верхнем Поднепровье и Подесенье — их местонахождением являются также преимущественно берега малых рек или ручьев: белорусский комплекс Абидня расположен на р. Адаменке, черниговское Роище — на р. Стрижень, Ульяновский комплекс на р. Замглай и другие [см. Максимов, Терпиловский, 1978, рис. 1].

Из среднеднепровских памятников, кроме Гриней, большой интерес представляет группа поселений на Стугне, в окрестностях г. Обухова, которое исследует Н. М. Кравченко [Кравченко, 1971, с. 281].

Обухов. Здесь на высоком приречном плато было открыто два пункта: Обухов II и Обухов III. На Обухове III исследовалось сооружение с очагом или печью, под которой состоял из девяти слоев глиняно-черепковой обмазки.

Фрагменты керамики из этих вымоستок принадлежали 39 сосудам различных типов и групп: корчагам, горшкам, мискам, мискам с отверстиями. Корчаги и горшки округлобокие или ребристые. Здесь найдены также фрагменты кружалной миски черняховской культуры III — IV вв. и миски остросеберные зарубинецкого типа [Абашина, Гороховский, 1975, рис. 7].

Керамику Обухова III можно сравнивать с другими подобными памятниками Стугны (Обухов II), а также с Назаровичами, много общих черт она имеет и с материалами более отдаленных территорий распространения культуры этого типа — с Абидней на Верхнем Днепре, Лавриковым Лесом на Десне и др.

Назаровичи. Местность у с. Казаровичи Киево-Святошинского района Киевской области, где открыты древние поселение и могильник, представляет собой первую надпойменную террасу Днепра в устье р. Ирпеня, отлого спускающуюся к обширной заболоченной пойме. Памятники находились на самом берегу водохранилища Киевской ГЭС. Поселение занимало низкий (0,5 м) мыс у северной окраины с. Казаровичи, могильник — более высокий (до 4 м) участок между Казаровичами и Глебовкой [Максимов, Орлов, 1974, рис. 1]. До превращения террасы в берег водохранилища археологические памятники здесь не были известны. Они обнаружались в результате интенсивного размывания берега, обнажившего остатки жилищ и погребений и выбросившего на прибрежную полосу обломки керамики, изделия из металла и другие предметы.

Отличительной особенностью могильника является наличие индивидуальных черт в погребениях.

Погребение I [Круц, Телегин, 1967, с. 9] имело могильную яму овальной формы, длиной 1,8 м глубиной 0,7 м. На дне ямы — следы сильной обожжен-

ности, здесь лежали ошлакованные фрагменты большого горшка, изготовленного из глины с примесью крупных кусков шамота. Это был крупный сосуд, (высота 42 см, диаметр венчика 33 см) с широким устьем и относительно узким дном. Плечо расположено приблизительно на второй трети высоты. Очертания тулова биконические. Венчик гладкий, неориентированный, слегка отогнутый наружу (табл. XXVIII, 15).

Погребение 2 находилось на глубине 0,3—0,4 м от современной поверхности. Яма имела округлую форму, диаметр ее 1,1 м. Заполнение ямы представляло собой гумусированный грунт, пережженных костей мало, найдены фрагменты глиняного горшка и большие куски древесного угля. Скопления угля располагались у восточной и западной стенок ямы ближе ко дну, на глубине 0,7—0,9 м от поверхности (табл. XXVIII, 11). Как и в предыдущем погребении, обломки керамики побывали в огне; они сильно ошлакованные и деформированные. И хотя обломков довольно много, причем даже крупного размера, склеить из них сосуд не удалось. Можно лишь утверждать, что по размерам и форме этот сосуд подобен горшку из погребения 1.

Погребение 4 обнаружено на расстоянии 3,1 м к северо-западу от предыдущего. Могильная яма проявилась на глубине 0,6 м в виде пятна неправильных очертаний размером 2X2,3 м. Ниже яма приобретала форму правильного овала с диаметрами 1,2 и 1,5 м. На глубине 0,7 м она была забита обломками керамики, образовавшими сплошной плотный слой толщиной 13—15 см (табл. XXVIII, 14). Среди керамики, главным образом, у стенок ямы, находились куски древесного угля и несколько мелких обломков сильно пережженных костей человека. Под обломками керамики форма ямы круглая, диаметром 1,2 м. До самого дна на глубине 0,93 м могилу заполнял темный

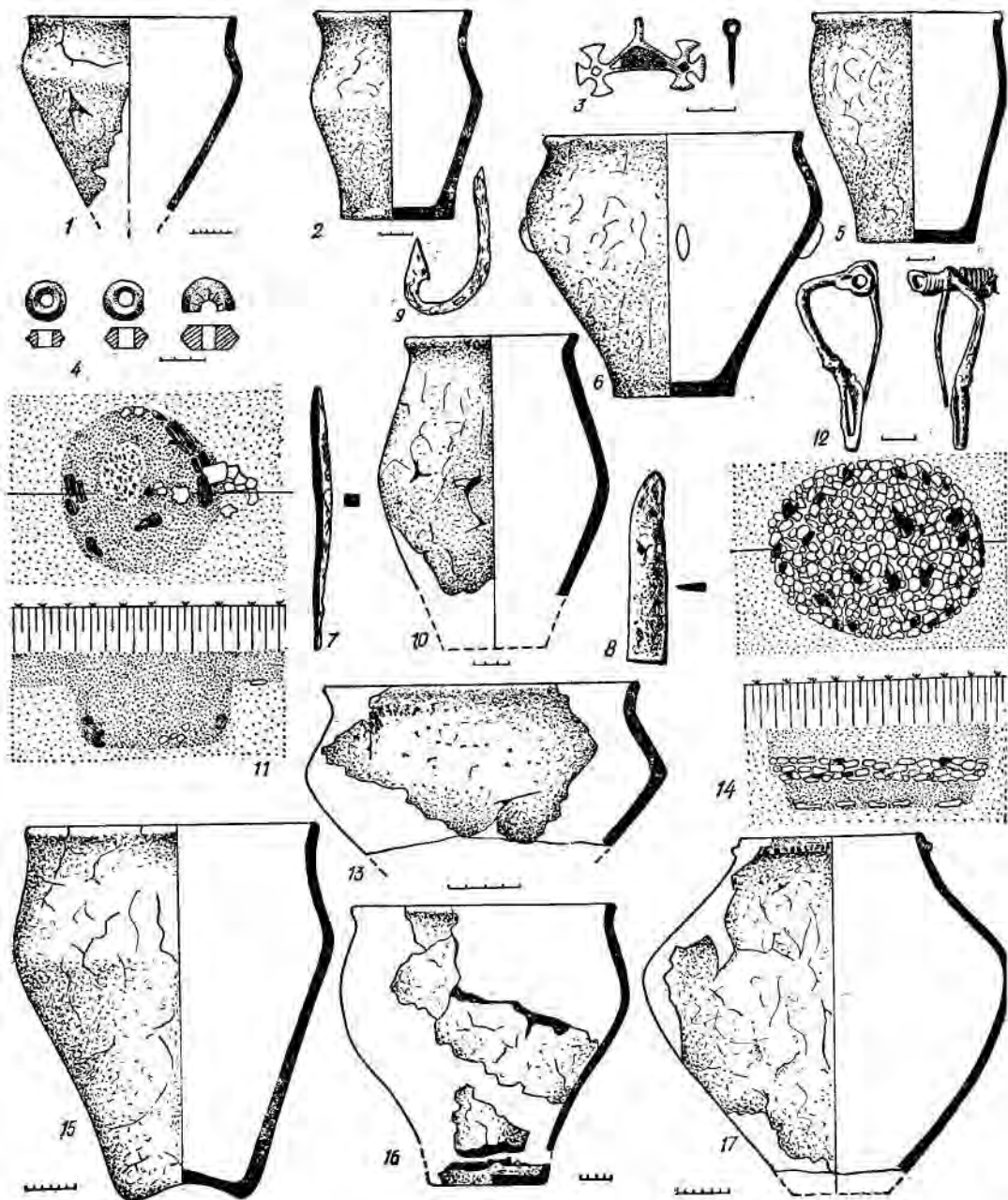

Табл. XXVIII. Материалы поселения и могильника Казаровичи на Ирпене (1—17).

грунт, содержащий мелкие частицы угля. Здесь и на дне обнаружено несколько необожженных костей животных, представлявших собой остатки жертвенной пищи.

Найденные в ямах многочисленные обломки керамики (их было 384) побывали в огне и деформировались. Они принадлежали нескольким сосудам. Выделяются части большой толстостенной корчаги, обломки горшков с диаметром венчиков 18—25 см и крупных мисок. Для биконических и округлобоких горшков характерны низко расположенное плечо, прямой или немного отогнутый наружу венчик. Тесто содержит значительное количество песка и шамота, иногда в виде очень крупных фракций. Цвет наружной поверхности этих сосудов красноватый. Миски имели сравнительно небольшой диаметр (15—18 см) при значительной высоте (12—15 см), биконическое, острорезерное тулово и отогнутый высокий венчик (табл. XXVIII, 13). Наружная поверхность гладкая, подлощенная, красного цвета или чернолощеная.

Погребение 9 совершено в круглой яме, диаметром 1 м, глубиной 0,5 м. На дне ямы — в центре и под южной стенкой — обнаружено пять обугленных плах длиной 0,3 м, шириной 6 см, толщиной 4 см. Тут же, у западной и восточной стенок, лежали фрагменты донной части большого лепного горшка, рядом с ними — несколько мелких обломков пережженных человеческих костей (табл. XXIX, 1).

Погребение 11 удалено от группы погребений № 2—8 на 300 м к северо-западу [Максимов, Орлов, 1974, рис. 1]. Оно замечено в обрыве берега, у юго-восточной окраины с. Глебовки. Могила оказалась частично разрушенной. Яма диаметром около 1 м и глубиной 0,8 м имела круглую в плане форму, дно было неровное. Заполнение состояло из темного грунта, насыщенного мелким

древесным углем. На дне обнаружены куски поленьев, обломки пережженного крупного округлобокого горшка с немного отклоненным наружу венчиком и семь мелких обломков кальцинированных костей (табл. XXVIII, 16) [Максимов, Орлов, 1974, рис. 2].

Погребение 12 находилось в 55 м к северо-западу от погребения 11. Судя по сохранившейся части, могильная яма имела овальную форму, диаметром 1 и 1,6 м. Глубина ямы 0,8 м от современной поверхности. На глубине 0,65 м были обнаружены куски древесного угля, фрагменты керамики, в том числе побывавшие в огне, и обломки кальцинированных костей [Максимов, Орлов, 1974, рис. 2]. Керамика занимала периферийную часть могилы, остатки сгоревших плах находились в центре в неглубоком (5 см) углублении диаметром 0,35 м. Обломки стенок горшков (около 100) идентичны керамике, найденной в других погребениях, а также на поселении. Это — толстостенные сосуды красноватого цвета из глины, содержащей значительную примесь крупного шамота, с венчиком, немного отогнутым наружу. Встречаются обломки стенок, указывающие на биконичность тулова, и фрагменты стенок со штриховкой.

Погребение 14 находилось на расстоянии 21 м к северо-западу от погребения 9. Могильная яма неглубокая 0,4 м от современной поверхности. Верхняя часть была в темном пахотном слое, поэтому очертания ямы не установлены, но, судя по расположению находок, она была круглой, диаметром 0,6 м. На глубине 0,27 м и ниже яма была забитой обломками двух крупных сосудов, часть которых вторично побывала в огне. Толщина этого керамического слоя 13 см. Из обломков удалось склеить корчагу высотой более 40 см, с диаметром горла 21 см, биконической формы, украшенную расчлененным валиком под краем и насечками по срезу

Табл. XXIX. Казаровичи, остатки догребедия № 9 (1) и жилища III (2),

края (табл. XXVIII, 17). Обломки подобных сосудов встречались среди подъемного материала поселения. Обломки другого сосуда, найденного в могиле, принадлежали горшку с отогнутым наружу венчиком, украшенным насечками по срезу. Цвет его темпосерый и красноватый, тесто плотное, с примесью крупного шамота. В грунте, выброшенном из могилы, найдена небольшая железная фнбула с подвижным приемником, дуговидной спинкой и много витковой пружины (табл. XXVIII, 12).

Древнее поселение, синхронное могильнику, расположено в 300 м к юго-востоку от него. В этом месте на берегу найдены обломки керамики, несколько пряслиц, обломки костей животных. Жилища поселения представляли собой полужемлянки. Но ни одно из оснований жилищ не сохранилось, так как их нижние части находились в воде, на уровне дна водохранилища. Лишь в короткие периоды времени, когда ветер отгонял воду от берега, обнажались остатки жилищ: поды (табл. XXIX, 2) и нижние части стен глинобитных печей. Вокруг них наблюдалось скопление археологического материала.

Жилище I расположено в западной части поселения. Судя по уровню пода, пол жилища располагался на глубине 0,6 м от поверхности. На той же глубине близ остатков печи лежали обломки керамики и кости животных, занимая 12—16 м². Очевидно, длина стен жилища превышала 3 м. Печь находилась в его юго-восточном углу. Ее под, диаметром около 1 м, имел округлую форму. Он оказался двухслойным. Толщина верхнего слоя обожженной глины имела 2—4 см. Под подстилался слоем битой керамики. Ниже шел еще один под, толщиной 5—6 см, также состоящий из слоя обожженной глины и слоя керамики.

Всего в поду оказалось 76 крупных фрагментов от нескольких сосудов.

Один из них был полностью восстановлен (табл. XXVIII, 5), Это небольшой (высота около 20 см) горшок с широким отверстием и узким дном, высоким плечом и небольшим, слабо отогнутым наружу венчиком. Еще один такой же по размерам и пропорциям горшок, но с невыразительным профилем найден в обломках. Такие горшки оказались наиболее многочисленными как на поселении — в жилищах и среди подъемного материала, так и в погребениях. Они не были орнаментированы, лишь изредка встречались ямки или косые насечки, нанесенные по краю венчика, а также расчесы в виде параллельных вертикальных или косых линий [Максимов, Орлов, 1974, рис. 5]. Среди обломков сосудов, входивших в состав пода печи жилища I, оказалось несколько фрагментов толстостенного горшка, украшенного подобным образом.

Жилище III находилось в 30 м к югу от предыдущего. Условия его сохранности подобны отмеченным выше для жилища I: при понижении уровня воды обнажились остатки пода, находившиеся уже на дне «моря», на расстоянии 6 м от береговой кромки 1970 г. Под был двухслойным. Сверху на глубине 1,03 м от древней поверхности шел слой докрасна обожженной глины толщиной 3 см, намазанной на равномерно размещенные по поду обломки керамики. Керамический слой лежал на более древнем поде толщиной 2—3 см, который также подстилался слоем битой керамики. По площади древний под несколько превышал верхний; его диаметр около 1 м. В нижний под входило более 300 обломков керамики. Верхний под состоял из 39 обломков.

Возле пода найдены белая пастовая бусина, обломок железного рыболовного крючка, стержня и ножа, бронзовая пряжка, биконическое плоское пряслице с широким отверстием, подобное другим пряслицам, найденным иа

площади поселения и могильника (табл. XXVIII, 4,7—9).

Фрагменты керамики, обнаруженные в верхнем и нижнем подах жилища III, принадлежали крупным горшкам светло-коричневого или коричнево-красного цвета, изготовленным из глины с примесью шамота. Диаметр горла одних горшков был лишь ненамного больше диаметра дна, крупные венчики отогнуты наружу, плечо низкое. Встречался орнамент в виде косых насечек по венчику. Второй тип горшков имел широкое устье, относительно узкое дно, небольшой, плавно отогнутый наружу венчик, округлобкое тулово.

Среди указанных обломков в нижнем поде встретились части чернолощеного горшка зарубинецкого типа с высоким острым плечом, аналогией которому может служить сосуд из погребения 12 Чаплинского могильника I—II вв. н. э. [Кухаренко, 1959, табл. V, 4].

Жилище IV находилось в 28 м к югу от предыдущего. От него также сохранился в воде «моря» лишь под печи овальной формы, диаметром 0,9X1,1 м. На плохо обожженной поверхности пода лежали завалы более мягкой «печины». Конструкция этого пода повторяла особенности, отмеченные выше для подов жилищ I и III; верх глиняный, низ из обломков керамики. Всего здесь обнаружено более 90 фрагментов, принадлежавших четырем крупным корчагам с широким отверстием и узким дном, высоким острым плечом и небольшим, отогнутым наружу венчиком (табл. XXVIII, 1). Возле пода на площади жилища найдены фрагмент бронзовой лунницы с крестовидными концами, украшенный эмалью красного цвета, пять обломков железных ножей, подобных обнаруженному возле пода жилища III, железный стержень (табл. XXVIII, 3, 7).

Жилище V находилось в 65 м к северо-западу от жилища I. Оно также оказалось полностью разрушенным во-

дами «моря». У береговой кромки обнаружены фрагменты пода и обломки кухонного горшка, который удалось реставрировать (табл. XXVIII, 2).

Керамика из жилищ и культурного слоя поселения своими формами и технологическими особенностями не отличается от керамики из погребений. Наиболее многочисленными оказались обломки кухонных горшков и корчаг, среди которых можно выделить четыре основных типа.

Первый тип — горшки биконических очертаний, с узким дном и небольшим отогнутым наружу венчиком (табл. XXVIII, 10).

Второй тип — округлобокие горшки, имеющие менее четко выраженное плечо; эти сосуды по размерам близки горшкам первого типа (табл. XXVIII, 5).

К третьему типу относятся толсто-стенные сосуды крупных размеров — корчаги. Они имеют широкое устье, узкое дно, высоко расположенное округлое плечо и маленький, отогнутый наружу венчик (табл. XXVIII, 6, 16).

Четвертый тип — биконические узкогорлые корчаги с валиком, проходящим под краем венчика (табл. XXVIII, 17).

Чернолощенная керамика — это высокоплечие острореберные горшки и такие же острореберные миски. Для этих сосудов характерен небольшой прямой, отогнутый наружу венчик (табл. XXVIII, 13).

Простая керамика — горшки первого и второго типов, корчаги третьего типа — и чернолощенная посуда из Казаровичей имеют аналогии в материалах Корчеватского могильника и поселения Лютеж [Самойловский, 1959, табл. II, 45, 54; IV, 76; VI, 149 и др.; Бидзиля, Пачкова, 1969, рис. 9, 1, 2, 18, 20].

Из находок в жилищах интерес представляет лунница, многочисленные аналогии которой известны на территории Среднего Поднепровья [Макаренко, 1928]. Предметы с выемчатой эмалью были распространены и севернее, в

Верхнем Поднепровье, причем они там встречены на поселениях киевского типа вместе с керамикой, подобной найденной в Назаровичах. Эти поселения датируются предметами античного происхождения, относящимися к III—IV вв. н. э. [Поболь, 1971, с. 100—113].

Датировка древностей у с. Казаровичи, устанавливаемая на основании лунницы с выемчатой эмалью, подтверждается железной фибулой из погребения 14, о которой упоминается выше. Время таких фибул определяется концом II—III вв. н. э. [Амброз, 1966, с. 62, табл. II, 6]. Все эти материалы дают возможность датировать поселение и могильник у с. Казаровичи концом II—III в в. н. э.

Памятники типа Назаровичей, а также памятники этой культуры, но более позднего времени, открытые П. Н. Третьяковым и нами на Подесенье, вместе с другими материалами, обнаруженными на Среднем Поднепровье, на Верхнем Днепре и в иных местах, позволяют дать общую характеристику киевской культуре [Третьяков, 1974, с. 40 и сл.; Максимов, Терпиловский, 1978; 1979; Терпиловский, 1977; 1980; Кравченко, Гороховский, 1979; Поболь, 1970].

Характеристика киевской культуры.

В настоящее время наши представления о памятниках киевского типа, в формировании которой значение зарубинецких древностей трудно переоценить, выглядят следующим образом.

Территория. Памятники киевской культуры известны в Верхнем и Среднем Поднепровье, на Десне и Сейме, образуя три локальные группы: среднеднепровскую, деснянскую и верхнеднепровскую.

На Среднем Поднепровье насчитывается около 50 памятников, из них — три могильника и 13 поселений, исследованных раскопками разного масштаба [Кравченко, Гороховский* 1979, с. 60]. Северной границей распространения

памятников здесь является нижнее течение Тетерева, южной — устье Роси. На правобережье Днепра памятники занимают поречья Здвижа, Ирпеня и Стугны, на левобережье идут вдоль берегов Днепра и по Трубежу.

Под поселения использовались мысовые участки коренного берега, край надпойменной террасы и возвышенности в пойме. Таким образом, население культуры киевского типа следовало здесь зарубинецким традициям.

Среднеднепровские памятники по сравнению с памятниками других регионов отличаются большим разнообразием. Это видно в их топографии (пойма, надпойменная терраса, а также мысы коренного берега), в типах и конструкции жилищ (полуземлянки и наземные постройки со срубными или каркасно-глинобитными стенами, очагами с многослойными подами вне построек).

Трупосожжение на Киевщине отличает иногда большое количество костей, наличие вторично обожженных черепков и костей животных. Керамика имеет много вариантов и разнообразную орнаментацию. Здесь чаще встречаются миски с подлощенной поверхностью, иногда с орнаментом в виде фриза заштрихованных треугольников — подражание Черняховскому.

Для Киевщины обычны также находки выемчатых эмалей, в том числе и на самих памятниках.

Вторым и наиболее полно исследованным районом распространения памятников киевского типа является Подесенье от Чернигова до Брянска [Третьяков, 1974; Максимов, Терпиловский, 1978, с. 91 и сл.; 1979, с. 21 и сл.]. Здесь известно около 90 поселений, из которых с полной уверенностью к киевской культуре можно отнести 13, где производились раскопки, и еще 20 других, давших подъемный материал [Терпиловский, 1980, с. 7]. Большая часть этих памятников находится на краю-

надпойменной террасы Десны или ее малых притоков, остальные известны на пойменных всхолмлениях.

О памятниках киевского типа на Верхнем Поднепровье известно очень немного. Согласно данным Л. Д. Поболя, здесь открыто более 200 селищ и несколько могильников. Раскопки производились на поселениях и могильниках Абидня и Тайманово к югу от Могилева, а разведочные раскопки — на поселении Красная Зорька и Красный Бор. С уверенностью к киевской культуре можно отнести лишь 15 поселений и три могильника [Поболь, 1970, с. 169]. Эти памятники также размещены по низким берегам рек, иногда на возвышенностях поймы. Часто они занимали места позднезарубинецких памятников. Здесь известны крупные поселения, застроенные наземными и полуземляночными жилищами (в Абидне исследовано 29 таких построек), чего на Десне и Киевщине нет.

В керамическом комплексе ведущее место, как и на Киевщине, принадлежит округлобоким и ребристым горшкам и корчагам с высокорасположенным плечом, а также биконическим горшкам. Часто встречаются расчески по поверхности сосудов. Столовая посуда представлена подлощенными высокими ребристыми мисками позднезарубинецкого типа. Известны находки украшений с выемчатой эмалью местного производства. В Тайманово найдены предметы Черняховского круга: фибула, пряжки и бусы, а в Абидне — также и фрагменты более ранней импортной краснолаковой посуды II в. н. э.

Памятников киевской культуры на Сейме известны мало, их исследование только начинается [Сымонович, 1974, с. 154 и ел.]. Целый ряд особенностей сближает их с памятниками Подесенья.

Отличительные черты каждой из трех групп киевской культуры следует объяснять особенностями субстратных культур, а также воздействием соседей. Так,

распространение полуземлянок с центральным столбом и тюльпановидных горшков в Подесенье и Посеймье можно связывать с участием населения печепской культуры в формировании этих древностей, а наличие хозяйственных построек с каркасно-глинобитными стенами и различных типов ребристой керамики — с мощной зарубинецкой подосновой, которая дала также полуземлянки с очагом в углу, округлобокие и биконические горшки, лощеные миски, орнамент в виде пальцевых ямок или насечек по краю венчика.

В Верхнем Поднепровье отчетливо заметно воздействие соседней культуры штрихованной керамики, а на Среднем Поднепровье — Черняховской культуры.

Поселения располагались на участках с плодородными почвами, в пойме, надпойменной террасе и на плато коренного берега. Переход на плато является отличительной чертой Среднего Поднепровья [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 62].

Топография размещения поселений указывает направленность хозяйства — на плодородных грунтах — земледелие, в пойме — выпас скота.

Поселения размещались на расстоянии 1—2 км друг от друга группами, «гнездами», что указывает на родо-племенную структуру общества. Такие «гнезда» поселений известны на р. Стугне в Среднем Поднепровье [Кравченко, Гороховский, 1979, рис. 4], на притоках Десны — Судости, Смячи, Малотечке [Третьяков, 1974, с. 44], на Верхнем Днепре — близ устья Березны и в районе г. Могилева [Поболь, 1970, рис. 58].

Размеры поселений на Подесенье и Среднем Поднепровье невелики — до 2 га, на Верхнем Днепре — больше. Верхнеднепровские поселения идут отчетливо выраженный культурный слой (0,6—0,8 м), в других районах он совпадает с пахотным слоем, а архео-

логические материалы концентрируются в местах расположения жилых и хозяйственных сооружений, причем их много — до 300—1000 фрагментов керамики на каждое жилище. Эти данные свидетельствуют о длительности существования поселений.

Поселения состояли из небольшого количества жилищ (5—15), наземных хозяйственных построек типа сараев и ям-погребов. Планировка была свободной, обычно сооружения шли вдоль края террасы (Ульяновка). Об устройстве жилых и хозяйственных сооружений имеются достоверные сведения, поскольку на Среднем Поднепровье раскопано более 20 жилищ, на Верхнем Поднепровье — еще больше (в Абидне — 29), несколько сооружений этого типа известны на Посеймье, а на Подесенье — 22 жилища, 8 хозяйственных построек и более 300 ям-погребов [Терпиловский, 1980, с. 7].

Жилища представляли собой полуземлянки прямоугольной или квадратной формы с деревянными срубными стенами, ориентированными по сторонам света, длиной 2,5—4,6 м, площадью 17—18 м² [Максимов, Терпиловский, 1978, с. 94—98]. Пол ровный, подмазанный глиной. Его глубина от современной поверхности 0,5—1,2 м. Большая часть жилищ имеет в центре коническую яму для столба диаметром 0,2—0,3 м и ямы вдоль стен, которые предназначались для держания кровли — в таких случаях ямы располагались по одной линии с центральной (табл. XXX).

Вход представлял собой небольшой дромос, полого выходящий за пределы котлована жилища. Место входа иногда отмечалось при раскопках в одном из южных углов жилища или со стороны склияя. Кровля из соломы, возможно, обмазывалась глиной, остатки такой обмазки толщиной 0,1 м, перекрывавшей всю площадь жилища, были обнаружены на поселении Роище близ Чер-

нигова (Максимов, Терпиловский, 1978, с. 96].

Каждое жилище имело печь или очаг открытого типа, который размещался в центральной части неглубокой округлой (0,5—0,9 м) ямы, огражденной невысоким бортиком из глины или камней (Подесенье). Иногда под очага выкладывался камень (Верхнее Поднепровье) или черепками (Среднее Поднепровье).

Глинобитные печи известны редко. Конструкция их неясна: они плохо сохранились. В одном жилище на Среднем Поднепровье (Белгородка) и на Подесенье (Роище) обнаружена печь, которая была врезана в северную стену постройки и имела двухслойный под, вымощенный обломками местных и Черняховских горшков.

Происхождение жилищ киевской культуры можно связать с позднерубинскими жилищами Верхнего Подесенья (Почеп), но внутренняя планировка их указывает на более древний источник — зарубинецкую лесостепь. В устройстве жилищ еще нет устойчивости, что заметно в колебании их размеров и формы, в отсутствии иногда центрального столба, в различном местоположении очага, бытовании наземных построек (на Среднем Поднепровье). Лишь на Подесенье квадратные полуземлянки с центральным столбом и очагом были единственным типом жилища, причем эта традиция сохранилась здесь вплоть до V—VII вв. [Горюнов, 1977, с. 8], а затем — в пеньковской культуре на определенной части ее территории [Хавлюк, 1974, с. 190] и в колочинской культуре [Сымонович, 1963, с. 123]. В VII в. эти полуземлянки с очагом и центральным столбом уступают место полуземлянкам с глинобитными или каменными печами, характерными для раннеславянских памятников этого времени.

Многочисленны хозяйственные ямы-погреба различной формы, диаметром

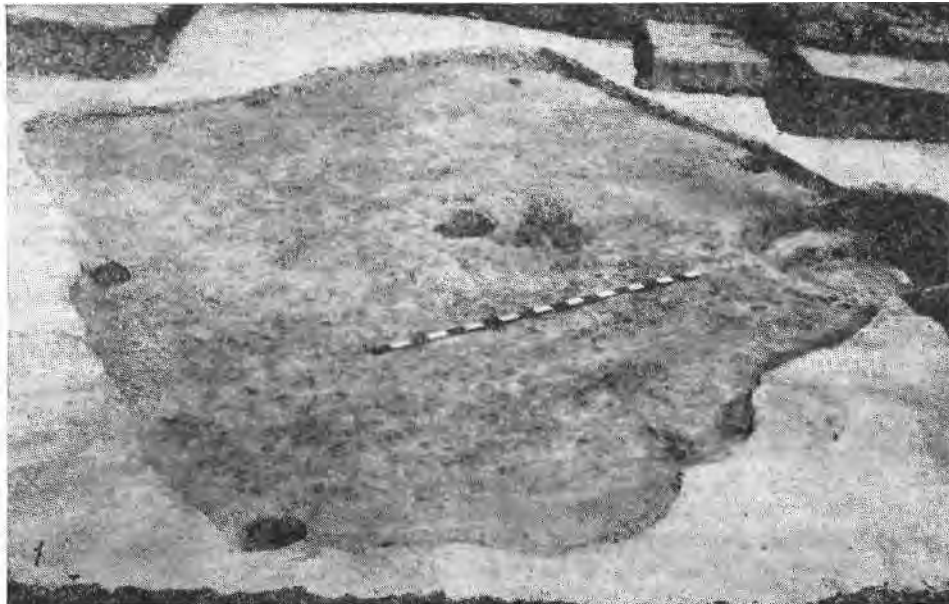

Табл. XXX. Жилища поселений киевской культуры на Средней Десне — Ульяновка (1) и Киселевка (2).

(по горловине) 0,6—1,2 м, глубиной до 1,5 м. Обнаружены сараи — наземные постройки с каркасно-глиняными стенами длиной 5—7 м. Внутри них находились ямы для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря.

Погребальный обряд известен по материалам девяти могильников (Казаровичи, Безрадичи, Бортниччи — на Киевщине, Абидня, Тайманово, Красная Зорька, Быхов — в Белоруссии, Киреевка, Смяч — в Подесенье), в которых исследовано до 90 погребений. Все могильники находились близ поселений, в сходных с ними топографических условиях, не имели внешних отличительных признаков. Погребальным обрядом являлась кремация на стороне. Могильные ямы имели округлую форму, диаметром 0,4—1,5 м и глубиной 0,15—1,0 м от поверхности. В яму помещали немного кальцинированных костей, иногда с остатками погребального костра (табл. XXIX, 1), жертвенную мясную пищу, фрагменты разбитых, иногда пережженных при кремации, сосудов, иные единичные предметы — фибулу, прясло, подвеску, браслет, пряжку, булавку, бусины.

Керамику можно разделить на местную и привозную — черняховскую и античную. Черняховская встречается в количестве 2—5%, античная еще меньше. Местная посуда это — грубостенные кухонные горшки, корчаги, а также крышки-сковородки, значительно меньше обнаружено лощеных или заглаженных столовых мисок и горшков.

На ранних памятниках больше встречается крупных горшков, на поздних — горшков средних размеров, диаметром 10—20 см по венчику.

Горшки и корчаги представлены пятью типами: 1) с широкой горловиной и высоким плечом, коническим туловом, узким дном. Известно два варианта — с округлым плечом и слабо отогнутым венчиком и с ребристым

плечом и сильно отогнутым венчиком; 2) с суженной горловиной и средним плечом; имеется два варианта — с отогнутым наружу и вертикальным венчиком; 3) тюльпановидной формы туловом, невыразительным плечом, почти равным диаметру венчика, который имеет два варианта — невыразительной формы и отогнутый наружу; 4) с ребристым среднерасположенным плечом — так называемые биконические сосуды, сюда входят и все столовые горшки с заглаженной поверхностью; 5) цилиндрическо-конические горшки со средним плечом (табл. XXXI, 11-15).

Эти типы горшков встречаются на памятниках в различных количественных сочетаниях, что зависело от времени и региональных особенностей. Миски не поддаются четкой классификации из-за их малочисленности. Можно, однако, отметить, что для ранних среднеднепровских памятников (Грини) характерны остросереберные формы с широким горлом, близкие местным позднезарубинецким (Таценки), а для Подесенья (Колодезный Бугор) исходной формой были цилиндрические миски почепского типа. Для более поздних памятников этих регионов (Обухов II, Роище) характерны остросереберные биконические миски, близкие формам Черняховских мисок. *Орудия труда* представлены железными ножами с прямым лезвием и прямой спинкой длиной 12—15 см и клиновидным черенком, рукоятка иногда крепилась заклепками или колечками (табл. XXXI, 1). Часто встречаются шилья — железные стержни до 10 см длины с двумя заостренными концами. Впервые для этой культуры найден железный узколопастный наральник (Ульяновка) (табл. XXXI, 5). Серпы из шести поселений отличаются иногда крупными размерами (25—35 см), наличием штыревой или черешковой рукоятки (табл. XXXI, 2, 9).

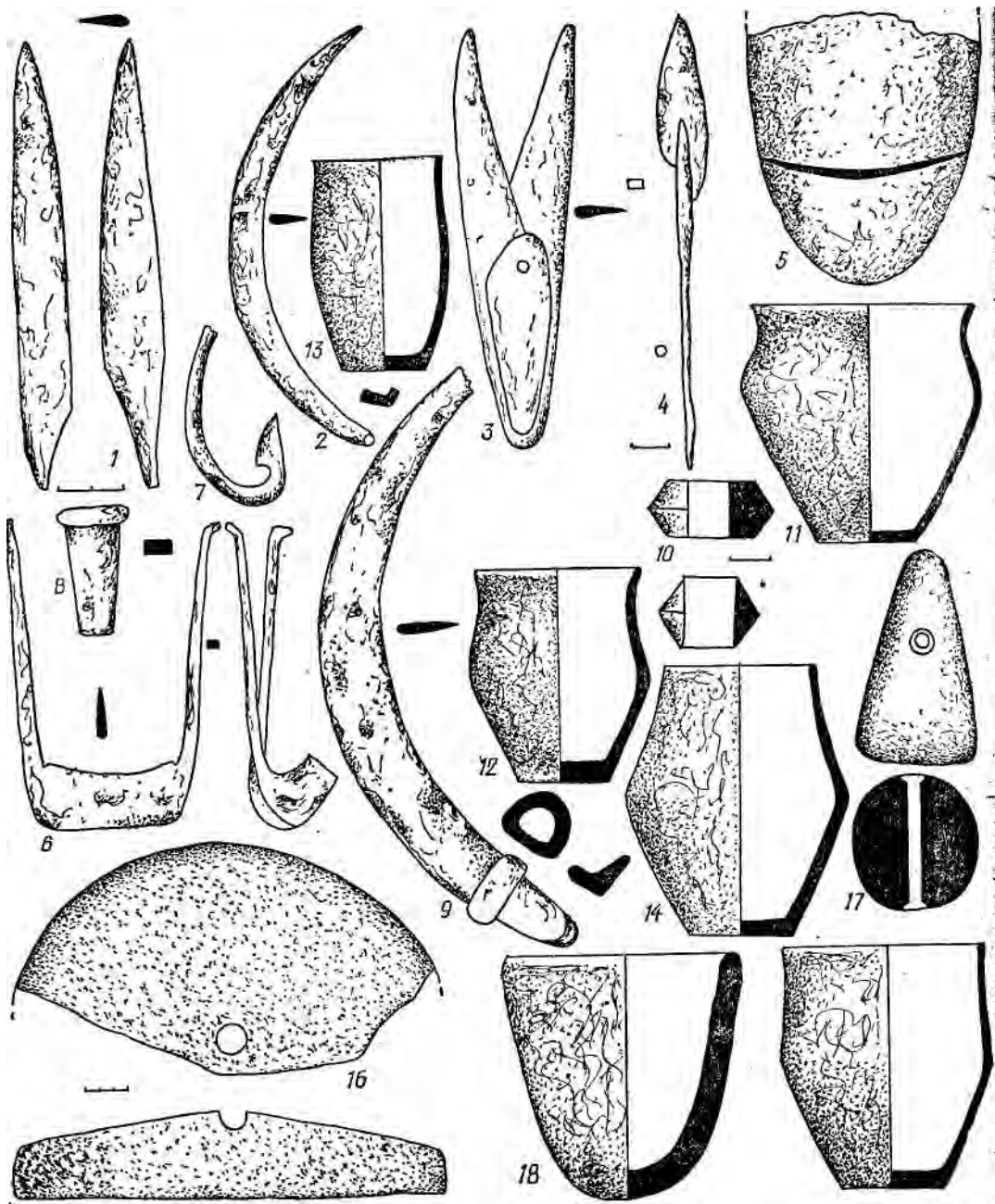

Табл. XXXI, Орудия труда киевской культуры (I—18),

Несколькими экземплярами представлены долота, перовидные сверла, двуручные струги — скобели (табл. XXXI, 4, 6). Найдено зубило, миниатюрная (для ювелирных работ) железная наковальня, железные иглы с ушками, железное кресало трапециевидной формы, пружинные ножницы, бритва с прямым лезвием и стержневидной рукояткой, рыболовные крючки (табл. XXXI, 3, 7, 8). Из каменных орудий встретились обломки жерновов и несколько целых их экземпляров (Ульяновка, Роище) диаметром до 40 см, толщиной 10 см, изготовленные из вулканического туфа (табл. XXXI, 16). Известны в единичных экземплярах каменные шаровидные растиральники и точильные бруски. Из глиняных орудий труда самые многочисленные — уплощенные биконические прясла с крупным (1—1,5 см) отверстием, лощеные, симметричные, одинаковые для всех трех регионов (табл. XXXI, 10). Встречены конусовидные, пирамидальные и цилиндрические грузила со сквозным отверстием в верхней части — отвесы для вертикального ткацкого станка (табл. XXXI, 17). Найдены толстостенные остродонные тигли для плавки бронзы (табл. XXXI, 18), льячка и литейная формочка (Абидня) для отливки лунниц. Костяные орудия представлены тупиками-стругами из ребер крупного рогатого скота для очистки шкур, «коньками», из плюсовых костей лошади — для разглаживания кож и ткани, а также кочедыками, проколками, иглами.

Оружие представлено железным черешковым четырехгранным наконечником стрелы (Ульяновка); предметы воинского снаряжения — несколькими железными и бронзовыми шпорами римских типов (Новые Безрадици, Тайманово), набором украшений сбруи из серебряных лунниц (табл. XXXII, 20).

Предметы убора. Найдено до 20 экземпляров разнообразных фибул. Наи-

более значительную группу из них составляют бронзовые, и железные с подвижным приемником черняховских типов III—IV вв. К числу более ранних относится вогнутая подвижная фибула конца II — начала III в. н. э. яз погребения 14 в Назаровичах (табл. XXVIII, 12) и бронзовая сильнопрофилированная фибула того же времени из Вовков. III в. н. э. датируется железная подвижная фибула с шипом в конце спинки из Лаврикова Леса (табл. XXXII, 4), аналогии которой встречаются в материалах Литвы.

Из булавок наиболее многочисленными оказались посоховидные (табл. XXXII, 10, 11), известны также булавки с кольцевой и плоской головкой, подвески трапециевидной формы из тонкого бронзового листа, часто с точечным орнаментом. Пронизи изготавливались из тонкой бронзовой ленты, скрученной в цилиндр длиной 3—4 см, диаметром 0,5 см. Бронзовые браслеты с утолщенными концами (табл. XXXII, 1) и зеркала алаано-гуннского типа представлены единичными находками (Ульяновка). Известны бронзовые и железные пряжки черняховских типов (табл. XXXII, 6—9), лунницы и ажурные подвески (табл. XXXII, 21—23) с выемчатой эмалью (Поднепровье), пастовые и стеклянные бусины различной формы и окраски III—IV вв. н. э. (табл. XXXII, 16, 17), уникальный железный гребень III в. и. э. (Новые Безрадици) и четыре костяных трехслойных гребня IV в. (окрестности Чернигова) (табл. XXXII, 18).

Монеты римской чеканки встречаются редко (Абидня), однако во всех регионах киевской культуры отдельные бронзовые и серебряные монеты, а также монетные клады известны: на Верхнем Днепре один из кладов (возле г. Климовичи) состоял из 1815 монет, на Подесенье зарегистрировано 13 находок римских монет, а на Среднем По-

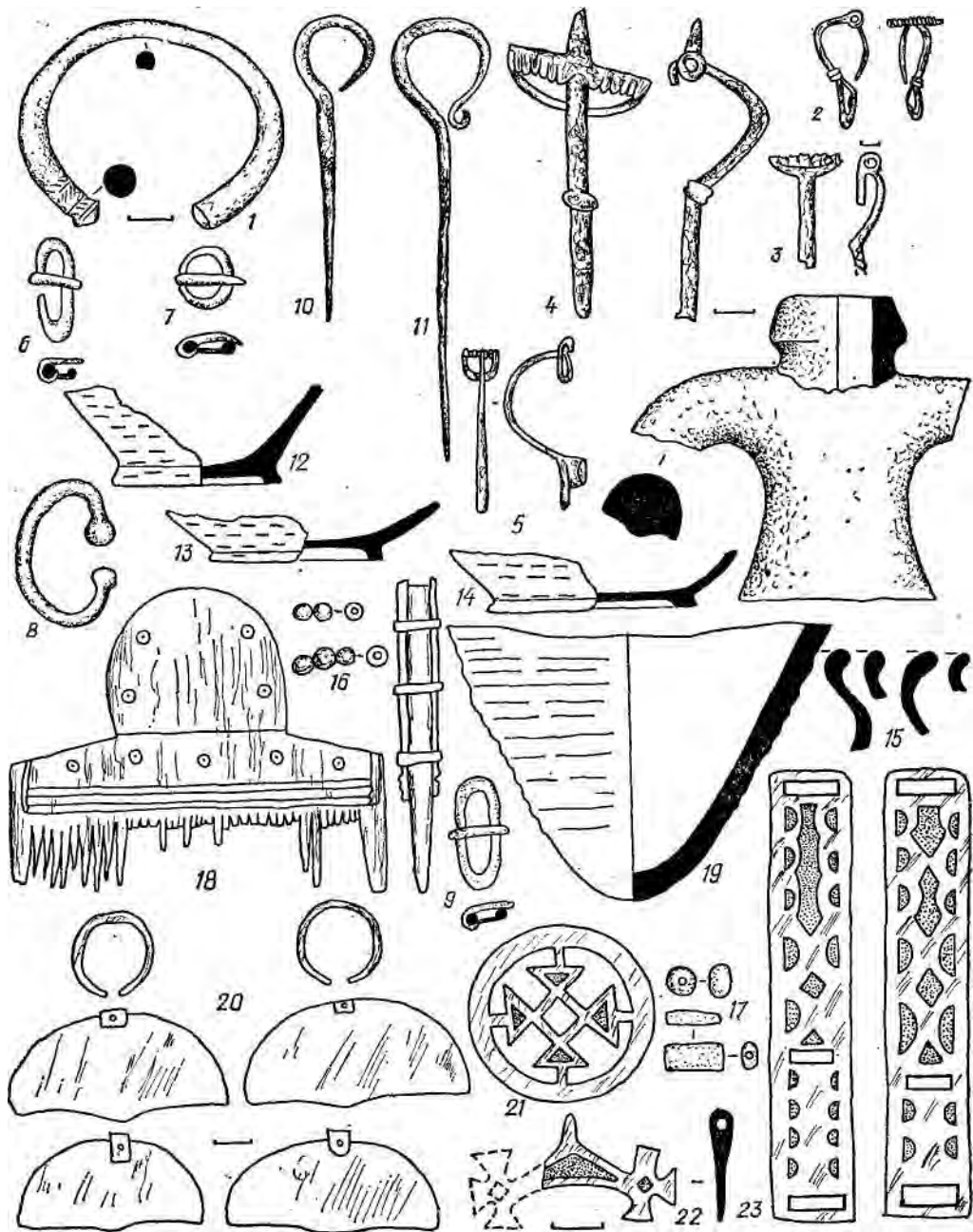

Табл. XXXII. Киевская культура. Предметы личного пользования (1—11, 20—23) и импортные предметы (12—19).

днепровье — 29. Из монетного серебра изготовлен набор крупных лунниц для ИКОНСКОЙ сбри, найденный близ Чернигова (Роище).

Немногочисленные импортные предметы II — начала III в. античного происхождения: краснолаковая керамика (Грини, Абидня) и, возможно, бронзовые сосуды (Киев, Абидня). К III—IV вв. н. э. античный импорт возрастает по ассортименту и количеству. Во всех регионах культуры найдены амфоры, (табл. XXXII, 19), бронзовые и железные шпоры, стеклянные и пастовые бусы. Этот импорт шел непосредственно из области черняховской культуры, одновременно с Черняховскими вещами, такими как: бронзовые и железные фибулы и пряжки, костяные составные гребни, ручные жернова, наральники, серпы, зеркала гончарная посуда (табл. XXXII, 12—15). В это время некоторые типы фибул, а также гребней, пружинные ножницы и бритвы могли поступать сюда из северных и западных территорий.

Хронология. Изменения во времени некоторых элементов культуры — планировки поселений, устройства жилищ, орудий труда, украшений и, главным образом, керамического комплекса позволяют разделить киевскую культуру на три периода, хронология которых основана на датированных находках импортного происхождения: 1) ранний период — со II в. н. э. по середину III в. н. э.; 2) средний период — с III в. н. э. по начало IV в.; 3) поздний период — IV в. н. э. Возникновение киевской культуры и изменения по этим периодам ее развития не имели вида единовременных актов, а занимали какое-то, возможно, довольно продолжительное время, вследствие чего периоды частично совмещались.

Ранний период — время возникновения культуры. К нему относится небольшая группа памятников. Это Грини, Казаровичи, Решетки, Вовки, поз-

дне материалы Оболони и Лютежа — на Среднем Поднепровье, Абидня — в Белоруссии, Колодезный Бугор на Десне и некоторые поздние комплексы Почапа. Жилища этих памятников — квадратные полуземлянки с центральным столбом, но известны здесь и жилища без столба (Казаровичи, жилище б, Колодезный Бугор). Керамика памятников содержит еще кое-какие иоздnezарубинецкие черты в типологии горшков и корчаг, в наличии на них орнамента (ямки, насечки по венчику), в формах многочисленных остроруберных чернолощенных мисок. Датируют эти памятники фрагмент краснолаковой миски конца I—II вв. н. э. (Грини), подвязная железная фибула с изогнутым туловом конца II — начала III в. (Казаровичи, погр. 14, табл. XXVIII, 12), бронзовая сильнопрофилированная двучленная фибула с гребнем на дужке II — начала III в. (Вовки) [Горюнов, 1981, рис. 13, 3].

Средний период на Поднепровье представляют Обухов III, Новые Безрадици, большая часть погребений и жилищ Казаровичей и Абидни, а на Подесенье — Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка, Вишенки и др. Конструкция жилищ приобретает устойчивые черты, характерные для киевской культуры, уменьшаются находки чернолощенных мисок, кухонных горшков с пережиточными зарубинецкими чертами, зато резко возрастает количество ребристых форм — 60 % на Среднем Поднепровье, появляются закраины на крышках-сковородах. К числу твердо датированных находок этого периода относятся железный гребень, граненая полукруглая пряжка III в. (Новые Безрадици) [Даниленко, 1976, рис. 3] и фибула с подвязным приемником и штырем III — начала IV в. (Лавриков Лес, табл. XXXII, 4).

Поздний период — это поселения Новые Безрадици, Ходосовка, Хлепча и Обухов II — на Киевщине, Абидня и

Тайманово — на Верхнем Днепре, Ульяновка, Роище, Киселевка, Выбли, Мезин, Куриловка — на Подесенье и др. В керамическом комплексе этого времени господствующее место занимают биконические формы горшков и корчаг, появляются цилиндрические сосуды, в столовой посуде исчезают чернолощечные миски зарубинецких традиций, их место занимают миски Черняховской профилировки. Влияние Черняховской культуры сказывается также в формах и ассортименте орудий труда, предметов личного убора. Датированных вещей много. Это бронзовые и железные подвязные фибулы IV в. (Ходосовка, Новые Безрадичи, Куриловка, Абидня, Тайманово), пряжки Черняховского типа, в основном IV в. (Ульяновка, Роище, Киселевка, Хлепча, Абидня), фрагменты светлоглиняных амфор с рифленной поверхностью тулова (Ульяновка, Роище), костяные составные гребни IV в. (Ульяновка, Роище, Киселевка), бусы (Ульяновка, Роище, Киселевка), зеркало гуннского времени (Ульяновка) и, конечно, обломки черняховских мисок, горшков и кувшинов IV в. н. э. (Новые Безрадичи, Тайманово, Ульяновка, Роище, Киселевка, Выбли, Мезин, Куриловка и др.).

Генезис. Немаловажное значение для выяснения проблемы происхождения киевской культуры имеет ее местоположение, поскольку все ее регионы занимали территорию, где зарубинецкие памятники были основным (Среднее Поднепровье) или единственным видом древностей (Верхнее Поднепровье, Подесенье). Несомненно, они явились субстратом новой культуры, причем трансформация многих зарубинецких элементов в элементы киевской культуры имела порегиональные особенности. Так, на Киевщине в раннее время преобладают горшки 1 и 2 типов, иногда с зарубинецкой орнаментацией, лощеные ребристые миски, в то время как в Белоруссии эти миски находят пря-

мые аналогии в поздних комплексах Чаплина, а на Подесенье распространение получают горшки 3 типа и миски, известные в Почепе. Видны связи и в области хозяйственной деятельности — земледелии, животноводстве, кузнечном и гончарном ремеслах, которые близки зарубинецкой культуре и отличаются от соседних северных культур,

Большое сходство наблюдается между жилищами обеих культур. Зарубинецкие жилища на Среднем Поднепровье — квадратные, размером 4Х4 м, опущенные в материк на 0,2 м с очагом открытого типа в центре, с хозяйственными ямами-погребями по периферии. Эти признаки характеризуют жилища киевской культуры. Но у «зарубинцев» жилища имели столбовую конструкцию, с плетнево-глиняными стенами, а у населения киевской культуры бытовали срубы с центральным столбом, поддерживавшим кровлю, конструкция которой, однако, была двускатной, деревянно-земляной, как у «зарубинцев».

Ясно, что киевские жилища происходят от зарубинецких, что можно проследить на примере жилищ Почепа. Но этот важный элемент археологической культуры уже выступает как новое явление.

Погребальный обряд в зарубинецкой; и киевской культурах имеет много общих черт, он представляет собой трупосожжение на стороне с захоронением праха в ямах, иногда в сопровождении жертвенного мяса, от которого сохраняются кости животных. Но зарубинецкий обряд значительно богаче и многообразнее, здесь два типа могильных ям — длинные и круглые, несколько вариантов захоронений — урновые, ямные, без вещей, кенотафы. Как правило, в могилах находится неповрежденный огнем погребальный инвентарь: сосуды, фибулы, иногда орудия труда, украшения, кости домашних животных. Известны могильники

с несколькими сотнями погребений, свидетельствующие о длительном проживании на одном месте больших групп людей. Могильники киевской культуры отличаются большими размерами, погребения здесь совершены в круглых ямах и содержат остатки погребального костра, пережженные на костре единичные вещи (фибулы, браслеты и пр.), разбитую и вторично обожженную керамику, очень мало кремированных костей.

Наличие зарубинецкой основы не дает, однако, повода считать киевскую культуру простым продолжением — заключительным этапом зарубинецкой культуры. Таким этапом были позднезарубинецкие памятники типа Лютеж, поздние комплексы Чаплина, Почепа, которые отличаются от ранних киевских памятников — Гриней, Казаровичей, Абидни, Колодезного Бугра. У последних своя специфика в керамике, жилищах, погребальном обряде, других элементах культуры, дальнейшее развитие которых идет в направлении изживания зарубинецких черт, в становлении элементов культур раннеславянского облика.

Киевская культура занимала обширные пространства лесной и лесостепной зон бассейна Днепра — Среднее Поднепровье, Верхнее Поднепровье. Верхнее и Среднее Подесенье. На материалах последнего особенно отчетливо видна трансформация позднезарубинецкой культуры типа поселения Почеп в ранние памятники киевского типа, которые послужили базой для развитых памятников этой культуры типа поселений Ульяновка и Роище.

Видимо, на Подесенье этноисторические процессы во II—IV вв. н. э. происходили более плавно, без заметных инвазий, вызывавших побочные явления, какие имели место на территории Среднего Поднепровья. Даже завершение этого процесса развития, которое привело к появлению колочин-

ской культуры V—VI вв., носило здесь более естественный характер.

Подобная ситуация сложилась и в Белорусском Поднепровье, где зарубинецкая культура, представленная поздними комплексами Чаплина, стала основной базой создания памятников, типа Абидни, являющихся местным, вариантом киевской культуры.

Памятники киевского типа следует рассматривать как основу колочинской и пеньковской культур середины и третьей четверти I тысячелетия [Горюнов, Казанский, 1981, с. 16]. И не случайно, что среди носителей киевской культуры появляются присущие ранним славянам такие характерные этнографические черты, как тип хозяйства, основанный на пахотном земледелии и развитом животноводстве, небольшие открытые поселения в низких местах речных долин с жилищами в виде квадратных полуземлянок, специфические формы керамики и орудий труда, грунтовые могильники с ямными трупосожжениями.

Становится в этой связи более ясной и роль населения зарубинецкой культуры в длительном, сложном и многогранном процессе формирования славянского раннего средневековья.

Если в предыдущий период изучения зарубинецкой культуры для доказательства славянской принадлежности ее носителей привлекались аргументы, показывающие связь зарубинецких древностей с местными культурами предшествующего времени, которые на Поднепровье считались праславянскими, то в настоящее время не менее перспективным следует признать доказательство, показывающие генетическую близость раннеславянских культур VI — VII вв. с киевской культурой, а последней — с зарубинецкими памятниками Поднепровья и Подесенья [Максимов, 1972, с. 116 и сл.; Тереножкин, 1961, с. 240]. Недостающее звено, по-видимому, наконец, нашлось и рет-

роспективная цепь, показывающая связи памятников первой половины — третьей четверти I тысячелетия н. э. с древностями рубежа нашей эры — замкнулась. Таким образом, главное как будто бы сделано, поскольку появилась объективная база для понимания раннего периода этногенеза славян.

В этом плане необходимо поставить вопрос, связанный с выяснением роли населения пшеворской культуры, которое активно взаимодействовало с зарубинцами, особенно на территории Среднего Поднепровья. Возможно, что именно пшеворской явилась такая характерная черта киевского погребального обряда, как сожжение погребального

инвентаря, чего у зарубинцев, как известно, не было. Важно также проследить наличие в киевской культуре наследия культур штрихованной керамики и милоградской, жилища которой — квадратные срубы с центральным столбом [Мельниковская, 1967, рис. 12, 2] в деталях повторяются в жилищах киевской культуры. Несомненно возникнут и другие важные детали. Однако все это не меняет сути нашего вывода о важности места киевской культуры в процессе славянского этногенеза. Конечно, предстоит еще большая работа — нужны новые материалы и аргументы, способные рассеять многие оставшиеся сомнения.

Глава VI

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ, ЭТНОСЕ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Вопрос о происхождении зарубинедкой культуры представляет собой сейчас дискуссионную проблему, решение которой возможно лишь при объективном учете фактического материала.

В настоящее время ясно, что генезис зарубинецкой культуры был процессом многогранным, вобравшим в себя как особенности внутреннего развития местного населения, так и внешние обстоятельства. Эти обстоятельства, а частности, проявились в движении различных европейских племен, которые в конце III — начале II в. до н. э. достигли бассейна Вислы, Днестра и Днепра и способствовали образованию здесь в какой-то мере внешне похожих, но различных по своему этническому содержанию культур — оксывской, пшеворской, поенешти-лукашевской и зарубинецкой.

Поэтому представляется необходимым при рассмотрении генезиса зарубинецкой культуры непременно учитывать два главных фактора этого явления — роль местного населения и вклад пришлых элементов. Именно сочетание этих двух составных частей определило наличие той общности, которая позволяет объединить все три раннезарубинецких региона — Припятский, Верхнеднепровский и Среднеднепровский — в единую культурно-историческую область, хотя каждый из них имеет свои особенности, иногда существенно, отличающие их друг от друга.

Так, например, нельзя пройти мимо различия в принципах домостроительства, которое на Припяти характеризуется срубными полуземлянками, на Верхнем Днепре — наземными столбовыми домами, а на Среднем Поднепровье — углубленными сооружениями каркасно-глинобитной конструкции [Максимов, 1972, с. 118—120]. Далее, кухонная посуда припятских памятников своей профилировкой, пропорциями и орнаментацией совершенно иная, чем подобная керамика на Среднем По-

днепровье. А казалось бы единая по морфологии лощеная столовая посуда в действительности также имеет свои отличия, которые четко указывают на ее региональную принадлежность. Известны различия в деталях погребального обряда и некоторые другие (импорты, украшения и пр.) [Кухаренко, 1964, с. 13-23].

Что касается общих черт, отражающих единство зарубинецкой культуры, то они видны в наличии здесь элементов центральноевропейской подосновы — специфической чернолощеной керамики и погребального обряда, ведущее место в котором принадлежит кремации на стороне с последующим захоронением праха в могилах ямного типа с небогатым инвентарем, а также в широком распространении фибул латенских типов.

При выяснении истоков особенностей, присущих культуре каждого региона, приходится обращаться, в первую очередь, к выяснению роли культур-предшественниц. Известно, что в дозарубинецкое время территория Припятского региона представляла собой восточную окраину лужицкой и подклешевой культур. Судя по небольшому количеству открытых здесь памятников, эта территория была очень редко заселена. Кроме пяти подклешевых могильников по Западному Бугу, тут известны три позднелужицких поселения и один могильник в западной части региона [Кухаренко, 1961, рис. 4; 5]. Картину дополняют 12 милоградских памятников и три курганных могильника типа Дубой, имеющих отношение к милоградской культуре [Мельниковская, 1967, рис. 67]. Возможно, однако, предположить существование здесь большей милоградской заселенности, ибо многие городища этого региона (их насчитывается несколько десятков) — обычные места для поселений милоградской культуры не исследованы [Поболь, 1974, рис. 1].

Принимая же во внимание только известные факты, следует прийти к заключению, что местный субстрат этого региона сыграл незначительную роль в формировании припятской зарубинецкой культуры, а черты культуры пришлых элементов в раннезарубинецких погребениях всех больших припятских могильников — Отвержичей, Велемичей, Воронина и др. — выступают совершенно отчетливо и не оставляют сомнений в их близости к позднепоморской и подклешевой культурам. Эта близость и послужила основанием для создания теории происхождения зарубинецкой культуры в результате миграции носителей позднепоморской и подклешевой культур [Кухаренко, 1960; Мачинский, 1966], что, вероятно, справедливо для Припяти [Каспарова, 1976, с. 56—59], но не для других раннезарубинецких регионов — Верхне- и Среднеднепровского.

Верхнеднепровский регион зарубинецкой культуры охватывает юго-восточную часть БССР — берега Днепра на участке Рогачев — Могилев и его притоков — Сожа, Друти и Березены [Поболь, 1970, рис. 53]. В предшествующую эпоху на всей этой территории существовала милоградская культура, многочисленные памятники которой, обнаруженные почти в 200 пунктах, свидетельствуют о плотном заселении этого района [Мельниковская, 1967*, рис. 67].

Исследователи, изучавшие эти культуры на территории Белоруссии (П. Н. Третьяков, О. Н. Мельниковская, Л. Д. Поболь), отмечали территориальное совпадение милоградских и зарубинецких памятников, а также наличие между ними хронологического стыка. Эти данные, при наличии определенной близости некоторых элементов указанных культур, в частности в погребальном обряде [Мельниковская, 1967, с. 45—47], свидетельствуют о возможности некоторых генетических

связей между милоградским и зарубинецким населением Юго-Восточной Белоруссии.

Что касается привнесенных элементов в зарубинецкой культуре этого региона, то их идентификация с какой-либо конкретной западной культурой в настоящее время невозможна. По-видимому, на рубеже III—II вв. до н. э. происходило не постепенное расселение, а единовременное выселение из различных областей поморской и подклешевой культур, отличительные особенности которых нам достоверно неизвестны [Мачинский, 1960, с. 3—8]. Поэтому если в припятских памятниках элементы подклешевой культуры соседней к западу территории можно уловить вполне определенно, то в верхнеднепровской зарубинецкой области ее связи с западом видны в самых общих чертах — в наличии лощеной посуды, распространении фибул, в некоторых деталях погребального обряда. Возможно, где-то на западе в глубинах территории подклешевой или поморской культуры имелись формы мисок или детали конструкции домов, ставших затем обычными для зарубинецких памятников Верхнего Поднепровья, но выделить их пока не удастся.

Для Среднего Поднепровья проблема возникновения зарубинецкой культуры также является непростой, поскольку здесь роль пришлых западных элементов может быть установлена менее определенно, чем на Припяти.

Известно, что до III в. до н. э. на большей части Среднего Поднепровья существовала местная, имеющая глубокие корни культура, праславянское происхождение которой у многих исследователей не вызывает сомнений [Рыбаков, 1979, с. 195—230, 1981, с. 219—230; Тереножкин, 1962, с. 244 и сл.]. К началу зарубинецкой культуры здесь в близких между собой группах памятников — Тясминской, Поросской и Стугнянской — отмечено

более 130 поселений, городищ и курганов [Петренко, 1967, рис. 1; Петровська, 1971]. Кроме этого населения, северную часть Среднего Поднепровья занимали тогда носители подгорцевской культуры — известно более 40 открытых поселений и могильников [Петровська, 1971, рис. 1]. Керамика и другие элементы материальной культуры и погребальный обряд этих племен имеют много Общего с памятниками территории Поросья—Тясмина—Стугны.

Археологи, изучавшие эти памятники (А. Т. Тереножкин, П. Д. Либеров, В. Г. Петренко, Е. А. Петровская), отмечали близость форм, орнаментации и технологии кухонной керамики — горшков, крышек, сковородок, корчаг, а также орудий труда — ножей, зернотерок, серпов, пряслиц и конструктивных деталей жилых и хозяйственных сооружений с соответствующими элементами раннезарубинецкой культуры Среднего Поднепровья. Эти данные свидетельствуют лишь о значительной роли местных культур позднескифского времени в формировании зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья [Максимов, 1972, с. 116—129].

Что касается привнесенных европейских черт, то, кроме особенностей погребального обряда, они представлены латенскими фибулами и другими типами бронзовых украшений и предметов личного убора, встреченных сравнительно в большом числе именно на Среднем Поднепровье [Кухаренко, 1959]. Этот импорт, очевидно, может указать исходный район западных культурных и, вероятно, этнических элементов. Среди латенских фибул зарубинецких могильников привлекают внимание среднелатенские составные с восьмеркообразной спинкой ранние фибулы, аналогии которым известны на Среднем Подунавье и в Адриатике [Каспарова, 1978, рис. 2]. Связями с балканским регионом К. В. Каспарова

объясняет также и распространение на зарубинецкой территории фибул с треугольной ножкой [Каспарова, 1978, с. 84].

Можно думать, следовательно, что район западной миграции в Поднепровье был достаточно обширен и включал не только средневропейские, но и балкано-дунайские области.

И все же, по-видимому, висло-одерским инвазиям следует отдавать приоритет. Наличие таких деталей в зарубинецкой чернолощенной керамике, как часто встречаемый граненый венчик, «хрповатое», обработанное расчесами или наколами тулово в сочетании с лощеным горлом и дном, свидетельствует о чертах висло-одерских культур, активность которых, как известно, достигла в южном направлении между речья Днестра—Прута, а на востоке — Днепровского. Левобережья, не оставив здесь, однако, сколько-нибудь заметного наследия.

Таким образом, генезис зарубинецкой культуры имел для каждого из трех ранних регионов свои особенности. Они были обусловлены спецификой культурного наследия жившего здесь ранее населения и наличием попавших сюда различных элементов позднепоморской, подклешевой, ясторфской и других культур, выступавших в различных сочетаниях и проявивших себя с разной силой в зависимости от конкретных условий, присущих каждому региону. Поэтому нельзя считать сколько-нибудь реалистическими предположения о том, что зарубинецкую культуру следует рассматривать как дальнейший этап исторического развития местных культур — лесостепной или милоградской, или пришедших на Поднепровье западных племен, связанных с позднепоморской, подклешевой или бастарнской культурами.

Зарубинецкая культура представляет собой новообразование, этап в развитии поднепровского смешанного населения,

отразивший историческую обстановку, сложившуюся в конце III в. до н. э. в Центральной и Восточной Европе.

Черты общественного устройства. Зарубинецкое общество было родо-племенным образованием со всеми присущими ему чертами. Племенная структура видна, например, при рассмотрении племенной территории, на которой поселения располагались «гнездами». Основой общества была малая семья. В начальном периоде существования культуры она еще не потеряла связей с такими же родственными семьями, в чем убеждают планы таких поселений, как Пилипенкова Гора или Оболюнь. На Пилипенковой Горе каждые шесть—восемь жилищ, стоявшие близко друг к другу, образовывали компактную группу с большим свободным пространством — общим хозяйственным двором. Такие группы жилищ с общими дворами символизируют пережитки древних традиций господства большой семьи. Следует думать, что зарубинецкие поселения раннего периода представляли собой родовые поселки, жителей которых связывали семейные, родственные отношения. Это были общины семейного типа.

Эта общественная система продолжала существовать и позднее, вплоть до I в. н. э. На поселении Оболюнь А. М. Шовкопляс установила размещение жилищ группами по три—пять сооружений, окруженных хозяйственными ямами-погребями. Здесь нет уже расположения жилищ по кругу с образованием внутреннего, общего для данной группы жилищ хозяйственного двора. Топография Оболюни фиксирует, очевидно, новый этап в истории семейной общины. Подобное расположение жилищ отмечал П. Н. Третьяков для Чаплинского городища на Верхнем Поднепровье, исследованные комплексы которого датируются, в основном, этим же временем. Такое устройство поселения и ряд других признаков (на-

пример, находок мелких кладов женских украшений) позволили П. Н. Третьякову, при определении социального устройства поселения Чаплин, считать его переходным — от семейной к территориальной общине [Третьяков, 1959, с. 152, 153].

Подобное определение, вероятно, можно распространить и на среднеднепровские позднезарубинецкие поселения типа Оболони, и на верхнедеснянский Почеп, планировка которого близка чаплинской [Заверняев, 1969, рис. 2—4].

В то же время среди зарубинецких известны иные по структуре памятники, свидетельствующие о каком-то другом типе социальной организации. Речь идет о небольших поселениях типа Тетеревки близ Житомира или Марьяновки на Южном Буге, или Кийлова на Днепре. О небольших и кратковременных могильниках вроде Пуховки в устье Десны и подобных — список довольно велик, где наличие, кроме зарубинецких, других культурных элементов исключает возможность усматривать в них в качестве социальной основы общину семейную или организацию переходного типа. Здесь выступают черты территориальной общины, еще более отчетливо заметные в памятниках II в. н. э. типа Рахнов.

Такие особенности социальной жизни позднезарубинецкого общества не способствовали созданию объективных условий для его консолидации как в области подъема экономики, так и в проведении эффективных мер по обороне страны.

Экономика всех районов зарубинецкой территории имела общие черты, обусловленные одинаковой ее направленностью и адекватным уровнем развития. Везде основой хозяйства были приселищное скотоводство и примитивное небольшое по объему земледелие. На севере в большей степени, чем на юге, была развита охота, везде зани-

мались рыболовством [Третьяков, 1959, с. 152]. Зато на юге более интенсивным был торговый обмен с периферией античного мира, следами которого являются сотни обломков амфор эллинистического и раннеримского времени. На Верхнем Поднепровье амфор нет, там встречаются лишь бусы ольвийского изготовления [Поболь, 1971, с. 135], на Припяти нет ни амфор, ни заметного количества античных бус, мало античных материалов на поздних памятниках, в том числе территории Южного Побужья и Верхнего Подесенья.

Внутризарубинецкий обмен никак не фиксируется, видимо, он имел эпизодический характер, да и не мог, судя по всему, быть иным, поскольку каждый из зарубинецких регионов производил однозначную продукцию в количестве, необходимом для удовлетворения простых и, в общем, скромных нужд своих родовых коллективов. Во всяком случае на зарубинецкой территории нигде не обнаружены предметы (керамика, украшения, орудия труда, оружие), изготовленные у соседей. Изредка, правда, можно встретить на Среднем Поднепровье горшок позднепоморского типа, довольно широко известный в зарубинецких материалах Припятского Полесья, или скаяфидный сосуд на Верхнем Поднепровье, обычный на Киевщине. Но эти совпадения обусловлены скорее более глубокими причинами субстратного характера, чем наличием межплеменных обменов.

Помимо отсутствия тесных экономических связей, указывающих на автономный характер каждого района обширной зарубинецкой области, имеющиеся материалы не говорят о существовании какого-либо военного объединения типа союза племен.

Союзы племен, хорошо известные по письменным источникам, представляли собой межплеменные военные форми-

рования, возникавшие эпизодически для проведения конкретной военной акции — похода с целью получения добычи или с целью захвата чужой территории, или — реже — для обороны своих земель. Это были, в первую очередь, союзы воинов и реальность их существования фиксируют погребения с оружием. Как правило, такие могилы единичны, рассеяны по большой территории, иногда как бы цепочкой показывая направление военного движения.

Примерами таких археологических памятников могут служить богатые киммерийские могилы — погребения вождей, руководивших далекими походами, которые звучали легендами уже в античных и ассирийских источниках. Одно такое богатое (княжеское) погребение найдено недавно в Болгарии [Тереножкин, 1976, с. 91]. В последние годы стали также известны погребения рядовых киммерийских воинов близ Саркела на Дону, Каховки и Запорожья на Днепре, в Крыму, в низовьях Донца, Южного Буга и Дуная [Тереножкин, 1976].

От верховьев Днестра до устья Серета — притока этой реки, почти на 250 км растянулись единичные погребения с оружием пшеворских воинов, участников походов, умерших или погибших на чужой земле [Смішко, 1976, с. 30].

Эти материалы вместе с данными письменных источников, позволяют предполагать существование союзов племен у киммерийцев, у носителей пшеворской культуры. Можно констатировать этот вид общественной организации у скифов VII—IV вв. до н. э., у различных германских племен I—IV вв. н. э., у сарматов и гуннов.

В зарубинецкой археологии таких материалов нет. Правда, известно одно погребение у с. Верхняя Мануйловка, в устье Псла, за пределами зарубинецкой территории, которое относилось к

зарубинецким памятникам. В нем был наконечник копья. Но зарубинецкая принадлежность этой могилы давно вызывала сомнения [Махно, Самойловский, 1959, с. 21]. Это трупосожжение, помещенное в курган эпохи бронзы. В могиле были также лепной сарматский кухонный горшок, украшенный по плечу четырьмя вертикально поставленными выступами, среднелатенская проволочная фибула I в. до н. э. и белая глазчатая бусина.

Таким образом, археология пока не располагает данными о наличии у носителей зарубинецкой культуры военного союза племен. Остаются древние письменные источники, а именно сообщения о венедах.

Венеды и зарубинецкая культура. Начиная с рубежа нашей эры, в сочинениях античных писателей имеются краткие и нечеткие упоминания о венедах. Судя по всему, это была группа племен (данной теме посвящена обширная литература, см. Мачинский, 1976), о чем говорят Певтингеровы таблицы — дорожный указатель путей Римской империи, составленный на основании карты Випсания Агршшы времен императора Августа. Здесь узкой лентой даны названия племен, через территорию которых римлянам приходилось проезжать. Некоторые названия повторяются дважды: венеды сарматские, бастарны горные, венеды, геты и т. д. Из этого источника явствует, что венеды были соседями карпатских бастарнов, гетов и даков, то есть жили где-то недалеко от Карпат. Их земли с востока, по данным Плиния Старшего, доходили до Вислы. Клавдий Птоломей — александрийский географ конца II в. и. э. на основании данных конца I в. н. э., собранных Маринусом Тирским, писал о венедах как об очень большом племени, жившем вдоль Балтийского моря. Таким образом, несмотря на фрагментарность этих сведений древних авторов, следует

предполагать локализацию венедов в Повисленье — от истоков Вислы, находящихся на северных склонах Карпат, до ее нижнего течения и устья на берегах Балтийского моря.

Многие ученые в этих венедах древних авторов видят славян. Однако местонахождение древних славян — венедов, определенных по данным античных авторов в области Повисленья, не подтверждается данными археологии. Там нет памятников зарубинецкой культуры, на славянскую принадлежность которой указывает ретроспективный анализ археологического материала.

И суть дела даже не в отсутствии зарубинецких материалов на Повисленье или в других возможных областях венедской территории этого времени, то есть конца I в. н. э., когда классической зарубинецкой культуры уже не было. То, что сообщают древние авторы о жизни венедов, не совпадает с фактами археологического происхождения о быте носителей зарубинецкой культуры.

Стоит напомнить в этом плане слова Тацита: «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, как только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими и притом с большой быстротой; все это отмечает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» [Та-

цит. О происхождении германцев, с. 46].

Эти венеды Тацита никак не похожи на жителей зарубинецких поселений. Наличие знати, походы ради грабежа по лесам и горам — от Карпат до земель финнов, щиты, а следовательно, копья и мечи — ни о чем таком не говорят материалы зарубинецкой археологии. В зарубинецких памятниках нет ни богатых захоронений, ни погребений воинов со щитами и оружием. Правда, несколько копий было найдено на окраине зарубинецкого мира, в Чаплине. Все они поздние. Л. Д. Поболь датирует эти могилы концом I — началом II в. н. э. [Поболь, 1971, с. 175]. В действительности, они еще более поздние, поскольку найденные здесь копья связаны не с латвским миром, как думал Л. Д. Поболь, а с германским, как свидетельствует руническая надпись на одном из аналогичных наконечников, найденном в Сушично [Кухаренко, 1961, с. 19]. Здесь же, в Южной Белоруссии такие отдельные захоронения, связанные, вероятно, с готами, встречены на зарубинецких могильниках Скорбичи, Велемичи I и II, Хильчицы, Иванчицы, Невар [Кухаренко, 1961, с. 18]. Известны они и на Среднем Поднепровье (Дедов Шпиль, Вишенки и др.).

Таким образом, этноним «венеды» первых веков нашей эры не может относиться к носителям зарубинецкой культуры. Возможно, с большим основанием он подходит к пшеворской культуре, как думал Ю. Костшевский, и многие польские археологи 50-х и 60-х годов, относя эту культуру к кругу славянских древностей. В настоящее время эта версия на новом уровне анализа источников разрабатывается в отечественной археологии [Рыбаков, 1979, с. 198 и ел.; Седов 1979, с. 53 и ел.].

Однако в I—II вв. н. э., с наступлением позднего, а затем и заключительно-

го периода жизни зарубинецкого общества, ситуация здесь резко изменилась. Можно говорить об увеличившейся подвижности местного населения, о появлении пшеворских и других северо-западных культурных элементов, о процессе, зарубинеcko-пшеворской и зарубинеcko-липицкой интеграции, о сарматском военном присутствии. Эта изменившаяся историческая обстановка способствовала формированию позднерубинецкой культуры, raznоликое население которой достаточно быстро осваивало специфику как европейских северо-западных культур, так и сарматской культуры. По-видимому, с большим основанием мы можем сопоставлять сообщения античных авторов о венедах с этим позднерубинецким синкретическим населением I—II вв. н. э.

Что касается этнонима «венеды» из византийских источников, то ранние славяне могли его получить позднее, от своих соседей — германцев, по-видимому, во время готско-славянских войн на Поднепровье, описанных Иорданом в «Гетике». Само слово «венеды» — не славянское и славяне себя так никогда не называли [Филин, 1962, с. 52].

Древнейшие славянские племенные названия до нас не дошли. Лишь с VI в. н. э. славяне впервые становятся известными под своим собственным именем — в сочинениях того же Иордана, Прокопия Кесарийского и ряда других авторов [см. ВДИ, 1941, № 1, с. 230—280]. «Эти венеты... происходят от одного корня, ныне известны под тремя именами — Венетов, Антов, Склавенов» [Иордан, § 119].

Не вызывает недоумения факт перехода имени венедов, известного по крайней мере с рубежа нашей эры, к славянам середины I тысячелетия п. э. Для древних авторов глубинные племена, не входившие в сферу их непосредственного наблюдения, часто представлялись не теми, кем они были в действительности, а теми, кто им

был известен в этих далеких странах по прошлым событиям. Не случайно готов с берегов Черного моря греки, долго еще называли скифами, причем, как установлено, под этим именем скрыты от нас и все другие племена, входившие в готский союз. Известно также, что в составе гуннской армии были, кроме них самих, готы, аланы, славяне и многие другие. Как свидетельство незнания ранних историков или же их желания вложить в свои термины особый, для нас уже неясный смысл, звучит наименование Руси — Великая Скуфь.

Об этносе зарубинецкого населения. Достоверное определение этноса носителей зарубинецкой культуры было бы возможно при наличии письменных источников, какими для этой поры являются труды эллинических и римских историков. Однако в сочинениях древних авторов племена лесостепного и лесного Поднепровья не упоминаются, поскольку они, эти племена, находились вне сферы внимания античных писателей и были им неизвестны.

Упоминания о венедах, имеющиеся в работах Плиния Старшего, Птоломея и Тацита, очень кратки и неопределенны и, вероятно, не могут относиться к носителям зарубинецкой культуры, хотя этот этноним в более позднюю эпоху уже обозначал славян.

Другие возможности выяснения этого вопроса, представляемые археологией и языкознанием, дают лишь проблематическое решение, которому, однако, альтернативы не имеется.

Археологический путь постановки и решения этнического вопроса известен — это ретроспективный метод, суть которого состоит в отождествлении генетического родства культур с их этнической взаимосвязью. Но и эта методология не дает, исследователям зарубинецкой проблемы надежного положительного ответа, потому что эта культура не явилась модификацией какой-

то одной культуры, напротив, у ее истоков находилось несколько различных или даже чуждых друг другу культур, этнос которых к тому же далеко не ясен.

Так, если рассмотреть в этом плане субстратные культуры, то окажется, что «милоградцев» одни исследователи считают славянами [Мельниковская, 1967], а другие относят к балтам [Седов, 1979]. Правда, правобережная лесостепная культура многими археологами считается праславянской (Б. А. Рыбаков, А. И. Тереножкин, П. Д. Либеров, В. Г. Петренко и др.), это мнение разделяют также лингвисты Б. В. Горнунг и Ф. П. Филин, но имеются и другие точки зрения, в том числе об иранской принадлежности этого населения (М. И. Артамонов).

Значительная неопределенность существует и в отношении этноса пришлых культур — позднепоморской и подклешевой, пожалуй, здесь ясно только в отношении ясторфской культуры, роль которой в зарубинецком этногенезе, однако, не улавливается.

Такая сложная этнокультурная обстановка отражала реальную историческую ситуацию конца I тысячелетия до н. э., в которой главную роль играли процессы культурной и этнической интеграции, когда во взаимодействие вступало несколько родственных или чуждых культурно-этнических компонентов, создававших близкое кому-либо из них или новое образование.

Если обратиться к данным языкознания, то ценные сведения содержат материалы гидронимии [Топоров и Трубачев, . 1962; Трубачев, 1968] и общего языкознания [Филин, 1962; 1972]. Эти данные нельзя не учитывать, ибо они отражают реально существовавшую этноисторическую ситуацию, которая может найти свое подтверждение в археологическом материале.

При сопоставлении карт гидронимов, ареалов археологических культур и

данных языкознания можно сделать вывод о преобладании древнеславянского населения на территории лесостепного Среднего Поднепровья [Филин, 1972, с. 24 сл.], особенно в междуречье Тетерев — Припять [Трубачев, 1968, с. 270]. Много говорят факты отсутствия в широкой зоне Поднепровья—Поднестровья иранских и германских гидронимов [Трубачев, 1968, с. 276, 288] и, наоборот, интерес представляет наличие западнобалканско-иллирийских названий рек на Среднем Поднестровье, что подтверждает наличие древних контактов Правобережья с юго-западной областью. Немногочисленные, но выразительные восточнобалканские (фракийские) гидронимы в центре Среднего Поднепровья, возможно, следует приписывать присутствию гетов.

Высказанные предположения нуждаются, естественно, в основательной дополнительной аргументации, поскольку гидронимы не имеют надежного хронологического определения. И, разумеется, вопрос об этносе зарубинецкого населения эти источники самостоятельно решить не могут.

В значительной степени эту проблему освещают материалы ранних памятников киевской культуры типа Гриней, Назаровичей, Почепа и др. Их материалы достаточно определенно увязываются с позднезарубинецким горизонтом, представленным памятниками типа Лютежа, Коржей, Почепа, поздних погребений Чаплина. Типологическое сходство проявляется здесь во многих элементах культуры — в формах и пропорциях кухонных горшков, чернолощенных мисок, бронзовых украшений, конструкций жилищ, деталей погребального обряда.

Однако с течением времени позднезарубинецкие элементы в памятниках киевского типа выступают все менее и менее отчетливо, что соответствует тенденции развития этой культуры,

как, впрочем, и других культур Центральной и Восточной Европы с пережиточными чертами латена. Вместо этого набирают силу те особенности киевской культуры, которые приближали ее к кругу ранних памятников типа пеньковской и колочинской культур. В керамике это проявляется в исчезновении чернолощеной посуды, в преобладании биконических форм горшков со среднерасположенным плечом, в появлении цилиндрическо-конических сосудов; в устройстве жилища — в господстве конструкции с центральным опорным столбом, в погребальном обряде — в распространении погребений с немногочисленным сопровождающим инвентарем или даже вовсе без него

и др. Очевидно, что в процессе своего развития главные элементы киевской культуры отходят от позднезарубинецких и приближаются к раннеславянским. Этим подтверждается тезис о среднем положении киевской культуры, находившейся в хронологическом и генетическом плане между позднезарубинецкими и раннеславянскими древностями.

Рассматривая этнос носителей зарубинецкой культуры, можно поэтому отметить его близость к праславянскому. И как бы дальше не уточнялись и не совершенствовались наши знания о происхождении славян, роль зарубинецкой культуры в этом процессе всегда будет оставаться значительной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое изучение зарубинецкой культуры относится к послевоенному времени. Оно охватило все районы расположения зарубинецких памятников — Поднепровье, бассейны Припяти, Десны и Южного Буга. В ходе разведок были обнаружены многие новые памятники этой культуры, а на самых перспективных поселениях и могильниках проведены раскопки большими площадями.

В настоящее время на карте зарубинецкой культуры насчитывается около 500 пунктов. Это — поселения, могильники и отдельные находки, составляющие пять отдельных локальных областей (регионов),— Среднеднепровский, Припятский, Верхнеднепровский, Южнобугский, Верхнедеснянский. Здесь раскопано 70 памятников, в том числе 24 поселения и могильника широкой площадью, где обнаружено более 1000 погребений и около 150 жилищ, сведения о которых частично опубликованы.

Эти материалы являются достаточно надежным источником, позволяющим составить объективное представление о культуре. Однако в настоящее время такого представления нет, а существуют противоречивые мнения о причинах и времени возникновения зарубинецкой культуры, этносе ее носителей, исторических судьбах зарубинецкого населения и его роли в истории древних племен Юго-Восточной Европы, в частности славян.

В вопросе происхождения зарубинецкой культуры, например, известны три направления взглядов. Одни исследователи считают ее местной, возникшей в ходе развития местных предшествующих культур (В. В. Хвойка, Б. А. Рыбаков, А. И. Тереножкин, В. Н. Даниленко, Л. Д. Поболь и др.). Другие ученые объясняют появление зарубинецкой культуры переселением (миграцией) в бассейн Припяти, а затем и Днепра германцев, западных славян, бастарнов, западных балтов

(П. Рейнеке, К. Такенберг, М. Бабеш, Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинский, К. В. Каспарова, В. В. Седов, Ю. Костшевский и др.).

Представители третьего направления (П. Н. Третьяков, В. П. Петров и др.) занимают среднюю позицию — признают роль автохтонного населения и, в какой-то мере, факт миграций из области Вислы—Одера. По П. Н. Третьякову, например, зарубинецкая культура возникла между Верхним Днестром и Средним Днепром в результате скрещивания культуры местных племен скифского времени и лужицко-поморских племен при сильном влиянии латенской и фракийской культур.

Не менее пестрыми являются мнения об этносе носителей зарубинецкой культуры, выплывающие, в общем, из взглядов об ее происхождении. Так, миграционисты считают «зарубинцев» древними германцами (П. Рейнеке, К. Такенберг) или бастарнами (М. Бабеш, Ю. В. Кухаренко, К. В. Каспарова), или балтами, балто-славянами (В. В. Седов). Автохтонисты видят здесь славяп (Б. А. Рыбаков, А. И. Тереножкин, В. Н. Даниленко, Л. Д. Пობоль), как и ученые третьего направления.

Что касается хронологии зарубинецких древностей, то здесь фигурируют представления самого различного диапазона — от узкой датировки в пределах I в. до н. э.— I в. н. э. (Ю. В. Кухаренко) до самой широкой, более чем полутысячелетней, с III в. до н. э. по IV в. п. э. (В. Н. Даниленко).

В объективном плане зарубинецкая культура выступает следующим образом. Поселения припойменные двух типов: 1) с оборонительными сооружениями, то есть городища, находившиеся на мысах или останцах коренного берега; 2) без укреплений, открытого типа, расположенные на небольших возвышенностях в пределах поймы. Типологию поселенки определяют вре-

мя их существования и территория расположения. Так, городища известны на Среднем (около 30) и Верхнем Поднепровье; их укрепления были построены не в период становления культуры, а позже, в I в. до и. э. Селища открытого типа на Припяти возникли с образованием здесь зарубинецкой культуры, а на Поднепровье и Подесенье — в процессе ее развития. Размеры поселений — от 0,1 до 1—2 га. Они размещались небольшими группами — «гнездами».

Укрепления имели вид невысоких (до 2 м) земляных валов с плетневым, обмазанным глиной, частоколом на вершине, неглубоких (до 2,5 м) рвов. Одинарная или двойная линия таких укреплений сооружалась на краю площадки мыса, опоясывая ее со стороны всех доступных склонов.

Жилища небольшие, квадратной или прямоугольной формы, со стенами 3—5 м длины, ориентированными по сторонам света. Пол земляной, на нем открытый или огражденный камнем ^ небольшой очаг, возле которого неглубокая яма. В зависимости от региона известны следующие типы жилищ по особенностям конструкции стен и глубины пола: на Припяти — срубные полуземлянки; на Верхнем Днепре — наземные столбовые жилища с деревянными стенами; на Среднем Поднепровье, Южном Побужье и Верхнем Подесенье — углубленные до начала материка (0,2—0,6 м от современной поверхности), со стенами каркасно-глинобитной конструкции и, в позднее время, срубные полуземлянки с центральным столбом (Подесенье). Крыши были с соломенной (камышовой) или земляной кровлей. Размещались жилища небольшими группами или рядами.

Хозяйственные сооружения имели вид земляных ям-погребов диаметром и глубиной около 1 м. Иногда дно ям выстилалось камнем, горловина при-

крывалась плетневой крышкой, обмазанной глиной. Ямы (3—6) размещались у стен жилищ, иногда — в какой-либо части поселения. Редко встречаются хозяйственные ямы-погребки более крупных размеров и глубины, со ступеньками и сводом, а также наземные постройки (сарай).

Могильники грунтовые, без насыпей и других внешних признаков могил, хотя в древности были деревянные отличительные сооружения. Обычно могильники расположены возле поселений сразу за их естественной границей. Главный обряд — трупосожжение на стороне, с захоронением очищенных костей на дне могильной ямы или в сосуде (урне). На Припяти и Среднем Поднепровье встречены единичные труположения, а также кенотафы. Могильные ямы овальной формы 1,2—1,6X0,6—1,0 м, на глубине 0,2—0,8 м от поверхности, реже встречаются круглые ямы для урновых захоронений. Ориентированы удлиненные ямы перпендикулярно (на Среднем Поднепровье) или параллельно (на Припяти и Верхнем Днепре) речному берегу. В Верхнем Поднепровье известны только ямные захоронения, на Припяти, кроме них, встречены урновые (до 25%), на Среднем Днепре урновых меньше (8%). Погребальный инвентарь, как правило, представлен лощеной столовой посудой (горшок, миска, кружка), реже — предметами личного убора: фибулами, булавками, кольцами, бусинами. Встречаются (на Среднем Днепре) остатки мясной ритуальной пищи.

Орудия труда разнообразны, по немногочисленны. Из них первое место занимают железные ножи длиной около 10 см с прямой или горбатой спинкой и небольшим черенком, на который набивалась рукоятка из дерева или кости. Серпы слабо изогнуты, длиной до 15—24 см, с вертикальным штырем для рукоятки. Такими же были

косы длиной до 35 см, которые к рукоятке крепились еще и кольцами. Единичными экземплярами представлены втульчатые железные топоры латенского тина, небольшие долота и зубила, крупные реболовные крючки, однотипные остроги, швейные иглы, шилья, глиняные биконические и плоские (из стенок амфор) прясла.

Оружие встречено в очень небольшом количестве. Это наконечники копий (табл. XXXII, 1—3), скорее всего импортного происхождения и позднего времени (I—II вв. н. э.). На городищах Среднего Поднепровья при раскопках найдены глиняные и каменные шары для пращи (табл. XXIII, 6). Встречаются также бронзовые (позднескифские) и железные (сарматские) наконечники стрел, железные шпоры (табл. XXXIII, 4, 5, 25).

Предметы убора и украшения представлены, в первую очередь, фибулами, их найдено около 550 экз. (около 200 — на Припяти, 150 — на Верхнем, более 200 — на Среднем Днепре, Южном Буге и Десне). Большая часть фибул изготовлена на месте из " бронзы, реже — железа. Это среднелатенские, затем так называемые зарубинецкие с треугольной ножкой и позднелатенские (табл. XXXIV). Импортные фибулы имеют большое значение для определения времени отдельных памятников и всей культуры в целом — проволочные расчлененные с восьмеркообразной спинкой рубежа III—II вв. до н. э. (табл. XXXIV, 1), европейские с высоким приемником начала I в. н. э. (табл. XXXIV, 10), «рамчатые» и «воинские» рубежа нашей эры — середины I в. н.э. (табл. XXXIV, 11, 12), глазчатые — первой половины II в. н. э. (табл. XXXIV, 19), «паннонские» — второй половины II в. н. э. (табл. XXXIV, 20) и др. Из иных предметов этой группы назовем бронзовые булавки со спиральной кольцевидной и гвоздевидной головкой (табл. XXXIII,

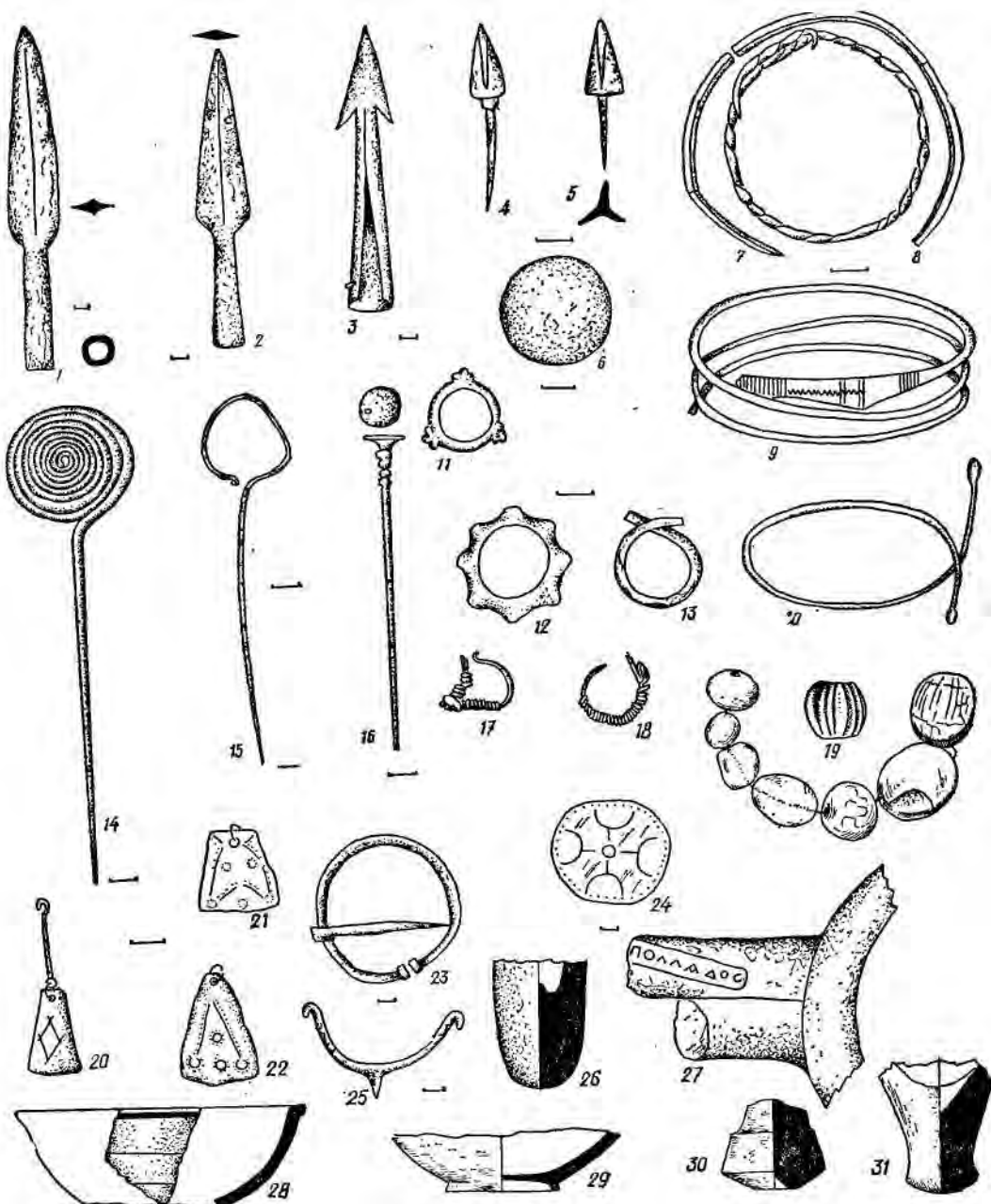

Табл. XXXIII. Зарубинцевская культура. Оружие, предметы личного пользования, античная керамика (1—31),

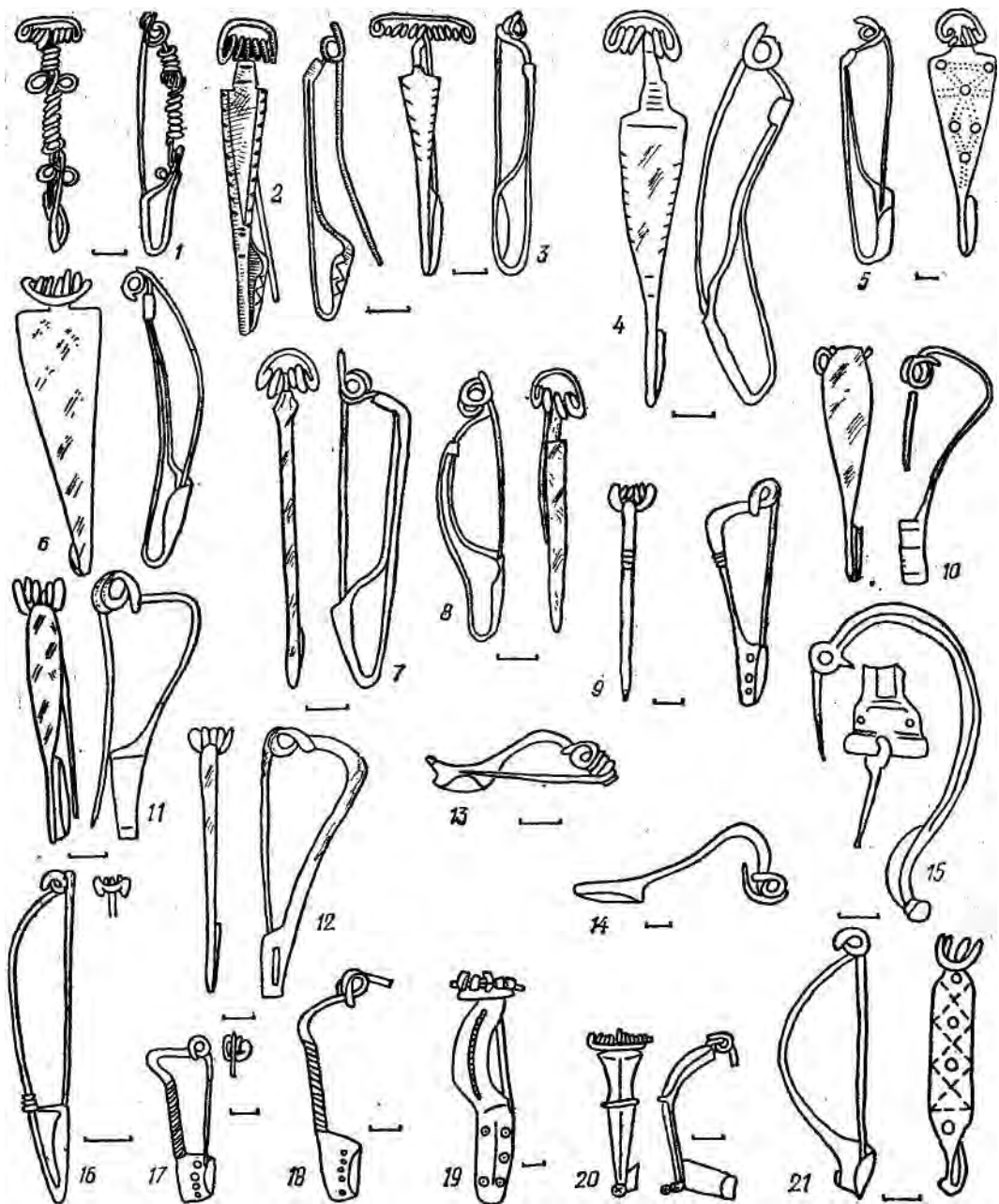

Табл. XXXIV. Фибулы зарубинецкой культуры (I—21),

14, 15, 16), бронзовые и железные одновитковые и спиральные проволочные браслеты (табл. XXXIII, 8—10), такой же конструкции кольца (табл. XXXIII, 11—13), трапещиевидные подвески из бронзового листа с точечным орнаментом (табл. XXXIII, 20—22), дуговидные серьги (табл. XXXIII, 17, 18), бронзовые пронизи, стеклянные и пастовые импортные бусы (табл. XXXIII, 19), импортные фрагментированные поясные наборы.

Всю зарубинецкую местную керамику можно разделить на две группы: 1) гладкостенную, обычно чернолощенную, изготовленную очень аккуратно из отмученной глины с применением поворотного приспособления (столовые горшки, миски, кружки) и 2) грубостенную, иногда с крупными примесами в массе (кухонные горшки, крышки I. к горшкам, корчаги, дисковидные лепешницы).

По особенностям форм тулова, венчиков и ручек видно, что гладкостенная керамика отражает определенное влияние западных археологических культур. Однако для каждого региона оно было разным, на Припяти — позднепоморским, на Среднем Днепре — поморско-лужицким. Различными для каждого региона являются также кухонные горшки и корчаги — носители традиций местных культур предшествующего времени — подклешевой, милоградской, подгорцевской и ск'олотской (лесостепной). Из изложенного ясно, что типологическое рассмотрение керамики всей зарубинецкой культурно-исторической области менее результативно, чем порегиональное, которое показывает как общекультурные, так и местные, а также временные особенности. Базой для установления типологии керамики следует считать ее зависимость от высоты и формы плеча, а также формы и размеров венчика и дна. На основании этих данных зарубинецкие горшки и корчаги (гладкостенные

и грубостенные) можно разделить на три типа: 1) округлобокие со средним плечом; 2) ребристые со средним плечом; 3) округлобокие с высоким плечом. В зависимости от формы и размеров венчика каждый тип делят еще на несколько (до пяти) вариантов.

В количественном отношении после горшков идут миски, которые делят на три типа: 1) полусферические; 2) округлоплечие; 3) остроплечие. Второй и третий типы имеют по четыре варианта, первый тип — два.

Менее многочисленные кружки — сосуды с небольшой (на Среднем Днепре) или крупной (на Припяти) ручкой. Для Верхнего Поднепровья, Южного Побужья и Подесенья эти сосуды не характерны. Форма кружек повторяет форму горшков. Еще реже встречаются небольшие конические сосудики — стопки (Припять), миниатюрные сосудики, повторяющие форму горшков и мисок, вазы (Среднее Поднепровье), кувшины. Последние известны на Среднем Днепре, Припяти и Верхней Десне.

Предметы импорта представлены фрагментами античных амфор (Среднее Поднепровье), в которых доставлялось греческое вино (табл. XXXIII, 26, 27, 30, 31). Известна также в небольшом количестве античная столовая посуда (Среднее Поднепровье, табл. XXXIII, 28, 29, Верхний Днепр и Подесенья). С Юга поступали также фибулы, стеклянные и пастовые бусы, бронзовые серьги, браслеты, с Запада и Северо-Запада — фибулы и другие предметы личного убора.

О значении импортных фибул, как датирующего материала, упоминалось выше. В настоящее время в этом плане можно использовать также античные бусы.

Хозяйство было натуральным. Его основой являлось пашенное земледелие и приселищное животноводство при наличии различных домашних ремесел

и обменной торговли с соседями. О функционировании земледелия свидетельствуют находки сельскохозяйственных орудий — серпов, кос, зернотерок, а также отпечатки зерен злаковых культурных растений и сопровождающих их сорняков, обнаруженные на днищах сосудов и в изломах их стенок. Отпечатки на днищах образовались при формовке керамики, производившейся на растительной подсыпке, а следы в изломах — в результате добавления зерна в керамическую массу, имевшего, по-видимому, ритуальное значение.

По количеству отпечатков первое место принадлежит просу, затем следуют ячмень и пшеница, их соотношение выражается цифрами 4:1:1. Надо полагать, что основной растительной пищей была каша, об этом же свидетельствует распространение зернотерок. Из других культур культивировали репу, коноплю, возможно, лен и горох.

Уровень агротехники был низким, на что указывает отсутствие металлических орудий обработки почвы. Скорее всего, они были деревянными, имели вид простого по устройству рала, известного в Восточной Европе с эпохи бронзы, четыре таких орудия были найдены в торфяниках Полесья.

Системой землепользования был перелог, при котором плодородие земельных участков восстанавливалось естественным образом. На перелог указывают ассортимент злаковых и сорняков, наличие такой системы у западных соседей, отмеченное Тацитом. Урожаи были небольшими, по 3—5 ц с гектара, что при наличии ограниченных приселенческих участков обрабатываемой земли не могло превращать земледелие в ведущую отрасль хозяйства.

Животноводство получило более широкое развитие, чему способствовали климатические и природные условия зарубинецкой территории, более 20%

которой занимали продуктивные пойменные луга. Изучение остеологического материала, добытого в большом количестве при раскопках поселений, а также могильников Среднего Поднепровья, показало, что здесь разводили почти в равной пропорции свиней, крупный и мелкий рогатый скот, в меньшем числе — лошадей. Животноводство, вероятно, было свободновыпасаемым, не стойловым.

Охота, рыболовство, собирательство выполняли подсобную хозяйственную задачу.

Главным из промыслов было получение и обработка железа. Металл добывали путем плавки повсеместно распространенных в лесостепной и лесной зонах малонасыщенных болотных руд. В качестве топлива использовали древесный уголь. Устройство зарубинецких горнов хорошо известно по раскопкам поселения Лютеж под Киевом. Установлено, что в результате многочасовой «сырой» плавки получали небольшой слиток металла. Железные изделия немногочисленны, их размеры небольшие. Металл был низкокачественный, крупнозернистый, с большой примесью шлака. Иногда путем цементации железа получали сталь, из которой изготавливали, главным образом, ножи. Кроме ножей, в ассортимент кузнечной продукции входили серпы, косы, долота, зубила, шилья, иглы, рыболовные крючки, остроги, кольца, фибулы.

Из бронзы изготавливали мелкие предметы личного убора и украшения. Это ремесло находилось в руках кузнецов, поскольку при обработке бронзы использовались обычные кузнечные приемы работы: ковка, протяжка, чеканка и др. В ассортимент бронзовых изделий входили фибулы, цепочки к ним, булавки, браслеты, кольца, серьги, пронози, подвески. Хотя бронзу умели плавить, о чем свидетельствуют многочисленные находки литейных тиглей,

бронзовых литых предметов не изготовляли, они не обнаружены при раскопках так же, как и литейные формы. Сам металл был привозным.

Керамическое ремесло находилось, по-видимому, в руках женщин, о чем кроме этнографических параллелей, свидетельствуют редкие дактилоскопические данные. В керамическую массу добавляли песок, шамот — измельченную просушенную глину, растительные примеси, реже и в позднее время — толченый камень. Изготовление сосуда начинали со дна, которое формировалось на подставке, покрытой растительной подсыпкой. Стенки наращивались ленточным способом. Столовая керамика изготовлялась более тщательно, на вращающейся подставке — прообразе гончарного круга. Лощение этих сосудов производилось глиняными (из стенок амфор) или костяными лощилами, шкурками. Обжиг был костровым. Для получения столовой керамики черного цвета нагретые сосуды опускали в мучной раствор — «обваривали».

Существовали прядение и ткачество, на что указывают находки многочисленных прясел — маховичков для веретен и тяжелых глиняных грузил для вертикального (самого простого и древнего по конструкции) ткацкого станка. Сырьем для тканей служили козья и овечья шерсть, конопля и лен.

Обменная (безденежная) торговля велась с соседними племенами. Среднее, меньше — Верхнее Поднепровье, Южное Побужье и Подесенье торговали с югом, с периферией античного мира, откуда поступало вино, изредка — столовая посуда, стеклянные бусы, бронзовые предметы. В обмен зарубинецкое население отправляло на юг меха, шкуры, скот, мед, воск, то есть традиционные с глубокой древности для лесостепной и лесной Европы предметы торговли.

Существовали также торговые контакты с Западной Европой, откуда по-

ступали различные вещи личного убора — фибулы, браслеты, перстни, пояса.

Общественный строй был родо-племенным. Каждое поселение следует рассматривать как местожительство одной или нескольких общин, группа которых составляла племя. На эту структуру указывает размещение поселений «гнездами», которые соответствовали племенам; между племенами находилось, иногда значительное, свободное пространство. На Среднем Поднепровье, например, «гнездо» зарубинецких поселений (и могильников), расположенных друг от друга на расстоянии 2—5 км, известно на территории современного Киева. Это Юрковица, Оболонь, Подол, Киселевка, Старокиевская гора (могильник), Печерская, Караваевы Дачи (могильник), Лысая Гора, Корчеватое (могильник), Пирогов — поселение и могильник.

Другое среднеднепровское племя располагалось между современным селом Зарубинцы и городом Каневом. В его состав входили: Монастырек, Зарубинцы (могильник), Бабина Гора, Дедов Шпиль (могильник), Селище — поселение и могильник, Московка, Пилипенкова Гора, Хмельна.

Такое же размещение памятников наблюдаем в Припятском, Верхнеднепровском, Южнобугеком и Деснянском регионах, где их группы («гнезда») располагаются в устье Горыни, на могилевском участке течения Днепра, на р. Сось — притоке Южного Буга, по Десне севернее Брянска, по берегам Судости — притока Верхней Десны.

Можно думать, что подобная ситуация зарубинецкого общества сохранялась до конца его существования. Его основой были семейно-родственные отношения и отсутствие заметной имущественной дифференциации, обусловленной низким уровнем развития производительных сил и натуральным, замкнутым характером экономики, что подтверждается археологическим ма-

териалом из поселения и могильников.

Время существования зарубинецкой культуры определяется от конца III в. до н. э. по II в. н. э. на основании встреченных на поселениях и в погребениях предметов античного и западноевропейского импорта, датировка которых разработана исследователями с учетом конкретных дат письменных источников и нумизматического материала. При этом лишь один из пяти регионов — Верхнеднепровский — имеет зарубинецкие памятники всего хронологического диапазона, поскольку верхняя дата двух других ранних регионов — Среднеднепровского и Припятского — ограничивается второй половиной I в. н. э., тогда как два поздnezарубинецких региона только сформировались где-то на рубеже нашей эры, просуществовав до середины II в. (Южнобугский) или рубежа II—III в. н. э. (Верхнедеснянский).

Происходившие со временем изменения элементов материальной культуры, отразившие имманентные этапы ее развития и внешние обстоятельства, дают основания разделить время функционирования зарубинецких памятников на три периода: 1) ранний — от конца III или рубежа III — II вв. до н. э. по середину I в. до н. э.; 2) поздний — от середины I в. до н. э. по середину или Конец I в. н. э.; 3) заключительный — от середины или конца I в. н. э. до конца II в. или рубежа II—III вв. н. э.

Хронологические границы между отдельными периодами, были, вероятно, довольно широки, отражая эволюционную смену форм материальной культуры, например, на Верхнем Днепре. Однако при наличии экстремальных внешних обстоятельств датировка отдельных периодов выглядит узкой. Так, начало среднего периода на Среднем Поднепровье датируется серединой I в. до н. э. — временем сармат-

ской экспансии на Правобережье и гетской — в Северное Причерноморье, а конец этого периода на Припятском Полесье определяется серединой I в. н. э. и связан с продвижением на Юг центральноевропейского и повислянского населения.

Ранний период — это время возникновения и становления зарубинецкой культуры на Среднем и Верхнем Поднепровье и в Припятском Полесье. Его начало определяется фрагментами клейменных амфор известных античных винодельческих центров — Коса, Пароса и Родоса, относящихся к 30—20 годам III в. до н. э. Такой материал найден в жилищах и погребках поселения Пилипенкова Гора на Днепре возле г. Канева и еще на 12 других поселениях этого региона зарубинецкой культуры, где производились раскопки.

Амфорную датировку начального этапа зарубинецкой культуры в общем подтверждают фибулы из ранних погребений среднеднепровского могильника Пирогов и припятских могильников Воронино и Велемичи, где найдены среднелатенские расчлененные фибулы с восьмеркообразной и шариковой ножкой — наиболее ранние из встреченных в зарубинецких комплексах. Такие фибулы в области Юго-Восточной Европы зарубежные исследователи датируют теперь рубежом III—II в. до н. э.

Поздний период на Лесостепном Поднепровье начинается с середины I в. до н. э., когда здесь повсеместно строятся укрепления в связи с сарматской экспансией на Правобережье и появлением гетов в Нижнем Поднепровье. Время возникновения зарубинецких городищ (на Среднем Поднепровье их известно более 30) фиксируется стратиграфически, поскольку на Пилипенковой Горе под ранним валом находилось жилище II—I вв. до н. э. Хронология среднего периода опирается на

амфорный материал со Среднего Поднепровья и Южного Побужья и импортные европейские фибулы, найденные в комплексах всех регионов зарубинецкой культуры. На Среднем Поднепровье такие материалы обычны для вновь созданных городищ типа Бабиной Горы и пойменных поселений типа Оболони или Марьяновки в бассейне Южного Буга. Это — обломки раннеримских коричнево- или светлоглиняных амфор с одностовальными или двустовальными ручками, фибулы «воинского» и причерноморского типов рубежа нашей эры — первой половины I в. н. э., фибулы западноевропейского типа с сильнопрофилированным туловом и прорезным приемником. В комплексах встречены и местные фибулы с треугольной ножкой I в. до н. э. — I в. н. э. В это время появляются зарубинецкие поселения на Южном Буге и Верхнем Подесенье как результат миграции среднеднепровского населения. Причиной миграции была сарматская экспансия в центральную часть днепровского лесостепного Правобережья, начавшаяся, по-видимому, еще в середине I в. до н. э., поскольку пребывание сарматов на этих землях отмечают такие памятники, как клад у с. Залевки. В середине — конце I в. н. э. на Среднем Поднепровье появляются в бассейнах рек Роси, Расава, Тясмина и Выси сарматские могильники (в настоящее время их известно около 30), свидетельствующие об освоении этих земель сарматами. Для Полесья поздняя дата данного периода четко определяется по фибулам из могильников. Здесь найдено 53 «рамчатых» и «воинских» фибул 40—50-х годов I в. н. э., соответствующих вариантам M и N по классификации Костшевского.

Заключительный период продолжался на Верхнем Поднепровье, Южном Побужье, Верхнем Подесенье и на окраинах Среднего Поднепровья, где на периферии области, занятой сарма-

тами, расположилась оставшаяся, судя по всему, очень небольшая часть зарубинецкого населения. Его памятники «известны к северу от занятой сарматами области (Лютеж, Таценки—Довжик, Триполье), к востоку (Вишенки, Рудяки, Зарубинцы, поречье Трубежа), к югу (Рахны). В культуре населения, помимо зарубинецких, заметны черты среднеевропейских культур, проявляющиеся в керамике (Вишенки, Таценки, Рахны) и фибулах (Лютеж, Зарубинцы, Рахны, Рудяки, Трубеж). Хронологию этого периода на Среднем Поднепровье и Южном Побужье определяют фибулы, античные импорты (Рахны, Триполье), римские монеты (Таценки).

На Верхнем Поднепровье материалы заключительного периода обнаружены в нескольких погребениях Чаплина с подвязными фибулами. Синхронные по времени деснянские памятники (Почеп и др.) также датируются подвязными и «почепскими» фибулами и краснолаковой античной керамикой II в. н. э.

В настоящее время проблема происхождения зарубинецкой культуры является дискуссионной. Однако ясно, что генезис этой культуры был процессом многогранным, отразившим имманентные черты, присущие местному населению, и внешние обстоятельства, проявившиеся в движении среднеевропейских племен в бассейны Вислы, Днестра и Днепра, что способствовало образованию здесь внешне похожих — латенизированных, но внутренне различных, но схожих по своему этническому содержанию культур — оксывской, пшеворской, поеншти-лукашевской и зарубинецкой.

Поэтому при постановке вопроса о происхождении зарубинецкой культуры нужно учитывать два этих главных фактора — роль культуры местного населения и вклад пришлых элементов.

Сочетание этих составных частей и определило наличие той общности, которая объединяет в единую зарубинецкую культурно-историческую область Припятский, Верхне- и Среднеднепровский ее регионы, хотя каждый из них имеет свои особенности, иногда значительно отличающие их друг от друга — в домостроительстве, керамическом комплексе, деталях погребального обряда.

Все три раннезарубинецких региона имели различные субстратные образования. Припятский регион представлял собой окраину позднепоморской и подклешевой культур — в западной своей части — и милоградской культуры — в восточной. На территории Верхнеднепровского региона располагались многочисленные милоградские памятники, а в Среднем Поднпровье — памятники двух близких между собой культур — правобережной лесостепной позднескифского времени — на Тямяне и в Поросье, и подгорцевской — на Киевшине.

Для каждого из раннезарубинецких регионов разными были и привнесенные элементы. Так, на Припяти явственно выступают позднепоморские и подклешевые черты культуры, в то время как на Среднем Поднпровье больше западных и юго-западных форм, которые прослеживаются в изделиях из металла и керамики.

Таким образом, особенности каждого раннезарубинецкого региона были обусловлены культурным наследием жившего здесь ранее населения и наличием различных элементов позднепоморской, подклешевой, позднелужицкой и других культур, проявивших себя с различной силой в зависимости от конкретных местных условий.

Итак, зарубинецкую культуру нельзя рассматривать как дальнейший этап в развитии местных или пришлых культур, она представляет собой новообразование, этап в развитии населения

этой территории, соответствующий исторической обстановке, сложившейся в конце III в. до н. э. в Средней и Юго-Восточной Европе.

Как известно, племена лесостепного и лесного Поднпровья и Припятского Полесья не упоминаются в сочинениях античных авторов, поэтому достоверное определение этноса носителей зарубинецкой культуры невозможно. К ним не имеет отношения и этноним «венеды» с его гипотетической локализацией (для рубежа нашей эры), который в более позднее время уже мог обозначать часть славянского мира. Остается археологический путь решения, предоставляемый возможностями ретроспективного метода, с учетом данных языкознания. Однако археологическая ретроспектива не способствует выяснению вопроса, потому что зарубинецкая культура не явилась модификацией какой-либо одной предшествующей культуры. Напротив, у ее истоков находилось несколько различных культур, этнос которых, к тому же, далеко не ясен. Так, из субстратных культур, одни исследователи «милоградцев» считают славянами, другие же — балтами. Правобережную сколотскую (лесостепную) культуру часть археологов и некоторые языковеды относят к праславянской, однако имеются и другие точки зрения. Нельзя считать решенными вопросы об этносе пришлых культур — позднепоморской и подклешевой, который определяется как западнобалтский, балтский или праславянский.

Что касается данных языкознания, то при сопоставлении карт гидронимов и ареалов культур видно бытование древнеславянского языка на территории Среднеднепровского зарубинецкого региона, особенно в междуречье Тетерев—Припять и отсутствие германского и иранского в широкой зоне Поднпровья — Поднестровья. Контакты с юго-западом подтверждаются

наличием иллирийских (западнобалканских) гидронимов на Среднем Днестре и фракийских гидронимов на Среднем Поднепровье. Однако эти факты требуют дополнительной аргументации, поскольку гидронимы не имеют надежного хронологического определения.

Этническая проблема зарубинецкой культуры не может сейчас рассматриваться без привлечения материалов недавно открытой и исследуемой киевской культуры. Ее ранние памятники (Грини, Назаровичи, Абидня, Обухов, Колодезный Бугор, Лавриков Лес и др.) увязываются в генетическом плане с позднезарубинецкими памятниками Поднепровья и Подесенья — Лютежом, Трубежом, Чаплином, Почепом, что видно из наличия близких типов кухонных горшков, чернолощенных мисок, бронзовых украшений, устройстве жилищ, черт погребального обряда.

Правда, с течением времени эти позднезарубинецкие элементы в памятниках киевского типа теряются, а силу набирают те особенности этой культу-

ры, которые приближают ее к ранним памятникам пеньковских и колочинских средневековых славянских древностей. В керамике эта тенденция проявляется в исчезновении чернолощенной посуды, в господстве биконических горшков и появлении цилиндрическо-конических форм, в погребальном обряде — в почти полном отсутствии погребального инвентаря, в домостроительстве — в господстве конструкции с центральным опорным столбом. Так киевская культура отходит от позднезарубинецкой и приближается к раннеславянским. Этим подтверждается мнение о ее срединном положении — в хронологическом и генетическом плане — между зарубинецкой и раннеславянскими культурами.

Дальнейшие исследования рассеют сомнения о праславянском этносе носителей зарубинецкой культуры, но как бы дальше ни совершенствовались наши знания, роль этой культуры в процессе происхождения и становления славянства всегда останется значительной.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Абашина Н. С., Гороховський б. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 61—71.
- Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961, № 1, с. 91—110.
- Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками.— СА, 1969, № 2, с. 69—84.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, вып. И—12.
- Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1—30.
- Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К.: Наук, думка, 1972.
- Баран В. Д.* Проблемы сложения славянских раннесредневековых древностей в свете новейших исследований на Днестре.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Киев: Наук, думка., 1980, с. 144—145.
- Баран В. Д., Максимов б. В.* Досягнення і проблеми ранньослов'янської археології в УРСР.— Археологія, 1978, вип. 26, с. 59—76.
- Баран В. Д.* Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу.— К.: Наук, думка, 1981.— 264 с
- Белан Н. Г.* Фауна зарубинецьких поселень Київщини.— Природная обстановка и фауна прошлого. Днепропетровск, вып. 9, с. 108—128.
- Березовець Д. Т.* Дослідження на території Путивльського р-ну Сумської обл.— АВ УРСР, 1952, т. 3, с. 242—250.
- Березовець Д. Т.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.— АП УРСР, 1955, т. 5, с. 49—66.
- Березовець Д. Т.* Поселення уличей на Тясмині.— МИА, 1963, № 108, с. 145—208.
- Бидзиля В. И.* Этническая карта Восточной Европы первой половины I тысячелетия: н. э.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наук. думка., 1972, с. 19—29.
- Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецьке поселення у с. Лютеж.— МИА, 1969, № 160, с. 51—74.
- Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы.— М.: Наука, 1978.
- Богусевич В. А., Липка И. В.* Зарубинецьке поселення на Пилипенковій Горі біля г. Канева.— МИА, 1959, № 70, с. 114-118.
- Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.— Киев : Наук, думка, 1976.
- Виноградский Ю. С.* Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница.— КСИА АН УССР, 1952, вып. 1, с. 50—52.
- Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.— Київ : Наук. думка, 1972.

Винокур И. С., Вакуленко Л. В. Кисёловский могильник I—II вв. н. э.— КСИА АН СССР, 1967, вып. 112, с. 126—132. •

Воляниц В. К. Поселение у с. Пидрижье на Воляни.—АО 1971 г., М., 1972, с. 361.

Вязьмитина М. И., Ілліньська В. А., Покровська б. Ф., Теренозжін О. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Новопилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП УРСР, 1960, 8, с. 22—135.

Вязьмитина М. И. Золота Балка.— Киев: Наук, думка, 1962.

Вязьмитина М. И. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии.— СА, 1969, № 4, с. 62—77.

Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник.— Киев: Наук, думка, 1972.

Гонак В. А. Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1966.

Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— Л.: Наука, 1981.

Граков В. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов.— М., 1928. Рос. ассоц. научн.-исс. ин-тов обществ, наук (РАНИОН).

Граков В. П. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.

Даниленко В. Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР.— В кн.: Докл. VI научн. конф. Ин-та археологии. Киев: Наук, думка, 1953, с. 197—208.

Даниленко В. Н., Дудкин В. п., Круц В. А. Археолого-магнитная разведка в Киевской области.— Археол. исслед. на Украине, 1967, вып. 1, с. 209—215.

Даниленко В. М. Пізньозарубинецькі пам'ятки кийського типу.— Археологія, 1976, вып. 19, с. 65—92.

Дмитров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. Б. Любимівське городище рубежу нашої ери.— АП, 1961, т. 10, с. 78—100.

Заверняев Ф. М. Почепское селище.— МИА, 1969, № 160, с. 88—118.

Заверняев Ф. М. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья.— МИА, 1970, № 176, с. 22—25.

Зест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, АН СССР.

Иордан. О происхождении и деяниях гот.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Каспарова К. В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи.— МИА, 1969, № 160, с. 131—168.

Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник Велемичи II.— Археол. сб., 1972, вып. 14, с. 53—111.

■ Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник в с. Могиляни на Ровенщині.— Археологія, 1973, вып. 10, с. 65—71.

Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья.— Археол. сб., 1976, вып. 17, с. 35—66.

Каспарова К. В. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях).— Пробл. археологии, 1978, вып. 2, с. 79—88.

Козак Д. Н. Некоторые проблемы изучения пшеворской культуры.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук, думка, 1977, с. 97—110.

Костенко Ю. В. Памятники I тис. н. э. в поріччі р. Трубежа.— Археологія, 1978, вып. 28, с. 99—112.

Кравченко Н. М. Исследования в Киевской области.—АО 1970 г. М., 1971, с. 280—281.

Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития местной культуры поселения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия п. э.— СА, 1979, № 2, с. 51—69.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР.— САИ, 1961, вып. Г4—4.

Круц В. А., Телегин Д. Я. Из работ Киевской экспедиции 1965—1966 гг. — Археол. исслед. на Украине, 1967, вып. 1, с. 3—9.

Кубышев А. И., Максимов Е. В. Пироговский могильник.— МИА, 1969, № 160, с. 25—38.

Кубышев А. И. Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника (розкопки 1966—1967 рр.).— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К.: Наук, думка, 1976, с. 23—41.

Куза А. В. Зарубинецкое поселение около Житомира.—КСИА АН УССР, 1964, вып. 102, с. 34—36.

Куза А. В., Кубышев А. И. Нові зарубинецькі пам'ятки на Середньому Подніпров'ї.— Археологія, 1971, вып. 3, с. 85—92.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях.—СА, 1954, 19, с. 111—120.

Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы.—СА, 1959, № 1, с. 30—51.

Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник.— МИА, 1959а, № 70, с. 154—180.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— СА, 1960, № 1, с. 288—300.

Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, 1961, вып. Д1—29.

Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура.—САИ, 1964, вып. Д1—19.

Кухаренко Ю. В. Археология Польши.¹— М.: Наука, 1969.

Кухаренко Ю. В. Погребение у с. Пересыпки.—МИА, 1970, № 176, с. 33—35.

Кухаренко Ю. В. О так называемых зарубинецких памятниках в Подолии.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., Наука, 1978, с. 142—146.

Кухаренко Ю. В. Могильник Брест—Тришин.— М.: Наука, 1980.

Макаренко М. Борзенські емалі і старі емалі України взагалі.— В кн.: Чернігів та Північне Лівобережжя. К., 1928, с. 80—100.

Максимов Е. В. Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове.—КСИА АН УССР, 1960, вып. 9, с. 29—42.

Максимов в. В. Античний імпорт на Середньому Подніпров'ї в зарубинецький час.— Археологія, 1963, 15, с. 110—122.

Максимов Е. В. О происхождении зарубинецкой культуры.— В кн.: Материалы конф. по археологии Белоруссии и смеж. территорий. Минск, 1966, с. 157—159.

Максимов Е. В. Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье.—МИА, 1969, № 160, с. 17—24.

Максимов б. В. Землеробство і скотарство на Середньому Придніпров'ї на рубежі нової ери.—Укр. іст. журн., 1969а, № 8, с. 96—101.

Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Приднепровье.— МИА, 1969б, № 160, с. 39—50.

Максимов б. В. Зарубинецьке городище Пилипенкова Гора—Археологія, 1971, вип. 4, с. 41—56.

Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев: Наук, думка, 1972.

Максимов Е. В., Орлов Р. В. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева.— В кн.: Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974, с. 11—21.

Максимов Е. В. Зарубинецкая культура.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук, думка, 1978, с. 39—56.

Максимов б. В. Взаимовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я.— Археологія, 1978, вип. 28, с. 45—55.

Максимов С. В. Кераміка зарубинецької культури.— Археологія, 1981, вип. 39, с. 41—53.

Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Поселения киевского типа близ Чернигова.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук, думка, 1978, с. 91—108.

Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Поселения киевского типа у с. Ульяновка на Десне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев : Наук, думка, 1979, с. 21—37.

Максимов Е. В., Цыдровская Л. А. Итоги раскопок комплекса зарубинецкого вре-

мени близ г. Канева.— АО 1975 г., М., 1976, с. 353.

Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов.— В кн.: Западнофинский сборник. Л., 1930.

Мачинский Д. А. О хронологии некоторых вещей зарубинецкой и одновременных ей культур.—КСИА АН СССР, 1963, вып. 94, с. 20—28.

Мачинский Д. А. О происхождении зарубинецкой культуры.—КСИА АН СССР, 1966, вып. 107, с. 3—8.

Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв.— Археол. сб., 1976, вып. 17, с. 82—100.

Махно в. В. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули.— АП УРСР, 1955, 5, с. 77—85.

Махно Е. В., Самойловский И. М. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье.—МИА, 1959, № 70, с. 11—21.

Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины.— МИА, 1962, № 115, с. 114—166.

Мельниковская О. П. Племена Южной Белорусии в раннем железном веке.— М.: Наука, 1967.

Мозолевский Б. Н. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине.— СА, 1972, № 3, с. 268—308.

Никитина В. Б. Вновь открытые памятники поморской культуры.— КСИА АН СССР, 1964, вып. 102, с. 43—47.

Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, 1970, вып. Д1—27.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени.— Киев : Наук, думка, 1974.

Пассек Т. С. Пороська експедиція 1945 р.— АП УРСР, 1949, 1, с. 209—222.

Пачкова С. П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери.— К.: Наук. думка, 1974.

Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э.— МИА, 1961, № 96, с. 53—102.

Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САН, 1967, вып. Д1—4.

Петров В. П. Зарубинецкий могильник.— МИА, 1959, № 70, с. 32—60.

Петров В. П. Зарубинецько-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я і синхронні культури суміжних територій.— Археологія, 1961, 13, с. 53—75.

Петровська С. О. Підгірцівські пам'ятки Київського Придніпров'я.— Археологія, 1971, вип. 2, с. 9—22.

Пиотровський Б. В. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР.— СА, 1958, № 1, с. 20—27.

Поболь Л. Д. Новые зарубинецкие могилы на Туровщине.— МИА, 1969, № 160, с. 119—130.

Поболь Л. Д. Железный век: Памятники юж. Белоруссии.— В кн.: Очерки археологии Белоруссии. Минск, 1970, ч. 1, с. 136—254.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1971.— Ч. 1.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1973.— Ч. 2.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1974.— Ч. 3.

Погребова П. Н. Позднескифские городища па Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64, с. 103—247.

Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры.— М.: Наука, 1975.

Романовская М. А. Памятники культуры Лукашевка-Пояпешты.— Археол. карта Молдавской ССР, 1974, вып. 4.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси.— М.: Наука, 1948.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М.: Наука, 1979.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М.: Наука, 1981.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв.— М.: Наука, 1982.

Савчук А. П. Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубуж.— МИА, 1969, № 160, с. 82-87.

Самойловский И. М. Корчеватский могильник.— МИА, 1959, № 70, с. 61—93.

Седов В. В. Ранний период славянского этногенеза.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев, М.: Наука, 1976, с. 68—107.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М.: Наука, 1979.

Симоненко А. В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977, с. 221—230.

Смирнова Г. И. Комплексы конца I тысячелетия до н. э. на поселениях у с. Незвиско.— МИА, 1970, № 176, с. 30—33.

Смишко М. Ю. Погребения раннежелезного века в с. Могиляны Ровенской области.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 54—57.

Смишко М. Ю. Племена зарубинецкой культуры.— В кн.: Населения Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. К.: Наук. думка, 1976, с. 6—15.

Спицын А. А. Памятники латенской культуры в России.— ИАК, 1904, вып. 12.

Сымонович Э. А. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978, с. 94—98.

Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии.— Соч. Л.: Наука, 1969.— Т. 1.

Телегин Д. Я., Круц В. А. Исследование неолитических поселений в зоне Киевского водохранилища.— Науч. арх. ИА АН УССР, 1963.

Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев: Наук. думка, 1961.

Тереножкин А. И. Киммерийцы.— Киев 5 Наук. думка, 1976.

Терпилоеский Р. В. Новые памятники III—IV вв. в Черниговском Подесенье.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1978.

Терпилоеский Р. В. Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв.: Автореф. дисс. ..., канд. ист. наук.— Киев, 1980.

Тимошук Б. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине.— КСИА АН СССР, 1962, № 90, с. 186—195.

Третьяков П. Н. Чаплинское городище.— МИА, 1959, № 70, с. 119—153.

Третьяков П. И. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.; Л.: Наука, 1966.

Третьяков П. Н. Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей.— МИА, 1969, № 160, с. 7—16.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— Л.: Наука, 1970.

Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.

Федоров Г. Б. Лукашевский могильник.— КСИА АН СССР, 1957, вып. 68, с. 51—62.

Федоров Г. В. Население Пруто-Днепровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, 1960, № 89.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Филин Ф. П. Происхождение русского, белорусского и украинского языков.— Л., 1972.

Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі.— Археологія, 1971, вип. 4, с. 84—96.

Хавлюк П. І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра.— Археологія, 1975, вип. 8, с. 7—19.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Приднепровье.— Зап. рус. археол. о-ва, 1901, т. 12, вып. 1/2.

Цигилик В. М. Населения Верхнего Подністров'я перших століть нашої ери.— К.: Наук. думка, 1975.

Черных Е. Н., Барцева Т. В. Спектроаналитические исследования цветного металла Черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 95—103.

Шарадендзе Т. С. Процессы дифференциации и интеграции языков.— Вопр. языкознания, 1952, № 1.

Шовкопляс Г. М. Дослідження на березі Почайни в Києві.— Археол. дослідження на Україні, 1972, вин. 4, с. 206—210.

Шовкопляс А. М. Раскопки зарубиинецкого поселения в Киеве.— АО 1972 г. М., 1973, с. 350—351.

Шовкопляс А. М. Исследования на Оболони в Киеве.— Тезисы конференции Института археологии АН УССР (Новейшие откры-

тия советских археологов), 1975, ч. 3, с. 34—35.

Шрамко В. А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореф. дис. ... докт. ист. наук.— Киев, 1965.

Dechelette J. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et gallo-romain. 2.— Paris, 1914,—Vol. 2.

Hadaczek K. Cmentarzysko ciałopalne koło Przeworska z epoki cesarstwa rzymskiego.— Lwów, 1909.

Filip J. Keltowe ve sredni Europe.— Prana, 1956.

Maiuri A. Nuova Silloge epigrafical di Rodie Cos.— Firenze, 1925.

Schwanles G. Die Ripdorf stufe.— Hildesheim, 1956.

Тодороевх J. Каталог праисториіских металних предмета.— Београд, 1971.

Zirra V. Beitrage zur Kenntniss des keltischen Latene in Rumänien.— Dacia, 1971, t 15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА	— Советская археология
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
АО	— Археологические открытия
ИАК	— Известия императорской Археологической Комиссии
КСИА АН СССР и АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР и АН УССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
САИ	— Свод археологических источников

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ	7
ГЛАВА II РАННИЙ ПЕРИОД ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ	31
ГЛАВА III ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОЕ ВРЕМЯ ,	70
ГЛАВА IV ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ	123
ГЛАВА V НАСЛЕДИЕ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ	133.
ГЛАВА VI О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ, ЭТНОСЕ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	177
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	182

Евгений Владимирович Максимов

ЗАРУБИНЕЦКАЯ
КУЛЬТУРА
НА ТЕРРИТОРИИ УССР

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР*

На обложке: приднепровское городище Баби
на Гора, зарубинецкая керамика и фибулы.

Редактор

В. П. ЛАГОДЗКА

Оформление художника

П. ЯРАСЬКО

Художественный редактор

С. Н. КВИТКА

Технические редакторы

А. А. МАТВИЙЧУК, В. А. КРАСНОВА

Корректоры

Т. А. ОВОРА, З. С. СОКОЛИНСКАЯ,

Е. С. МИРЗАМУХАМЕДОВА

Информ. бланк № 5042.

Сдано в набор 19.04.82. Подп. в печ. 10.11:82: БФ 00752s
Формат 70X90/16. Бум. тип. № 1. Обыкн. новая гарн.
Вые. печ. Усл. печ. л. 13,42. Усл. кр.-отт. 13,42. Уч.-изд.
л. 14,84. Тираж 1200 экз. Заказ № 2—1000. Цена 2 руб.
20 коп.

Издательство Наукова думка. 252601, Киев. ГСП,
Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией,
г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8, с матриц
Головного предприятия РПО «Полиграфкнига», 252057,
Киев-57, Довженко. 3. Зак. № 5236.